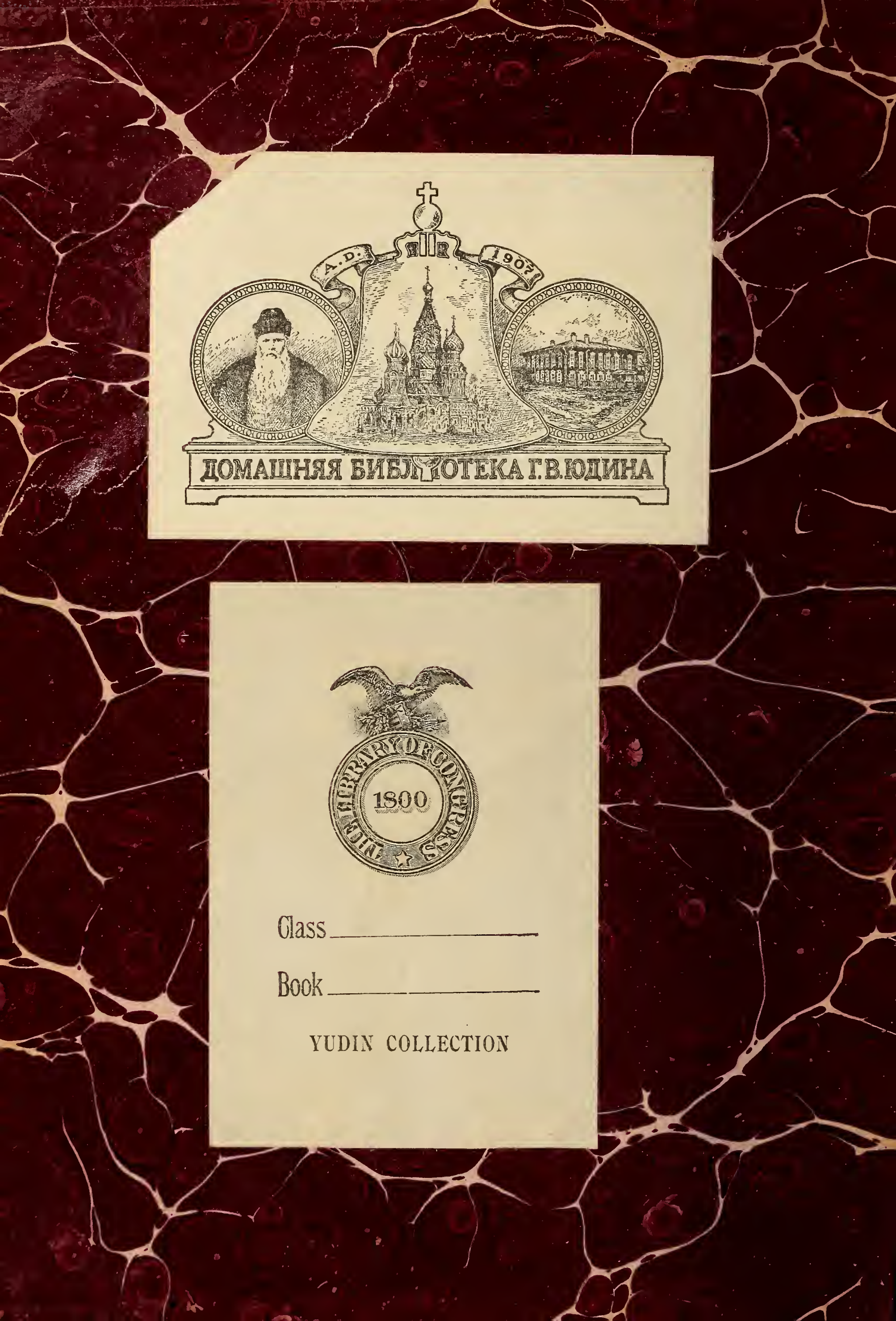
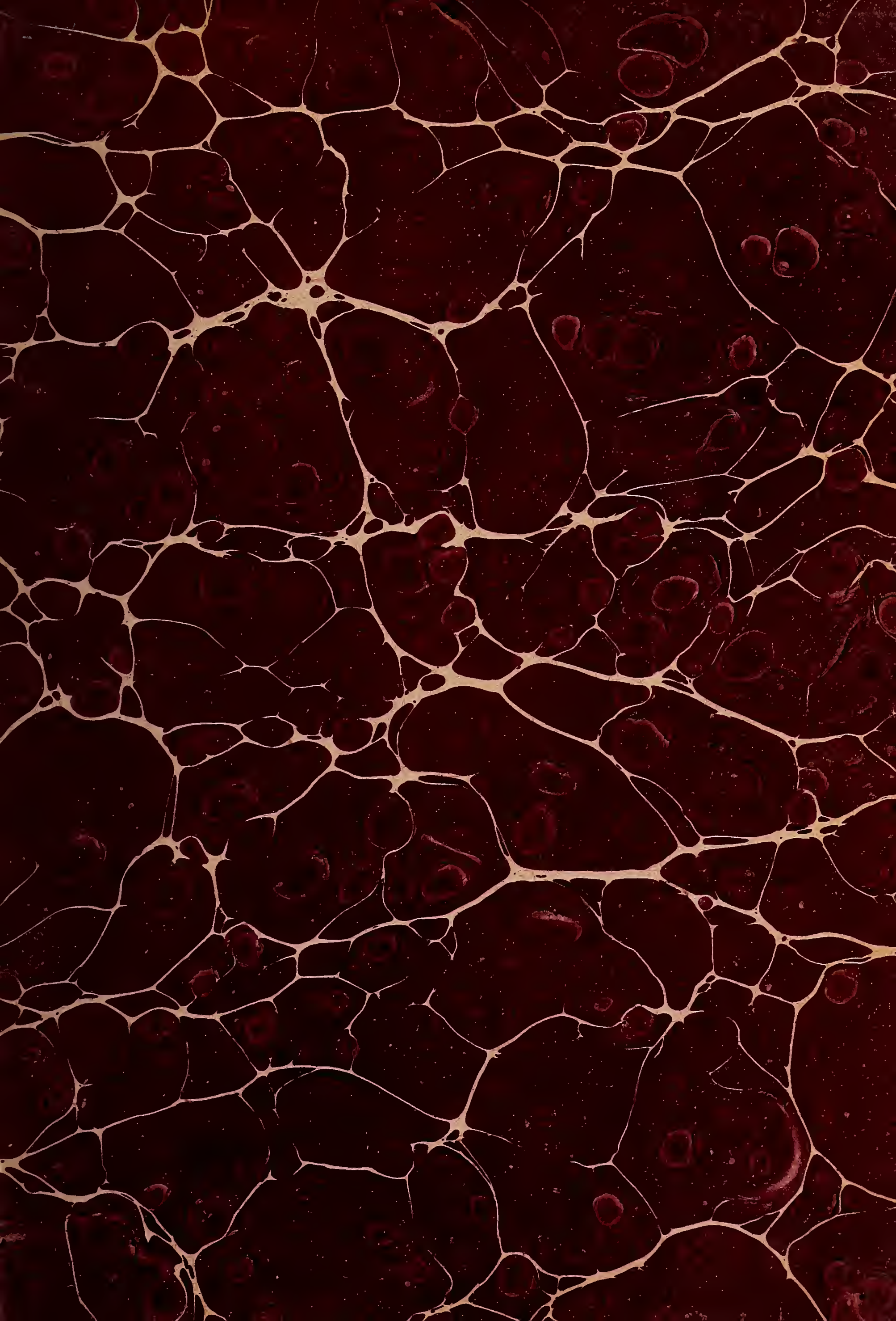

LIBRARY OF CONGRESS
00020180973

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B BEHR'S BUCHHANDLUNG. (E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN.
1875.

Koshelev, Alexander Ivanovich

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B BEHR'S BUCHHANDLUNG. (E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN.
1875.

Болѣе двѣнадцати лѣтъ, я ничего не печаталъ за границею, потому что можно было печатать дома — у насъ на Руси. Я желаю бесѣдовать не съ чужими а съ своими; а потому одна крайность заставляетъ меня печатать на чужбинѣ. Я не революціонеръ, не комунистъ, не оппозиціонистъ изъ любви къ спорамъ и порицаніямъ. И лѣта и достатки мои и то положеніе, которымъ я пользуюсь въ обществѣ — устраняютъ такое обвиненіе, еслибы оно было кѣмъ-либо на меня возведено. По настроенію, я даже не пессимистъ; но нынѣшнія обстоятельства Россіи таковы, что всякій, любящій свое отечество, долженъ крѣпно призадуматься, и что если онъ имѣетъ что́ сообщить въ утѣшеніе, ободреніе и назиданіе своихъ согражданъ, то обязанъ откровенно высказаться

Молчаніе, въ настоящемъ случаѣ, считаю я дѣломъ не добрымъ. Быть можетъ что въ этой книжкѣ, я не сообщаю ничего особенно новаго и важнаго; но вѣрно одно — что я говорю съ глубокимъ убѣжденіемъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей и съ искреннимъ желаніемъ блага для моей страны — что во мнѣ отъ избытка души уста глаголютъ.

А. Кошелевъ.

1/13. Августа 1874.
Емсъ.

Оглавленіе.

I.

Наше положеніе вообще.

Нынѣшнее наше положеніе тяжело, весьма тяжело — въ этомъ согласны чуть не всѣ; несогласны съ этимъ развѣ только тѣ, которые пользуются бѣдственностью настоящаго положенія и извлекаютъ изъ него личныя выгоды. Но иные и весьма многіе находятъ его даже болѣе тяжкимъ чѣмъ то положеніе, въ которомъ Россія находилась въ теченіи предъидущаго тридцатилѣтняго царствованія. И не хотѣлось бы съ этимъ согласиться, и внѣшняя обстановка вещей противурѣчитъ такому утвержденію; но отвергать гибельное дѣйствіе нынѣшняго положенія дѣлъ на умы, духъ и жизнь народа — невозможно; ибо, на нашихъ глазахъ, совершаются, во внутренней и внѣшней нашей жизни, такія разительныя событія, и проявляются такой упадокъ и такое разложеніе нравственныхъ народныхъ силъ, что невольно погружаешься въ думу и душа наполняется грустью глубокою. Однако неужель, въ послѣдніе девятьнадцать лѣтъ, мы не двинулись впередъ? Неужель мы въ иномъ

даже попятились къ худшему? Неужель всѣ возбужденныя надежды, всѣ потраченныя нами силы, всѣ совершенныя великія дѣла — превратились въ прахъ? Нѣтъ! Конечно нѣтъ! Между положеніями нашими — прежнимъ и нынѣшнимъ — разница огромная, существенная, хотя, во многихъ отношеніяхъ, и не утѣшительная.

Съ 1825 по 1855 годъ, мы обрѣтались подъ тяжкимъ, постояннымъ, почти однообразнымъ гнётомъ; у насъ не было никакой общественной гражданской жизни; о земской дѣятельности не позволялось и думать, и употребленіе словъ: „земство“ „земскій“ клало, на произносившаго ихъ, печать неблагонабежности и неблагонамѣренности, даже подвергало его разнаго рода невыгодамъ и опасностямъ; дворянскія собранія не имѣли никакаго значенія; въ нихъ почти никакихъ дѣлъ не обсуждалось, а происходили только скандалы; выборы же въ важныя должности — предсѣдателей и членовъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, уѣздныхъ и земскихъ судовъ, въ званіе предводителей и депутатовъ дворянства и проч. превратились въ игру личныхъ интересовъ; въ городахъ, самоуправленіе было ничѣмъ инымъ какъ его пародіею, ибо оно находилось въ рукахъ самыхъ непросвѣщенныхъ городскихъ обывателей и состояло въ полной зависимости отъ губернскихъ правленій; суды не внушали къ себѣ никакаго довѣрія, и люди честные и безкорыстные, въ нихъ засѣдавшіе, заподозрѣвались, по милости тайнаго судопроизводства, если и не во взяткахъ, то въ небрежности и угодливости; торговля была въ полномъ застоѣ; кредитъ почти

вовсе не существовалъ; крѣпостная зависимость лежала на плечахъ и спинѣ многихъ милліоновъ людей; а литература прибавлялась стихами, театральными піесами, повѣстями и романами, которые могли быть безнравственными, лишь бы не касались человѣка общественнаго, а тѣмъ еще мѣнѣе отношеній его къ правительству; Русскій не смѣлъ, ни въ журнальныхъ статьяхъ, ни въ книгахъ, говорить о вопросахъ политическихъ или о злобахъ дня. Однимъ словомъ, внизу была мертвенность полная; а въ верхнихъ слояхъ гулялъ произволъ безъ всякой удержи. Жизнь человѣчья сосредоточивалась для Русскаго въ тайникахъ его души; тутъ только онъ чувствовалъ себя существомъ, созданнымъ по образу и подобью Божьему — тутъ только онъ сознавалъ свою самобытность, свое право на свободу мысли, чувства и воли. Дѣйствіе отрезвительное для произвола, пробудительное для людей, лишенныхъ гражданской дѣятельности, и благотворное для страны вообще — произведено было Крымскимъ погромомъ.

Теперь конечно мы чувствуемъ себя безпрестанно стѣсненными и въ земскомъ и въ городскомъ самоуправленіи; испытываемъ на себѣ разгулъ произвола, свыше надъ нами поставленныхъ администраторовъ (мастерски изображенныхъ Щедринымъ въ его помпадурахъ); подвергаемся дѣйствію вновь издаваемыхъ законовъ, мало соображенныхъ съ нуждами страны, и ожидаемъ со страхомъ, изъ Петербурга, министерскихъ и законодательныхъ разъясненій и дополненій, изподтишка отнимающихъ у насъ права и обеспеченія, которыя были

намъ Высочайше дарованы въ Уставахъ и Положеніяхъ, изданныхъ въ первое десятилѣтіе нынѣшняго царствованія; но все-таки мы имѣемъ губернскія и уѣздныя земскія учрежденія, а равно и городскія думы и управы, въ которыхъ мы можемъ обсуживать наши нужды, устанавливать правила для нашего общественнаго хозяйства, и распоряжаться, по нашему усмотрѣнію, на пользу обитаемой нами мѣстности, сборами, нами же устанавливаемыми. Теперь хотя мы и не чувствуемъ себя обеспеченными въ личныхъ и имущественныхъ нашихъ правахъ; хотя и бываютъ высылки безъ суда на житье въ Вологду и другіе отдаленные края, а также произвольныя нарушенія правъ личности и собственности со стороны становыхъ, исправниковъ, полицеймейстеровъ, губернаторовъ и другихъ административныхъ лицъ; однако эти случаи суть только прискорбныя исключенія изъ общаго правила: ибо, на основаніи судебныхъ уставовъ, мы вообще подлежимъ суду не тайному, не по мертвой буквѣ закона, не по произвольному истолкованію его приказными, а по суду гласному, дѣйствующему, въ лицѣ нами избираемыхъ мировыхъ судей и изъ насъ назначающихся присяжныхъ засѣдателей, по внушеніямъ человѣческой совѣсти. Правда, что налоги и разнаго рода сборы ростутъ и все тяжче и тяжче на насъ ложатся; что государственные расходы страшно увеличиваются и разнообразятся; что уровнительность вовсе не составляетъ достоинства первыхъ а производительность не есть свойство послѣднихъ; но, по крайней мѣрѣ, изъ обнародываемыхъ государ-

ственныхъ смѣтъ, мы узнаемъ что̀ хотятъ съ насъ взять, а изъ опубликовываемыхъ отчетовъ государственнаго контроля, мы видимъ на что̀ наши деньги употреблены — чего прежде не бывало; правда, что въ этомъ утѣшеніе слабое, ибо тутъ мы только зрителями и слушателями бездѣйственными, но всетаки существами, не лишенными способости размышленія, соображенія и дѣланія выводовъ и заключеній. Конечно наши денежныя дѣла вообще все болѣе и болѣе затрудняются и запутываются, какъ неопредѣлительностью нашей денежной единицы, такъ въ особенности разнымн, какъ deus ex machina являющимися распоряженіями министерства финансовъ; но, несмотря на то, замѣтно какое-то, пожалуй, и не естественное, а искуственное и мало утѣшительное оживленіе въ торговыхъ и особенно въ спекуляціонныхъ предпріятіяхъ; возникли у насъ банки и денежные и поземельные; страдаемъ теперь не отсутствіемъ кредита а его безпорядочностью и разгуломъ; и въ финансовомъ дѣлѣ мы уже ходимъ не во тьмѣ ночной, а при полусвѣтѣ сумерокъ, вѣроятно, утреннихъ а не вечернихъ. Хотя въ деревняхъ, ни для крестьянъ, ни для землевладѣльцевъ, бытъ не устроенъ такъ, чтобы они могли свободно развивать свою дѣятельность, успѣшно вести свои хозяйства и разживаться; однако крѣпостная зависимость первыхъ отъ послѣднихъ упразднена; тѣлесныя наказанія для крестьянъ, если и не отмѣнены, то значительно сокращены; права и обязанности и тѣхъ и другихъ нѣсколько опредѣлены, и есть возможность распоряжаться хозяйствомъ на основаніяхъ, если и не

совсемъ правильныхъ, то по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя явно не противурѣчатъ здравому смыслу и справедливости. Благосостояніе сельскаго населенія, конечно, мало улучшилось (если только оно не ухудшилось); но вина въ этомъ какъ самаго крестьянства, не становящагося въ уровень дарованныхъ ему правъ и предающагося пьянству, такъ и самихъ личныхъ землевладѣльцевъ, не желающихъ посвящать свои труды нелегкому дѣлу сельскаго хозяйства и мѣстной дѣятельности, и предпочитающихъ ей удобную, пріятную, хотя и съ ущербомъ самостоятельности сопряженную жизнь на государственной службѣ, или поприще частныхъ и компанейскихъ спекуляцій, исполненное треволненій и вынуждающее на разныя сдѣлки съ своею совѣстью. Неулучшеніе или даже ухудшеніе быта сельскаго населенія происходитъ, быть можетъ, и отъ другихъ причинъ: крестьянамъ, бывшимъ въ полной зависимости отъ помѣщиковъ и отъ чиновниковъ вдругъ даны были огромныя права, т. е. такое самоупраленіе, какаго небыло предоставлено ни дворянамъ, ни горожанамъ; понятно что крестяне не справились съ дарованными имъ правами и что они просто на просто растерялись. Къ этому конечно много содѣйствовали и гг. посредники послѣднихъ годовъ: сколько первые дѣятели, носившіе это званіе, старались удерживаться и удерживать крестьянъ на строго законной почвѣ, столько ихъ преемники, нынѣшніе посредники сами своевольничуютъ, воскрешаютъ память о дѣйствіяхъ прежнихъ недобрыхъ помѣщиковъ и даже побуждаютъ старшинъ и старостъ къ дѣйствіямъ произвольнымъ и

противузаконнымъ. Что касается до землевладѣльцевъ, то ихъ гонитъ, на государственную службу и на житье въ городахъ, и то обстоятельство, что они не чувствуютъ себя достаточно обеспеченными со стороны полиціи, не имѣющей почти никакихъ средствъ къ огражденію гражданъ отъ постороннихъ насилій и удерживающей за собою только прежній произволъ и прежнее умѣніе водворять безпорядки вездѣ, гдѣ она появляется. Иные думаютъ что для усиленія власти полиціи нужны какіе-то конные разъѣзщики и умноженное число становыхъ. Нѣтъ! не такими средствами увеличиваютъ силу полиціи. Примѣръ Англіи, въ этомъ отношеніи какъ и во многихъ другихъ, особенно поучителенъ: тамъ полиція сильна тѣмъ, что она всегда дѣйствуетъ законно и что, вслѣдствіе того, всѣ ей помогаютъ. — Правда что, въ литературной сферѣ, произвольно жгутъ книги и журналы, запрещаютъ статьи, пріостанавливаютъ розничную продажу и самое изданіе газетъ и журналовъ, и снабжаютъ цензурные комитеты и циркулярными и особенными и обыкновенными и конфиденціальными предписаніями, запрещающими говорить въ печати то о томъ, то о другомъ предметѣ; но, за всѣмъ тѣмъ, есть возможность, конечно не просто и откровенно, а съ помощью нѣкоторыхъ хитростей, говорить и о злоупотребленіяхъ администраціи и о другихъ важныхъ государственныхъ предметахъ; мы можемъ, до нѣкоторой степени, обсуживать общіе политическіе вопросы и высказывать съ нѣкоторою ловкостью, наши нужды и желанія. — Слѣдовательно наше нынѣшнее положеніе

существенно и значительно отличается отъ того положенія, въ которомъ мы находились до 1855 года, и нельзя не признать превосходства перваго надъ послѣднимъ. Отъ чего же люди, пережившіе одно и переживающіе другое положеніе, считаютъ нынѣшнія обстоятельства даже болѣе тяжкими, какъ мы выше сказали, чѣмъ прежнія, ощущаютъ ихъ стѣснительность и давленіе сильнѣе чѣмъ когда либо, и чувствуютъ какой-то не бывалый упадокъ силъ? Отъ чего, особенно молодежью и людьми, только вступающими въ зрѣлые года, овладѣваетъ глубокое, ни чѣмъ не смягчаемое отчаяніе?

Конечно горе, бѣда, насъ одержащія, всегда намъ кажутся болѣе тяжкими чѣмъ тѣ, которыя уже миновали. Это такъ; но, при внимательномъ, въ глубь обстоятельствъ нѣсколько вникающемъ размышленіи о тяжести нынѣшняго положенія, нельзя не усмотрѣть другихъ болѣе дѣйствительныхъ причинъ нашего настоящаго страданія.

Человѣкъ, заключенный въ тюрьмѣ, проведшій тамъ много лѣтъ, свыкается и съ этою жизнью; онъ тамъ устроиваетъ кое-какъ свое житье-бытье; его чувства притупляются; его мысли съуживаются; онъ деревенѣетъ и перестаетъ даже чувствовать эту, его уничтожающую тяжесть положенія. Но человѣку, освобожденному изъ заключенія и вкусившему сладости свободы, чрезвычайно тяжело, когда, по временамъ, его вновь отводятъ въ тюрьму и когда притомъ эти отводы зависятъ отъ произвола тюремщиковъ, а предоставленіе этому несчастному большихъ или меньшихъ льготъ опредѣляется опять усмотрѣніемъ этихъ же самовласт-

цевъ. Чувства этого несчастнаго неминуемо приходятъ въ нервное раздраженіе; мысли его путаются; и если онъ и не рѣшается на какой либо отчаянный поступокъ, то овладѣваетъ имъ безнадежность; душа его ни къ чему болѣе не лежитъ; силы его упадаютъ, и онъ уничтожается подъ невыносимымъ бременемъ своего положенія.

Не въ такомъ ли именно положеніи находимся мы теперь?

Зависимость крѣпостныхъ людей отъ ихъ владѣльцевъ упразднена; дарованы намъ земскія и городскія учрежденія; установленъ судъ гласный по закону и совѣсти; обѣщена и отчасти была дана свобода печатнаго слова; слѣдовательно совершено было многое для водворенія правды въ землѣ русской. Какъ же намъ было не почувствовать себя наконецъ изведенными изъ тюрьмы на Божій свѣтъ? Какъ намъ было не ожить, не почувствовать себя людьми, не подумать что новая эра для насъ открывается и что и мы можемъ принять участіе въ міровомъ поступательномъ движеніи человѣчества?

И что же на дѣлѣ оказалось?

Воля Государя, выраженная въ органическихъ законахъ, предоставляла намъ права; но исполнители законовъ стѣсняютъ ихъ смыслъ сколько могутъ и щедры только на ограниченія; мало этого — разъясненіями, истолкованіями и дополненіями даже путемъ законодательнымъ, они, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, не прямо, а большею частью косвенно, измѣняютъ первоначальныя статьи разныхъ Уставовъ и Положеній, имѣя въ виду не ихъ охра-

неніе и развитіе, а задержку ихъ дѣйствія и даже ихъ переиначеніе. Мы думали наконецъ вступить на путь правды, а оказалось что ложь усугублялась и что подъ словами новыми удерживалась недоброе старое. Выгода Государя и народа несомнѣнно заключается въ ихъ единодушіи, въ большей по возможности взаимной любви, въ довѣріи другъ къ другу и въ совокупномъ ихъ дѣйствіи; но бюрократія, чуя въ этомъ свой конецъ, всячески старается противудѣйствовать этому вожделѣнному союзу, поселяя въ первомъ подозрѣнія и опасенія, и лишая послѣдняго прежде дарованныхъ ему льготъ и тѣмъ возбуждая вездѣ неудовольствія и ропотъ.

Но дѣйствительно ли это такъ? Не ошибаемся ли мы? Не преувеличиваемъ ли мы тяжесть нынѣшняго положенія? Разсмотримъ его по различнымъ видамъ нашего быта.

II.

Наше положеніе

въ общественно-гражданскомъ отношеніи.

Гражданская общественность народа проявляется въ различныхъ видахъ: въ его чрезвычайныхъ собраніяхъ по поводу разныхъ нуждъ, дѣлъ и событій, т. е. въ митингахъ или сходкахъ; въ его постоянныхъ сборищахъ, не увеселительныхъ а совѣщательныхъ, т. е. въ политическихъ и другихъ обществахъ, собраніяхъ или клубахъ; въ его государственныхъ камерахъ или думахъ; въ его земскихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ; въ его участіи по отправленію правосудія; наконецъ въ его печатномъ словѣ. Чѣмъ разнообразнѣе и сильнѣе высказывается общественная дѣятельность народа, тѣмъ жизнь его полнѣе и значительнѣе, и тѣмъ его государство крѣпче и могущественнѣе.

Къ сожалѣнію, общественно - гражданская жизнь въ Россіи скудна до крайности. Она возникла на нашихъ глазахъ — только съ учрежденіемъ губернскихъ комитетовъ по улучшенію быта крестьянъ. Тутъ впервые собрались люди для

обсужденія важнаго общественнаго и государственнаго дѣла; сами они проникнуты были сознаніемъ великой, на нихъ возложенной задачи, и общество приняло самое живое участіе въ ихъ трудахъ. Тутъ русская мысль какъ будто отъ сна пробудилась; высказались различныя, даже противуположныя мнѣнія, обозначились разныя направленія, и явились люди съ опредѣленными, въ томъ или другомъ смыслѣ, политическими убѣжденіями. Такаго оживленія у насъ еще никогда не бывало, и Русскіе было почувствовали себя настоящими гражданами образованнаго государства. Но эта минута была коротка: въ высшихъ сферахъ испугались избытка проявлявшихся жизненныхъ силъ; начали ихъ сдерживать, тормазить и ослаблять; и достигли хотя не вдругъ а постепенно, если и не полнаго ихъ омертвенія, то, покрайней мѣрѣ, ихъ до извѣстной степени усыпленія и онѣменія.

Митинговъ или сходокъ т. е. чрезвычайныхъ народныхъ собраній съ цѣлью заявленія народныхъ нуждъ или мнѣній, у насъ нѣтъ; да и закономъ они воспрещены; ихъ до такой степени нѣтъ, что даже не чувствуется въ нихъ особенной потребности. Да и какъ нуждаться въ средствѣ, ведущемъ къ цѣли, когда и самая цѣль болѣе чѣмъ въ туманѣ! Къ чему заявленія когда не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и даже враждебно къ нимъ относятся? Къ несчастью, у насъ въ правительственныхъ сферахъ, еще крѣпко убѣжденіе что сильное правительство должно свою волю налагать на народъ и тѣмъ поддерживать свое достоинство, а не прислушиваться къ общественному мнѣнію,

не заботиться объ его удовлетвореніи, и тѣмъ оправдывать и упрочивать свое существованіе.

Клубы англійскіе, дворянскіе, купеческіе, артистическіе и другіе, правда, у насъ существуютъ; но постоянныхъ сборищъ, не ради картъ, музыки, обѣдовъ и другихъ увеселеній, а ради обсужденія дѣлъ общественныхъ и для совѣщанія о томъ, какъ дѣйствовать въ такомъ или иномъ случаѣ — такихъ клубовъ у насъ нѣтъ и въ заводѣ. Да какъ могли бы они и быть, когда важнѣйшія государственныя дѣла совершаются у насъ въ тайнѣ, бумажнымъ порядкомъ, и на основаніи соображеній едва угадкѣ доступныхъ. — Однажды, какъ-то нѣсколько предсѣдателей губернскихъ управъ и нѣсколько губернскихъ гласныхъ съѣхались, въ Москвѣ, для совѣщанія о томъ, какое направленіе дать дѣлу о податной реформѣ, переданному правительствомъ на обсужденіе губернскихъ земствъ. Но и такой, не скажу, невинный, но прямо въ интересахъ правительства состоявшійся съѣздъ встревожилъ нашихъ правителей; полѣтели телеграммы; всхлопотались наши синіе; и ихъ заботы и опасанія кончились только тогда, когда они удостовѣрились, что этотъ съѣздъ имѣлъ только три засѣданія, и что члены его уже разъѣхались по разнымъ концамъ нашей обширной имперіи. — Совѣщанія развиваютъ народныя способности и силы, ведутъ къ ихъ умноженію и скрѣпленію, и тѣмъ значительно увеличиваютъ государственныя средства; а потому правительство, сознающее свое назначеніе, благонамѣренное и въ себя вѣрующее, должно радоваться такому ихъ приращенію и

всячески ему содѣйствовать. Неужель примѣры Англіи, Голландіи, даже Германіи, съ одной стороны, и примѣры прежней Австріи, наполеоновской Франціи и всегдашней Турціи, съ другой стороны, не достаточно краснорѣчивы и убѣдительны въ томъ смыслѣ, что народное развитіе есть самый вѣрный и самый обильный источникъ государственнаго могущества; что правительство, стоящее отдѣльно отъ народа и не подкрѣпляемое народнымъ сочувствіемъ, неминуемо слабо; что чѣмъ народъ сильнѣе принимаетъ участіе въ общихъ дѣлахъ, тѣмъ благонамѣренное правительство могущественнѣе; и что только въ совокупномъ дѣйствіи этихъ двухъ силъ — народа и правительства — заключается залогъ спокойствія государства. Неужель Макіавлева невольная сатира на власть — Il principe сохранила еще для кого либо практическое значеніе? Неужель еще кто-либо видитъ, въ своей странѣ, средневѣковую Италію, раздираемую всевозможными партіями и погруженную въ анархію, нынѣ едва мыслимую, и считаетъ единственнымъ путемъ спасенія для своего отечества — вооруженіе власти всѣми, даже самыми безнравственными средствами и орудіями? Неужель слова человѣка, котораго конечно нельзя заподозрить въ излишкѣ либерализма, но котораго и проницательность не подлежитъ сомнѣнію — Фридриха Великаго, въ опроверженіе Макіавелевой книги, и мѣткое выраженіе одного нѣмецкаго историка, назвавшаго систему Макіавеля „ядомъ, даваемомъ больному въ совершенно отчаянныхъ случаяхъ“ еще не отрезвили приверженцевъ власти во что̀ бы ни стало? Къ прискор-

бію человѣчества, еще имѣются такіе люди; а если они не считаютъ средневѣковыя мѣры и орудія вполнѣ пригодными для настоящаго времени, то думаютъ что, въ измѣненномъ, усовершенствованномъ видѣ, но въ томъ же духѣ употребленныя средства ведутъ, если и не ко благу народа, то, покрайней мѣрѣ, къ безопасности и могуществу правителей. Грустное, всей исторіи противурѣчущее и только обаяніемъ власти поддерживаемое заблужденіе! — У насъ, менѣе чѣмъ гдѣ либо, можно опасаться развитія и единенія народныхъ силъ; ибо, въ Россіи, онѣ по преимуществу охранительныя; мы страдаемъ недостаткомъ почина; мы черезъ чуръ равнодушны, косны въ нашихъ привычкахъ, обычаяхъ и способахъ дѣйствія; насъ нужно не удерживать а толкать, — не усыплять а возбуждать. Опасаться у насъ наступательныхъ народныхъ движеній — значить не знать свойствъ нашего народа и страшиться собственныхъ грезъ, или находить выгоды въ искуственномъ возбужденіи всякихъ самыхъ нелѣпыхъ опасеній, въ ихъ преувеличеніи, и разъукрашеніи и такимъ образомъ, наводя страхъ, удерживаться во власти.

Имѣются у насъ разныя историческія, археологическія, литературныя, сельско - хозяйственныя, техническія и другія общества; число ихъ не малое и перечень этихъ учрежденій можетъ утѣшить самого горячаго общественника; но есть ли изъ нихъ хотя одно общество дѣйствительно живое, т. е. живущее собственною жизнью? Всѣ они еле-еле дышутъ; и самыя дѣятельныя изъ нихъ тѣ, которыя суть не чисто общественныя, а

полуобщественныя и полуправительственныя, а именно: географическое и историческое. У насъ общественность есть такое растенiе, которое требуетъ тщательнаго тепличнаго ухода, а не обрѣзованiй, перевязокъ и шпалеровъ. — Впрочемъ имѣются у насъ въ Петербургѣ и такiя общества, гдѣ покушаются обсуждать вопросы политико-экономическiя, гдѣ заботятся о поощренiи промышленности, гдѣ толкуютъ о нуждахъ торговли и о томъ какъ ихъ удовлетворить; но развѣ эти собранiя имѣютъ какое либо серiозное значенiе? Они болѣе служатъ средствомъ для препровожденiя времени и для достиженiя другихъ не общественныхъ а личныхъ цѣлей.

Еще нѣтъ у насъ такого учрежденiя, гдѣ бы обсуживались общiя государственныя дѣла, гдѣ бы сосредоточивалась, какъ въ фокусѣ, высшая народная гражданская дѣятельность, гдѣ бы высказывалось во всеуслышанiе общественное мнѣнiе, и откуда исходилъ бы настоящiй, самый обильный и самый плодотворный источникъ жизни и силы для правительства. Конечно не можетъ быть въ Россiи парламента, подобнаго англiйскому, постепенно образовавшемуся изъ народныхъ обычаевъ, утвердившему съ боя за собою значительныя права, и такимъ образомъ обеспечившему себѣ непремѣнное и полное участiе въ управленiи страною. Правда и у насъ бывали народныя вѣчи, не только равноправныя съ княземъ, но имѣвшiя даже власть, превышавшую права княжескiя; но эти времена давно миновали; воспоминанiе о нихъ сохранилось въ исторiи и почти изчезло изъ народной памяти;

обстоятельства же до того измѣнились, что такія народныя собранія, въ настоящее время, даже не мыслимы. Впослѣдствіи, когда земля русская совокупилась воедино и расширилась, и когда власть царская не только усилилась, но сдѣлалась неограниченною, тогда установились соборы, по временамъ созывавшіеся царями. Тутъ выборные отъ народа высказывали свои мнѣнія по предложеннымъ отъ правительства дѣламъ, заявляли о народныхъ нуждахъ и составляли приговоры; но цари рѣшали по своему усмотрѣнію. Тогда, конечно, участіе народа въ общихъ дѣлахъ было слабое; но, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ дѣлахъ, правительство не грѣшило по невѣденію, слышало голосъ народа, само стояло къ нему ближе и бумажное дѣлопроизводство еще не порвало связи управленія съ дѣйствительностью. Такой порядокъ былъ пригоденъ въ тѣ времена, когда разрозненныя части земли русской нужно было собрать подъ одну державу; когда во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ господствовалъ произволъ или одного государя или нѣсколькихъ олигарховъ; когда только въ одномъ государствѣ, и то за морями, права лицъ считались чѣмъ нибудь; и когда слова „свобода" „обеспеченность" и „самостоятельность" не имѣли на всемъ материкѣ почти никакого смысла. Но затѣмъ произошли, въ западной Европѣ и въ Россіи, коренныя перемѣны и въ направленіяхъ почти противуположенныхъ. Тамъ права человѣка все болѣе и болѣе признавались, расширялись и утверждались; здѣсь, напротивъ того, усиливались права державныя. Тамъ науки, искуства, промы-

шленность и торговля все болѣе и болѣе самостоятельно развивались и совершенствовались; здѣсь народныя способности и всякая самобытность подавлялись, и правительство, воображая что можно пользоваться плодами цивилизаціи, безъ предоставленія народу того, чѣмъ она живетъ, дѣйствуетъ и производитъ, направляло насъ къ тому, чтобы мы схватывали верхушки этой цивилизаціи, усвоивали себѣ ея формы, перенимали ея обычаи и утрачивали всякую самобытность. Высшіе слои народа, предметъ особенной заботливости правительства, съ замѣчательною податливостью, пошли путемъ имъ свыше указаннымъ и потворствующемъ ихъ, лѣни сдѣлались по наружности чуть-чуть не европейцами, и съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣлились отъ остальнаго народа и утратили всякую самобытность. И Россія явилась въ двухъ видахъ: въ лицѣ дворянства, она выказывалась страною, какъ будто образованною, съ особеннымъ удовольствіемъ принимала комплименты, на которые не скупились въ европейскихъ салонахъ, и не замѣчала что лишалась всякой самосущей внутренней жизни и превращалась въ обезьяну особаго рода; а въ лицѣ народа, она оставалась страною почти варварскою, темною, неразвитою, порабощенною высшему сословію. Къ счастью Россіи, и подъ лоскомъ офранцуженнаго дворянина, и подъ грубою корою крѣпостнаго человѣка, оставалась, и въ томъ и въ другомъ, душа русская; къ счастью Россіи, отъ времени до времени, разражались надъ нею великія бѣдствія: второженіе французовъ въ нѣдра Россіи и пожаръ Москвы, крымская война

и севастопольскій погромъ отрезвляли Русскихъ и ихъ правительство, сливали ихъ воедино и пробуждали подавленныя ихъ силы и способности. Хотя и горько сознаться, но грѣшно таить: бѣдствія всего благотворнѣе на насъ дѣйствовали и они именно спасали Россію. Несмотря на странную обстановку правительства и всѣхъ состояній въ государствѣ; несмотря на всю разрозненность въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу — въ великія историческія минуты, все сливалось воедино и дѣйствовало какъ одинъ человѣкъ. Въ этомъ залогъ нашей будущности и нашего значенія въ мірѣ. — Но не слѣдуетъ себя обманывать и думать что какою бы отдѣльною жизнью, въ обыкновенныя времена, мы ни жили, въ нужныхъ случаяхъ, мы явимся единодушными, другъ друга любящими и опять одолѣемъ чьи-бы то ни были вражьи силы. Нѣтъ! уроки, даваемые Провидѣніемъ многократно не повторяются. Къ тому же теперь и обстоятельства совершенно иныя. Вся Европа, за исключеніемъ Турціи и Россіи, конституціонна, т. е. вездѣ народъ является не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде — только матеріальною силою, а товарищемъ державной власти, носителемъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ и богатствъ, и единственно вѣрною опорою для правительства. Конечно только Англія, Голландія и, пожалуй, Белгія достигли, въ этомъ отношеніи, удовлетворительнаго устройства; въ другихъ же странахъ идетъ борьба, и ни народы, ни правительства еще прочно въ своихъ правахъ не утвердились; но вездѣ народныя

силы развиваются, совокупляются, умножаются и крѣпнутъ; вездѣ богатства всякаго рода и званія ростутъ въ размѣрахъ едва исчислимыхъ; вездѣ человѣческія изобрѣтенія доходятъ почти до границъ возможнаго; а телеграфы, желѣзныя дороги и повременныя изданія сближаютъ людей такъ, какъ будто они уже находятся внѣ условій пространства и времени. Горе странамъ, которыя думаютъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ, безъ собственныхъ самостоятельныхъ усилій! Горе правительствамъ, которыя и теперь считаютъ возможнымъ доставлять своимъ подданнымъ выгоды и блага современной цивилизаціи и пользоваться увеличивающими ею силами людей, безъ возведенія ихъ въ полное гражданство и безъ предоставленія имъ того, чѣмъ человѣкъ становится настоящимъ человѣкомъ! Ни многочисленныя, даже отлично устроенныя войска, ни толпы чиновниковъ и царедворцевъ, ни дипломаты даже искусные, не замѣнятъ народнаго сочувствія и содѣйствія. Этою новѣйшего времени силою безнаказанно нельзя пренебрегать. А потому, въ настоящее время, великая задача для всякаго благомѣреннаго и мудраго правительства состоитъ въ томъ, чтобы благовременно вызывать къ жизни, развивать и укрѣплять народныя силы. Въ этомъ отношеніи нашъ великій Государь сдѣлалъ много: уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей отъ ихъ владѣльцевъ, онъ открылъ возможность къ учрежденію у насъ правильнаго управленія: пока миліоны людей были вещами, продаваемыми и покупаемыми, а тысячи людей были ихъ власте-

линами, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо, на справедливости основанныхъ распорядкахъ, о мѣстномъ самоуправленіи, о судебной реформѣ, а тѣмъ еще мѣнѣе о пріобщеніи народа, въ какомъ-либо видѣ, къ трудамъ законодательнымъ и высшимъ административнымъ. Теперь открыта къ тому возможность, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ къ тому и необходимость. Произволъ помѣщичій теперь уничтоженъ; но произволъ административный и законадательный остается въ полной силѣ; вообще произволъ господствуетъ у насъ во всѣхъ высшихъ и низшихъ слояхъ народа и во всѣхъ отношеніяхъ людей между собою. Законы у насъ пишутся, но плохо исполняются и часто они не могутъ быть исполняемы, потому что составляются бюрократически, безъ всякаго знанія мѣстныхъ нуждъ и безъ всякаго къ нимъ вниманія. Къ ограниченію, а современемъ и къ обузданію произвола въ отношеніяхъ какъ людей между собою, такъ и администраціи къ управляемымъ, и къ водворенію законности у насъ на Руси, есть только одно средство; но объ этомъ рѣчь впереди.

Очевидно, что само правительство чувствуетъ, по дѣламъ законодательнымъ, потребность въ совѣтахъ людей мѣстныхъ, не состоящихъ въ коронной службѣ — людей, какъ будто представляющихъ народъ. Такъ по крестьянскому дѣлу, оно требовало мнѣній губернскихъ комитетовъ, приглашало въ Петербургъ отъ нихъ депутатовъ и вызывало членовъ-экспертовъ въ редакціонныя коммиссіи. Такъ, по питейно-акцизному дѣлу, оно вызывало нѣсколькихъ винокуренныхъ заводчиковъ; а по дѣламъ

о потравахъ и порубкахъ — нѣсколькихъ сельскихъ хозяевъ. Такъ, въ послѣднее время, правительство передавало, на обсужденіе губернскихъ земствъ, важный вопросъ о податной реформѣ. Такъ теперь идетъ слухъ, что предполагается собрать въ Петербургѣ, изъ нѣсколькихъ губерній, губернскихъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ управъ для разсмотрѣнія и обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ и законодательныхъ проектовъ. Все это служитъ доказательствомъ необходимости, самимъ правительствомъ сознаваемой, въ совѣтахъ со стороны народа; но всѣ эти различные способы обходить избраніе народомъ лицъ для подачи мнѣній и совѣтовъ, и созваніе этихъ лицъ въ одно общее собраніе — несостоятелны и показываютъ лишь одно — то именно, что Правительство не рѣшается на новый шагъ впередъ — шагъ необходимый, неизбѣжный. Вызываемые эксперты суть ничто иное какъ лица, случайно сдѣлавшіяся извѣстными администраціи и притомъ ей по чему либо угодныя. Передача дѣлъ на обсужденіе земскихъ собраній есть очень хорошая предварительная мѣра; но 30, 40 и болѣе различныхъ мнѣній, присылаемыхъ изъ губерній, безъ лицъ могущихъ защитить и объяснить эти мнѣнія, составляютъ только матеріялъ весьма пригодный для бюрокритической стряпни, но ничего болѣе. Мнѣнія безъ лицъ, которыя могутъ ихъ оправдать, суть круглыя сироты. Что же касается до созыва губернскихъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ управъ, то эта мысль едва ли чѣмъ-либо можетъ быть оправдана — и конечно не принесетъ никакой пользы.

въ губернскіе предводители избираются, по большей части, люди добрые, достаточные, живущіе въ недальномъ растояніи отъ губернскаго города и расположенные отстаивать дворянскіе интересы. Въ предсѣдатели губернскихъ управъ, назначаются преимущественно люди честные, распорядительные и могущіе, по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, жить въ губернскомъ городѣ. Но ни тѣ, ни другіе не избираются съ цѣлью высказывать правительству мнѣнія по вопросамъ, которые могутъ быть имъ предложены. Если правительство дѣйствительно желаетъ знать настоящее мнѣніе страны и получить полезные совѣты, то единстевенно возможный къ тому путь — предоставленіе тѣмъ, чье мнѣніе желаютъ знать, выбора людей для этой а не для иной какой-либо цѣли. И отъ чего правительство опасается выборовъ? Неужель Русскіе еще недостаточно доказали свою неограниченную приверженность къ своимъ царямъ вообще и къ нынѣ царствующему государю въ особенности, и свое отвращеніе отъ всякихъ смутъ и революцій? Опасаться выбора людей свѣжихъ, дѣльныхъ и самостоятельныхъ, могутъ и должны только тѣ агенты правительства, которые желаютъ продолжать ловлю рыбы въ мутной водѣ.

Знаемъ, что эти наши слова возбудятъ негодованіе, всякаго рода возгласы и насмѣшки со стороны людей, которые примутъ на свой счетъ нами сказанное и сочтутъ эти слова за личныя для себя оскорбленія. Мы не пишемъ лично ни противъ кого-либо; но глубоко сожалѣемъ что многіе и весьма многіе могутъ принять наши слова на свой

счетъ. Впрочемъ и ихъ мы безусловно не осуждаемъ: болѣе всѣхъ виновенъ тотъ порядокъ, который побуждаетъ или вынуждаетъ ихъ, для сохраненія своихъ мѣстъ, прибѣгать къ средствамъ, хотя удобнымъ, однако вовсе не одобрительнымъ. При отсутствіи гласности или при возможности произвольно ее сокращать, при таинственности и безконтрольности административнаго дѣлопроизводства, и при удобствѣ обходиться безъ людей дѣльныхъ и самостоятельныхъ, и довольствоваться людьми угодливыми, извѣстны орудія употребляемыя чиновниками и сановниками для удержанія себя во власти. Возбужденіе подозрѣній, усиленіе страховъ, открытіе несуществующихъ злоумышленій, выказываніе крайняго рвенія къ пользамъ начальства или самаго государя, угодливостъ всякаго рода и званія — вотъ чѣмъ они поперемѣнно и безъустанно пользуются. Они выдаютъ себя за охранителей, защитниковъ и спасителей власти, тогда какъ на дѣлѣ они оказываются ея настоящими врагами и губителями. У насъ, на Руси, верховная власть еще не утратила своего обаянія: какія бы несправедливости, во имя ея, ни совершились, какія бы злоупотребленія ею ни прикрывались, русскій человѣкъ вѣритъ въ правосудіе, милосердіе и добрыя намѣренія своего государя. Если Русскій терпятъ отъ чиновничьихъ распорядковъ, то онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что вѣрно про то Царь не знаетъ. Не бунты у насъ страшны; ихъ легко усмирить; но вредно, опасно, гибельно для государства — страдательное положеніе народа. Обѣдненіе сельскаго населенія, усиленіе въ немъ раз-

врата и безпорядковъ, притѣсненія со стороны чиновниковъ, воспрещеніе или стѣсненіе умственныхъ занятій, ограниченіе свободы слова устнаго и печатнаго, необеспеченность личныхъ и имущественныхъ правъ — вотъ что убиваетъ бодрость народа, подавляетъ его духъ, сокращаетъ его силы и способноссти, задержаваетъ его предпріимчивость и ввергаетъ его въ безучастіе ко всему — даже въ отчаяніе. Это положеніе много опаснѣе всякихъ возмущеній, и оно, если не наступило во всемъ своемъ ужасѣ, то и не за горами. Не видятъ этого слѣпые или ослѣпленные своими личными выгодами.

Неужель для того, чтобы выдти намъ изъ тяжелаго положенія, въ которомъ мы находимся, и чтобы сдѣлать еще шагъ впередъ — шагъ неминуемый и требуемый всѣми обстоятельствами времени, нужно намъ ждать какого-либо новаго бѣдствія въ родѣ пожара Москвы или Севастопольскаго погрома? Нѣтъ! мы глубоко убѣждены что Тотъ, Кто совершенно благовременно уничтожилъ крѣпостную зависимость людей отъ ихъ владѣльцевъ, завершитъ великое дѣло освобожденія Россіи и сдѣлаетъ насъ настоящими гражданами государства.

Намъ Высочайше дарованы губернскія и уѣздныя земскія учрежденія, и хотя въ самомъ Положеніи объ нихъ, видны слѣды дѣятельности людей, желавшихъ исказить общій его духъ *), однако этотъ

*) Къ чему, на примѣръ, сгонять выборныхъ отъ крестьянскихъ обществъ въ одно мѣсто и поручать имъ тутъ выборъ 5, 6, 7 и болѣе гласныхъ, однимъ словомъ, всѣхъ гласныхъ, причитающихся на

законъ воскресилъ въ Россіи заморенный земскій духъ и земля наша, въ этомъ отношеніи, какъ бы очнулась. Сословное устройсво несвойственно нашему народу; оно введено было по иностраннымъ образцамъ и никакаго корня не пустило. Мы можемъ

участокъ (ст. 30 и 31 Положенія о земскихъ учрежд.)? Извѣстно что крестьяне разныхъ волостей мало между собою знакомы; а потому они, при такомъ порядкѣ, выбираютъ тѣхъ, кого имъ указываютъ посредники; а сіи послѣдніе всегда рекомендуютъ старшинъ, которые находятся у нихъ въ зависимости, и которые, вслѣдствіе того, въ земскихъ собраніяхъ, суть ихъ покорные слуги. При этомъ нельзя не указать на странное дѣйствіе правительства, узаконившаго, въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, что выборъ гласныхъ имѣетъ производиться подъ наблюденіемъ мировыхъ судей, и удерживающаго до сихъ поръ производство этихъ выборовъ подъ руководствомъ мировыхъ посреднковъ, которые пользуются этимъ правомъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, къ соблазну крестьянъ и прочихъ земцовъ.

Къ чему, въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, поручать предсѣдательство предводителямъ (ст. 43 и 53 того же Положенія)? Они выбираются не всѣми сословіями а только однимъ, и притомъ для собственныхъ дѣлъ дворянства — для завѣдыванія опеками, для защиты дворянскихъ интересовъ и пр. Эти избранники могутъ быть очень хорошими людьми и вполнѣ пригодными для своего званія; но часто, даже очень часто, они оказываются весьма плохими предсѣдателями земскихъ собраній — они не только не охраняютъ порядка при совѣщаніяхъ, но путаютъ дѣла и съ толка сбиваютъ собранія.

Къ чему, для законности земскихъ собраній, непремѣнно требовать присутствія не мѣнѣе одной трети всѣхъ гласныхъ (ст. 42 и 54 того же Положен.)? Хотя эти статьи менѣе важны чѣмъ предъидущія, однако онѣ имѣютъ на ходъ дѣлъ, особенно въ губернскихъ собраніяхъ, вредное дѣйствіе тѣмъ, что отъ этого часто губернскія собранія не могутъ состояться или за неприбытіемъ достаточнаго числа гласныхъ или за умышленнымъ выбытіемъ нѣсколькихъ изъ нихъ, остающихся въ меньшинствѣ. Въ Петербургѣ и Москвѣ, для законности думскихъ собраній, признано достаточнымъ присутствіе въ нихъ одной пятой части гласныхъ. Если въ столицахъ, гдѣ большинство гласныхъ постоянно находится въ городѣ, такая часть гласныхъ признается достаточною для законности собранія; то для губернскихъ собраній, которыхъ гласные должны съѣзжаться изъ разныхъ краевъ губерніи, такая же часть съѣхавшихся гласныхъ должна бы, для упомянутой цѣли, тѣмъ болѣе считаться вполнѣ достаточною

дѣлиться по мѣстамъ жительства и по занятіямъ; но средневѣковая замкнутость сословій совершенно противна духу нашего народа. Возсоединеніе землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и горожанъ въ одномъ собраніи и доставленіе имъ возможности дѣйствоватъ сообща, вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ нашего населенія. А потому и не удивительно, что введеніе земскихъ учрежденій не встрѣтило на Руси никакихъ существенныхъ затрудненій, и эти учрежденія у насъ установились не какъ нѣчто новое а какъ вещь старая, словно вѣкъ существовавшая и наконецъ намъ возвращенная. Выборные изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей и изъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ, сошлись на земской почвѣ, по большей части, безъ ненависти и безъ презрѣнія другъ къ другу, какъ бы не помня прошедшаго и имѣя въ виду одно настоящее и будущее. Конечно не вездѣ такъ было; въ иныхъ земствахъ, дворяне, чая воскреситъ прежніе, едва упраздненные порядки, отнеслисъ къ выборнымъ отъ крестьянъ какъ къ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ, а сіи посѣлдніе или вполнѣ подчинились имъ или составили особый, крѣпко сплотненный союзъ; и отъ того не оказа-

---

Если нѣкоторые думаютъ, что требованіе присутствія большаго числа гласныхъ обеспечиваетъ болѣе внимательное обсужденіе предлежащихъ собранію дѣлъ, то это совершенно ошибочно, какъ потому, что люди, дѣйствительно интересующіеся земскимъ дѣломъ, всегда вовремя являются въ засѣданія, и не покидаютъ ихъ до закрытія собранія, такъ и потому что когда гласные будутъ знать, что и пятая часть съѣхавшихся гласныхъ, можетъ рѣшать дѣла, то они поспѣшатъ пріѣздомъ, помедлятъ отъѣздомъ и сочтутъ необходимымъ исправно являться въ засѣданія. Теперь часто гласные, даже съѣхавшіеся въ губернскій городъ, дѣлаютъ утромъ, визиты или занимаются своими дѣлами, оправдываясь тѣмъ, что прежде 1го или 2го часа никогда не бываетъ законнаго числа гласныхъ въ сборѣ.

лось единодушія — этой самой существенней принадлежности земства. Но такіе случаи были грустными исключеніями изъ общаго правила; въ сложности же, возсоединяющій духъ обхватилъ всѣ состоянія въ государствѣ, и произвелъ у насъ не мало того, чего другіе народы достигали, только послѣ многолѣтней борьбы. Натуральныя повинности, лежавшія на однихъ крестьянахъ, были почти всѣ и почти вездѣ переложены на денежныя, отбываемыя всѣмъ населеніемъ; выработаны по мѣстамъ новыя и болѣе справедливыя основанія для раскладки земскихъ сборовъ; введено и укоренено земское взаимное страхованіе отъ огня; устроены больницы и врачебная часть въ уѣздахъ; подвинуто народное образованіе чрезъ вновь учрежденныя и улучшенныя школы. Конечно въ отношеніи къ послѣднимъ, т. е. къ народному образованію, а равно въ отношеніи къ развитію мѣстной промышленности, земствами, по большей части, сдѣлано еще мало; но не надо упускать изъ вида, что, по этимъ частямъ, земства не могли дѣйствовать обязательно, а должны были идти только путемъ пособій и поощреній; крестьянство же, до послѣдняго времени, относилось къ устройству школъ, ссудосберегательныхъ товариществъ, и пр., за весьма немногими исключеніями, не только холодно, но даже враждебно. Самымъ неопровержимымъ, самымъ блистательнымъ доказательствомъ присутствія въ насъ земскаго духа, служитъ единодушный отзывъ на проектъ правительства о податной реформѣ, — отзывъ данный всѣми губернскими земскими собраніями, въ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ дворяне составляютъ

огромное большинство. Правительство ограничивалось измѣненіемъ способа раскладки податей, не расширяя круга платильщиковъ; но земство единогласно признало несправедливость дальнѣйшаго удержанія такаго порядка и высказалось за обложеніе всѣхъ гражданъ налогами въ пользу государства. Бывали примѣры, что, при давленіяхъ сверху или при революціонныхъ порывахъ, обязаность платежа податей распространялась на всѣхъ гражданъ; но, въ настоящемъ случаѣ, дворянство, въ составѣ земства, совершенно свободно и спокойно, изъявило готовность нести, наравнѣ съ прочими состояніями, тягости налоговъ. Это безпримѣрное событіе въ лѣтописяхъ исторіи, должно бы убѣдить всѣхъ нашихъ англо-и германомановъ, всѣхъ желающихъ создать у насъ какую то аристократію, что живъ и могущъ у насъ только духъ земскій, что всякое обособленіе дворянства и отдѣленіе его отъ земства столько же гибельно для перваго, сколько и для послѣдняго, и что силы нашего государства заключаются въ земствѣ и ни въ чемъ иномъ

Всматриваясь въ дѣятельность земства, нельзя конечно сказать что оно уже сдѣлало много; но если принять въ соображеніе, то положеніе, въ какомъ находились дѣла ему переданныя изъ казеннаго завѣдыванія; тѣ затрудненія, которыя бываютъ при началѣ всякаго дѣла; тотъ недостатокъ въ свѣденіяхъ и опытности, который неразлученъ со вступленіемъ во всякую новую дѣятельность; и въ особенности тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя сопровождали дѣйствія земства; то нельзя

не подивиться, что оно успѣло сдѣлать то, что имъ уже произведено. Мостовая часть была та, на которую чиновники обращали особенное вниманіе, но и она была въ жалкомъ положеніи, и злоупотребленія при перевозахъ были вопіющія; дорожная повинность была только источникомъ для поборовъ, которыми крестьяне откупались отъ обязанности напрасно тратить свое время, лежа на большихъ дорогахъ или ковыряя тамъ землю: подводная повинность была въ такомъ безобразномъ видѣ, что не ѣздилъ на обывательскихъ лошадяхъ, по приказамъ земскаго суда, только тотъ, кто не хотѣлъ пользоваться этимъ способомъ передвиженія; уѣздныя больницы были пусты, а тѣ больные, которые, по какимъ либо случаямъ, туда попадали, считали себя болѣе подъ арестомъ чѣмъ, на излѣченіи; уѣздные врачи едва успѣвали ѣздить для освидѣтельствованія находнмыхъ по мѣстамъ мертвыхъ тѣлъ и къ тѣмъ больнымъ, которые платили за визиты; а сельскихъ школъ вовсе не было въ завѣдываніи администраціи, ибо въ казенныхъ селеніяхъ онѣ существовали только на бумагѣ, а въ помѣщичьихъ, онѣ находились въ полномъ распоряженіи тѣхъ немногихъ помѣщиковъ, которые удѣляли на нихъ излишки отъ своихъ доходовъ. — Первыя земскія собранія очутились передъ исполненіемъ важныхъ на нихъ возложенныхъ обязанностей, не имѣя никакихъ данныхъ, могущихъ облегчить имъ разрѣшеніе предлежавшихъ имъ задачъ; ибо свѣденія, которыя имѣлись въ земскихъ судахъ, губернскихъ правленіяхъ и казенныхъ палатахъ, могли возбудить удивленіе и смѣхъ гласныхъ, но

отнюдь не послужить къ ихъ назиданію. Къ тому же, казенныя административныя власти отнеслись, почти вездѣ, весьма недружелюбно къ новымъ общественнымъ учрежденіямъ, и старались не помогать а сколько возможно ихъ затруднять и сбивать съ толку. А потому первые годы посвящены были на собираніе статистическихъ свѣденій и на отпоръ неумѣстныхъ притязаній со стороны прежнихъ распорядителей, весьма не охотно выпускавшихъ изъ своихъ рукъ разныя выгодныя статьи; и дѣла велись съ устраненіемъ по возможности злоупотребленій, но безъ значительныхъ улучшеній.

Къ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединились еще другія несравненно болѣе важныя, которыя отозвались на земствѣ самымъ тяжелымъ образомъ.

21го Ноября 1866 года обнародовано высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, воспрещающее облагать торговыя и промышленныя свидѣтельства и билеты, а равно и патенты на винокуренные заводы и питейныя заведенія, иначе какъ процентнымъ отношеніемъ къ казенной стоимости этихъ документовъ. Если бы правительство опредѣлило ихъ стоимость извѣстными цифрами капиталовъ, ими представляемыхъ, и допустило обложеніе этихъ капиталовъ общимъ процентомъ земскаго обложенія, то такимъ постановленіемъ оно оградило бы промышленность и торговлю, находящихся въ земскихъ собраніяхъ въ меньшинствѣ, отъ чрезмѣрныхъ обложеній со стороны большинства, но не было бы нарушено единство въ земствѣ, составляющее первое коренное условіе его дѣятельности.

Законъ 21го Ноября 1866 года, напротивъ того, откололъ, до нѣкоторой степени, отъ земства состоянія промышленное и торговое. Высшіе проценты обложенія свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, допущенные закономъ, нельзя не признать не только умѣренными, но даже низкими; а потому эти документы вездѣ были обложены по высшей нормѣ. Вслѣдствіе этого, купечество и промышленники утратили всякій интересъ въ одномъ изъ самыхъ важныхъ дѣлъ земства — въ повышеніи и пониженіи земскаго обложенія. Зная что выше они обложены быть не могутъ и что ниже ихъ конечно не обложатъ, они стали подавать голосъ за всякіе расходы, и сдѣлались совершенно равнодушными къ сбереженіямъ и улучшенію денежнаго земскаго хозяйства. Такой расколъ въ земствѣ весьма вредно подѣйствовалъ на ходъ его дѣлъ; а такъ было легко этого избѣжать! Мы изложили въ „Голосѣ изъ земства“ (стр. 11—13) одно изъ средствъ къ достиженію цѣли правительства, безъ причиненія какого либо вреда земству; имѣются, быть можетъ, иныя, еще лучшія къ тому средства; важно то чтобы какъ можно скорѣе прекратился нынѣ существующій расколъ въ земствѣ.

Другія два постановленія, послѣдовавшія 13го Іюня 1867 года, нанесли земскимъ учрежденіямъ удары еще болѣе чувствительные. — Правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, предоставили предсѣдателямъ оныхъ власть почти диктаторскую. Они назначаютъ очередь занятіямъ собранія, самопроизвольно прекращаютъ пренія и пред-

лагаютъ или вѣрнѣе сказать, приказываютъ собранію перейти къ обсужденію послѣдующаго предмета. Имъ предоставлено лишать гласнаго права рѣчи по тому вопросу, по которому имъ допущено нарушеніе порядка, и устрянять всякое предложеніе одного или нѣсколькихъ гласныхъ, которое предсѣдатель признаетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія. Предсѣдатель, допустившій постановленіе, выходящее изъ предѣловъ, ограничивающихъ вѣденіе собранія или не исполнившій требованія губернскаго начальства объ устраненіи присутствія постороннихъ лицъ или допустившій какое либо другое существенное нарушеніе законнаго порядка въ собраніи, подлежитъ, по степени его вины, одной изъ мѣръ взысканія, опредѣленныхъ въ ст. 65 Уложенія о наказаніяхъ, т. е. замѣчанію или выговору болѣе или мѣнѣе строгому, удаленію или отрѣшенію отъ должности. Понятно, что предсѣдатель, вооруженный такою огромною властью и подлежащій такой значительной отвѣтственности, каковъ бы впрочемъ онъ ни былъ, чрезвычайно стѣсняетъ свободу членовъ и самаго собранія. Если онъ пользуется своими правами, во всей ихъ полнотѣ, то онъ можетъ останавливать гласныхъ на каждомъ шагу, находя вовсемъ или нарушеніе границъ вѣдомства земскихъ учрежденій или какія либо цѣли, по его мнѣнію, предосудительныя. Если предсѣдателемъ человѣкъ хорошій, умный, благонамѣренный, то для гласныхъ такой предсѣдатель почти хуже дурнаго: онъ не будетъ ихъ останавливать; онъ про-

пуститъ, безъ замѣчанія, слова неосторожныя, такъ легко вырывающіяся во время изустныхъ преній; но люди добросовѣстные будутъ стѣснены до крайности тѣмъ, что за проступки гласныхъ предсѣдатель болѣе отвѣчаетъ, чѣмъ они сами. Такое ихъ положеніе, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, до крайности тяжело, и болѣе удаляетъ гласныхъ изъ собранія чѣмъ какія либо другія причины.

Второе изъ упомянутыхъ постановленій воспрещаетъ что либо печатать о земскихъ собраніяхъ, *безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства.* Это воспрещеніе чрезвычайно вредно подѣйствовало на собранія, ибо оно все болѣе и болѣе подрывало ихъ самостоятельность и увеличивало ихъ зависимость отъ губернаторовъ. Но оно еще вреднѣе отозвалось на земствѣ вообще и на всемъ образованномъ обществѣ. Въ первые года по учрежденіи земскихъ собраній, не одни гласные и люди ихъ избиравшіе, но и всѣ образованные люди принимали живое участіе въ земскихъ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ; а повременныя изданія и ежедневныя и мѣсячныя, на перерывъ одно передъ другимъ, старались сообщать извѣстія о земскихъ собраніяхъ и оцѣнивать ихъ дѣйствія. Кореспонденты передавали по сему предмету свѣденія самыя свѣжія и самыя полныя, и такимъ образомъ устанавливалась нѣкоторая связь между земствами разныхъ губерній и уѣздовъ, и устроивался нѣкоторый контроль общественнаго мнѣнія надъ земскими дѣйствіями. Послѣ изданія упомянутаго воспрещенія, всѣ кореспонденціи должны были подвергаться предварительной цензурѣ губернаторовъ; само собою разумѣется

что всѣ кореспонденты замолкли. А журналы собраній перестали интересовать публику, ибо всѣ знали что губернаторы почти безапеляціонно вычеркиваютъ изъ нихъ все что сколько нибудь имъ не нравится. Подавались жалобы министру внутренныхъ дѣлъ, на произвольныя запрещенія губернаторовъ; но онѣ ни къ чему не служили, ибо въ Петербургѣ считали священною обязанностью поддерживать мѣстныхъ администраторовъ, одобряли ихъ дѣйствія и оставляли заявленія и просьбы земскихъ собраній, безъ всякаго удовлетворенія *).

Понятно что, при такихъ обстоятельствахъ, все мыслящее и интересующееся общимъ дѣломъ населеніе на Руси, охладѣло къ земскому дѣлу. Упрекаютъ земство въ томъ, что оно не является исправно въ земскія собранія, что равнодушно относятся къ своимъ обязанностямъ, что пренія вялы и недостаточно серіозны, что управы небрежно ведутъ дѣла, что даже оказываются тамъ злоупотребленія и пр. пр. Нельзя отчасти отрицать основательность этихъ упрековъ; но всмотритесь въ ходъ земскаго дѣла; примите въ соображеніе всѣ об-

*) Сапожковское земское собраніе осталось при прежнемъ своемъ мнѣніи по одному постановленію, опротестованному губернаторомъ. Докладъ коммисіи, утвержденный собраніемъ, съ мнѣніемъ губернатора, былъ симъ послѣднимъ представленъ въ 1-й департаментъ сената, который нашелъ протестъ губернатора не имѣющимъ законнаго основанія и приказалъ постановленію земскаго собранія дать законный ходъ. Губернаторъ не дозволилъ напечатать, въ журналахъ собранія, все относящееся до сего дѣла. Земское собраніе, на слѣдующій годъ, принесло министру внутренныхъ дѣлъ жалобу на это распоряженіе губернатора; но въ отвѣтъ получено, что начальникъ губерніи имѣлъ полное право не разрѣшать напечатанія этого мѣста въ журналѣ собранія, которое, такимъ образомъ, и осталось безъ удовлетворенія.

стоятельства, которыми оно обставлено; вникните въ затрудненія, которыя съ намѣреніемъ противупоставляются земству, и вы должны придти къ убѣжденію что земскія учрежденія больше сдѣлали чѣмъ, по справедливости, можно отъ нихъ требовать; что въ земствѣ болѣе жизни и рвенія чѣмъ, при существующей обстановкѣ, можно ожидать; и что вина въ недостаточномъ развитіи земскихъ учрежденій лежитъ, конечно, не на земствѣ. Если еще оно живо, дѣйствуетъ и что либо производитъ, то это по милости нѣкоторыхъ людей, которые по любви къ дѣлу, къ своему отечеству и Государю, преодолѣваютъ всѣ встрѣчаемыя преграды, и, не щадя своихъ силъ, достигаютъ нѣкоторыхъ добрыхъ результатовъ, и своимъ примѣромъ одушевляютъ и тащутъ за собою болѣе слабыхъ и мѣнѣе преданныхъ общему дѣлу.

На счетъ городскаго самоуправленія, не можемъ сказать ничего утѣшительнаго. Оно идетъ дѣйствительно неудовлетворительно, особенно въ уѣздныхъ городахъ. Тутъ вина не администраціи, такъ усердно у насъ дѣйствующей противъ всякой гражданской самостоятельности; но вина вполнѣ лежитъ на самихъ людяхъ, которымъ предоставлено самоуправленіе. Прежде городскія думы были въ полной зависимости отъ губернскаго правленія и немогли ничего дѣлать безъ утвержденія сихъ послѣднихъ. Теперь дано городамъ право хозяйничать по своему усмотрѣнію. Правительство поступило, въ этомъ случаѣ, весьма разумно и весьма осторожно. Оно не навязало бо̀льшихъ правъ городамъ, безъ ихъ на то желанія, но предоста-

вило имъ самимъ просить о распространенiи на нихъ правъ по новому городовому Положенiю. Утомленные опекою губернскаго правленiя, города быстро, одинъ за другимъ, стали ходатайсвовать о дарованiи имъ этихъ расширенныхъ правъ; но, получивши ихъ, они по большей части оказались не въ состоянiи съ ними справиться. Главною причиною тому были не статьи новаго городоваго Положенiя, не дѣйствiя губернскихъ или уѣздныхъ казенныхъ властей, а недостатокъ интелигенцiи въ городскихъ обывателяхъ. Въ городахъ большинство избирателей принадлежитъ къ купечеству; а оно не только въ уѣздныхъ, но и въ губернскихъ городахъ, до крайности мало развито. Права получены; дѣла много. а людей способныхъ ихъ вести мало и очень мало; а потому упреки сыпятся на думы и управы, и замѣтно вообще охлажденiе къ дѣламъ городскаго самоуправленiя. Но и тутъ отчаяваться не должно: расширенныя права неминуемо вызовутъ развитiе способностей и бòльшее къ нимъ уваженiе.

Упрекаютъ насъ, Русскихъ, въ томъ что мы въ началѣ ретивы, но что скоро остываемъ; что мы хватаемся за всякое дѣло съ жаромъ, но что вскорѣ оно у насъ изъ рукъ вываливается; и что мы лишены того свойства, которымъ отличаются Нѣмцы и которое имъ всегда обезпечиваетъ удачу, а именно: настойчивости. Во всемъ этомъ есть, быть можетъ, доля правды; но много и обстоятельствъ, насъ оправдывающихъ. Намъ въ началѣ даютъ на бумагѣ какъ будто много, какъ будто права дѣйствительныя. За тѣмъ пойдутъ урѣзки, разъясненiя, истолкованiя, ограниченiя, и на дѣлѣ изъ

дарованнаго остается мало и даже очень мало. Сверхъ того, агенты правительства, по несчастью, sont plus royalistes que le roi, т.е. стоятъ за произволъ несравненно болѣе чѣмъ самъ царь, желающій дать намъ права дѣйствительныя. Такъ было съ земскими учрежденіями, съ судебною реформою, съ закономъ о печати, съ положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ, и пр. Слѣдовательно кто тутъ виноватъ: тотъ ли кто остываетъ или тотъ кто остужаетъ? Русскіе вообще — люди весьма практическіе; одними словами ихъ неудовлетворишь; имъ необходима самая суть дѣла. Они могутъ воздерживаться, устраняться; но не многіе изъ нихъ способны забавляться пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Что касается до недостатка настойчивости въ русскомъ характерѣ; то, при настоящихъ обстоятельствахъ, это не совсемъ говоритъ въ ихъ невыгоду. Дѣйствительно Нѣмцы достигаютъ почти всегда того, чего они хотятъ; но при этомъ они не брезгаютъ средствами, которыя многимъ русскимъ не по душѣ. У Нѣмцовъ нѣтъ той сердечной совѣстливости, того прирожденнаго благородства, когорыя составляютъ свойства русскаго человѣка, и которыя такъ поражаютъ насъ въ нашемъ неиспорченномъ крестьянинѣ. Эти свойства часто заставляютъ Русскихъ покидать мѣста, пребываніе на которыхъ сопряжено съ оскорбленіями ихъ совѣсти и бросать дѣла, которыя имъ не по душѣ; а Нѣмецъ переноситъ и непріятности и оскорбленія, остается на своемъ мѣстѣ и при начатомъ дѣлѣ, и достигаетъ своей цѣли.

Въ подтвержденіе только что нами сказаннаго,

можетъ отчасти служить то участіе, которое разные слои народа принимаютъ у насъ въ отправленіи правосудія. Залы не только общихъ судебныхъ учрежденій, но и съѣздовъ мировыхъ судей рѣдко бываютъ безъ посѣтителей. Въ мѣстахъ постояннаго пребыванія окружнаго суда, дѣла, нѣсколько важныя, всегда привлекаютъ толпу слушателей: а въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ окружный судъ бываетъ только временно, всѣ засѣданія какъ его такъ и съѣздовъ мировыхъ судей усердно посѣщаются людьми всѣхъ состояній. Не одно любопытство побуждаетъ ихъ сидѣть, по нѣскольку часовъ сряду, въ залахъ засѣданій; суетное любопытство уже давно бы удовлетворилось; но главнѣйше ихъ туда тянетъ и тамъ удерживаетъ желаніе видѣть какъ *дѣла дѣйствительно производятся.* Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ разговоровъ съ посѣтителями судебныхъ засѣданій и въ особенности съ тѣми изъ нихъ, которые принадлежатъ къ низшимъ слоямъ народа. Они чуютъ что тутъ не одни слова а дѣло, и они неудержимо стремятся въ эту школу гражданственности. — Обязанности присяжныхъ засѣдателей и участковыхъ мировыхъ судей конечно не легки; а между тѣмъ, онѣ по большей части исполняются весьма добросовѣстно. Знаемъ, что часть журналистики (конечно не лучшая), крѣпостники, свой вѣкъ доживающіе, и въ особенности многіе администраторы не раздѣляютъ этого мнѣнія и упрекаютъ присяжныхъ засѣдателей въ излишней снисходительности къ преступленіямъ и проступкамъ, а мировыхъ судей въ тенденціозности ихъ рѣшеній. Первый упрекъ,

кажется, вполнѣ устраненъ статистическими данными, которыя доказали что у насъ мѣнѣе оправдательныхъ приговоровъ, чѣмъ въ какой либо другой европейской странѣ и чѣмъ ихъ было у насъ, при прежнихъ судахъ. Мы, изъ опыта личнаго и людей вполнѣ правдивыхъ, знаемъ, что крестьяне даже грѣшатъ болѣе излишнею строгостью, чѣмъ излишнею снисходительностью. А если, при явномъ совершеніи проступковъ, присяжные иногда выносятъ оправдательные приговоры; то тутъ вина не ихъ, а нашего Уложенія о наказаніяхъ, которое опредѣляетъ кары, несоразмѣрныя съ тяжестью содѣланныхъ проступковъ, и тѣмъ вынуждаетъ засѣдателей предпочитать даже ложь совершенію явной несправедливости. Слѣдовательно они туть дѣйствуютъ не въ ущербъ правосудія, а въ его интересѣ и согласно требованіямъ общественной совѣсти. Конечно это не законно, теоретически нехорошо и нежелательно: но, изъ двухъ золъ, они выбираютъ меньшее и ихъ въ томъ винить нельзя. Вообще намъ слѣдовало бы быть благодарными присяжнымъ засѣдателямъ, за ихъ добросовѣстную службу, пользоваться ихъ указаніями для исправленія нашего уголовнаго законодательства, не осуждать ихъ, а напротивъ того, видѣтъ въ ихъ дѣйствіяхъ новое доказательство того, какъ русскій человѣкъ, и при малой опытности и при недостаточномъ развитіи, дѣйствуетъ разумно и совѣстливо. — Что касается до мировыхъ судей, то не защищая ихъ безусловно и признавая въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недостатокъ строгаго уваженія къ законности и наклонность къ дѣйствіямъ произвольнымъ — свойства, къ сожа-

ленію, у насъ довольно общія, мы не считаемъ себя вправѣ особенно строго осуждать этихъ людей за то, въ чемъ мы всѣ виновны и къ чему, ежедневно и такъ соблазнительно, насъ увлекаютъ чиновники и сановники, подавая блистательные примѣры сверхзаконныхъ и беззаконныхъ дѣйствій. Относительно же тенденціозности рѣшеній мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, мы считаемъ долгомъ сказать, что какъ нѣтъ правила безъ исключенія, и нѣтъ семьи безъ урода, то и въ рѣшеніяхъ мировыхъ учрежденій бываетъ пристрастіе то къ той, то къ другой сторонѣ; но дѣлать изъ этого общій упрекъ цѣлому институту — значитъ дѣйствовать болѣе чѣмъ тенденціозно — значитъ сваливать съ больной головы на здоровую. Этимъ укорщикамъ хотѣлось бы предоставить званіе мировыхъ судей или крупнымъ землевладѣльцамъ, безъ всякаго выбора, или чиновникамъ, отъ администраціи назначаемымъ. Но первые или будутъ несравненно тенденціоннѣе (пристрастнѣе) нынѣшнихъ мировыхъ судей, если они воспользуются уроками своихъ наставниковъ и останутся вѣрными своему происхожденію, или вовсе не будутъ заниматься отправленіемъ суда, что̀ всего вѣроятнѣе; ибо сословные инстинкты, слава Богу, у насъ не въ крови, постоянное житье въ деревнѣ для зажиточныхъ людей не въ обычаѣ, непрестанныя же жертвоприношенія въ пользу привитыхъ убѣжденій противны практическому смыслу русскаго человѣка. А мировые судьи, назначаемые отъ правительства, были бы настоящими чиновниками, безъ всякой связи съ населеніемъ и подъ единственнымъ контролемъ отда-

ленной центральной власти; они не возвысили бы значенія мировыхъ судей, а скорѣе бы его уронили. Опытъ такого порядка замѣщенія ваканціи мировыхъ судей, вынужденный необходимостью, уже сдѣланный въ западныхъ губерніяхъ, несомнѣнно доказалъ полную несостоятельность такихъ опредѣленій. — Способъ выбора мировыхъ судей, устройство ихъ съѣздовъ, права и обязанности и тѣхъ и другихъ, установлены у насъ вполнѣ цѣли соотвѣтственно. Можно желать пониженія ценза мировыхъ судей, нѣкотораго распространенія ихъ вѣдомства на дѣла крестьянъ, и немногія другія менѣе важныя измѣненія; но, въ главныхъ основаніяхъ, нашъ мировый институтъ такъ устроенъ какъ лучше онъ устроенъ быть не можетъ. Желательно чтобы дали ему развиваться и утверждаться самому по себѣ; а подвергать его коренному предлагаемому преобразованію — значитъ стремиться не къ его улучшенію а ухудшенію, къ удовлетворенію не требованій общественнаго мнѣнія, а своихъ теоретическихъ или иныхъ мнѣній — значитъ идти не съ народомъ, вообще весьма расположеннымъ къ мировымъ судьямъ, а на перекоръ ему, и изъ личныхъ цѣлей возбуждать общія неудовольствія *).

*) Въ послѣднее время прошелъ слухъ, что министръ юстиціи вошелъ въ государственный совѣтъ въ представленіемъ о продленіи срока службы мировыхъ судей, т. е. объ ограниченіи его не тремя а шестью годами. Будучи предсѣдателемъ мироваго съѣзда съ самаго его установленія, т. е. уже восьмой годъ, я рѣшительно не вижу никакой надобности въ такой перемѣнѣ и глубоко убѣжденъ что она послужила бы не къ пользѣ, а ко вреду мироваго института. Конечно желательно огражденіе судебныхъ учрежденій отъ всякаго внѣшняго вліянія и произвола; но извле-

Остается намъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ наша гражданская общественная дѣятельность выражается путемъ печатнаго слова. Мало отраднаго и много грустнаго придется намъ тутъ вымолвить. Слаба, маложизненна эта наша дѣятельность вообще; но выраженіе ея посредствомъ печати, почти вовсе ничтожно. Мѣстныя земскія учрежденія, мировый институтъ и участіе присяжныхъ засѣдателей въ отправленіи уголовнаго правосудія — вотъ весь кругъ нашей гражданской дѣятельности. Еслибы по крайней мѣрѣ тутъ мы были на просторѣ, то могли бы, посредствомъ печатнаго слова, въ этой области, развивать и разъяснять наши гражданскія понятія, входить другъ съ другомъ въ откровенныя сношенія, устанавливать между собою связъ, и такимъ образомъ умножать свои силы на пользу себѣ и государству. Къ сожалѣнію, именно тутъ мы всего болѣе стѣснены. Какъ кореспонденціи о дѣйствіяхъ земскихъ собраній и отчеты о постановленіяхъ и преніяхъ, въ нихъ происходящихъ, могутъ быть передаваемы печати не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго мѣстнаго начальства, то, въ этомъ отношеніи, мы

ченіе ихъ изъ подъ контроля мѣстнаго общественнаго мнѣнія было бы вредно, даже гибельно для самаго этого института. Тутъ теорія должна уступить требованіямъ практики. Чтобы быть хорошимъ мировымъ судьею нѣтъ необходимости въ обширныхъ юридическихъ знаніяхъ, въ многолѣтней опытности и въ полной независимости отъ мѣстнаго населенія. Многіе молодые, вновь избранные мировые судьи много лучше старыхъ, прежде избранныхъ судей. Оцѣнка ихъ трехлѣтней дѣятельности производится земствомъ, т. е. совокупностью всего населенія, а не однимъ какимъ либо сословіемъ; и эта, чрезъ три года повторяющая перебалотировка не сопряжена ни съ какими неудобствами; напротивъ того, она весьма полезна для оживленія и утвержденія этого института.

состоимъ въ полной зависимости отъ губернаторовъ и подъ самымъ бдительнымъ, но не всегда благосклоннымъ и просвѣщеннымъ надзоромъ. Мало того, что наши помпадуры сами не охотники до гласности и всегда расположены налагать печать запрета на уста и перья обывателей той мѣстности, гдѣ они царствуютъ; но они еще находятся подъ страхомъ отвѣтственности передъ высшимъ начальствомъ, которое, при нѣсколько снисходительномъ пропускѣ статей къ напечатанію, весьма расположено заподозрѣвать своихъ агентовъ въ либерализмѣ, соціализмѣ и еще Богъ вѣсть въ чемъ. Такимъ образомъ, въ собраніяхъ, мы связаны по рукамъ и по ногамъ диктаторскими правами предсѣдателей, а въ печати — полнымъ произволомъ губернаторовъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, трудно, невозможно намъ въ печати высказываться искренно и самостоятельно. А потому, извѣстія о земскихъ учрежденіяхъ сообщаются самыя короткія, неполныя, отрывочныя и поверхностныя, и только въ видѣ слуховъ, догадокъ и предполженій; а журналы собраній, печатаемые въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпларовъ (по числу гласныхъ), по проходѣ чрезъ губернаторскую цензуру, до того сухи и скучны, что почти ни кѣмъ не читаются.

Тяжело такое положеніе для земскихъ людей, которые повѣрили въ дѣйствительность предоставлявшагося земству самоуправленія, и которые, съ любовью съ дѣлу, посвятили ему свои труды и знанія; но едва ли такое положеніе выгодно и для правительства. Если оно рѣшалось предоставить, въ завѣдываніе мѣстныхъ жителей, общественныя

хозяйственныя ихъ дѣла, то вѣроятно оно сознавало что, при обширности имперіи, при недостаточности своихъ мѣстныхъ свѣденій, при отдаленности своего мѣстопребыванія и при громадномъ количествѣ дѣлъ, къ нему поступающихъ, оно не въ состояніи съ ними справиться, и что необходимо или вооружитъ начальниковъ губерній властью почти неограниченною и призволъною или передать нѣкоторыя мѣстныя дѣла на попеченіе самихъ обывателей и возложить на нихъ отвѣтственность за правильное веденіе этихъ дѣлъ. Къ счастію, правительство рѣшилось на послѣднее; но, къ сожалѣнію, при исполненіи этого рѣшенія, оно дѣйствовало не съ надлежащею послѣдовательностію и испугалось гласности, безъ которой общественныя дѣла ведомы быть не могутъ. Между турецкимъ способомъ управленія провинціями и европейскимъ порядкомъ веденія дѣлъ со всѣми его принадлежностями, сдѣлки быть не можетъ; и наше правительство, избравши одинъ способъ и дѣйствуя по другому, только возбуждаетъ неудовольствія и ропотъ въ народѣ, и само себѣ противорѣчитъ, себя затрудняетъ и ослабляетъ.

Въ заключеніе скажемъ: прежде у насъ не было никакой гражданской общественной жизни — мы были вотчиной съ крѣпостными людьми, которою управлялъ помѣщикъ по своему усмотрѣнію, не совѣтуясь ни съ кѣмъ и не отдавая отчета ни въ чемъ и никому, или стадомъ барановъ подъ руководствомъ и охраненіемъ пастуха и его помощниковъ. Впослѣдствіи совершилось дѣло великое и не безъ нашего содѣйствія; затѣмъ послѣдовали

другія въ томъ же духѣ преобразованія. Мы почувствовали себя людьми и одушевились любовью къ виновнику дарованныхъ намъ правъ. Мы не захотѣли оказаться недостойными Его щедротъ, напрягли свои силы и устремились по пути Имъ намъ указанному. Но нашлись люди, которымъ такое единодушіе Государя и народа было не по сердцу и которые увидѣли въ этомъ согласіи свою погибель. Они не пренебрегли никакими средствами къ разрушенію этого союза, стали внушать Царю недовѣріе къ народу, а народъ, выходящій изъ крѣпостной зависимости и возмечтавшій быть гражданами европейскаго государства, начали снова гнуть подъ иго произвола и постепенно лишать только что дарованныхъ ему правъ. — Могутъ ли люди быть довольными? Могутъ ли они не чувствовать всей тягости создаваемаго имъ положенія?

III.

Наше положеніе

въ административномъ отношеніи.

Улучшилась ли, ухудшилась ли наша администрація нынѣшняя въ сравненіи съ прежней, и какъ намъ при ней теперь живется? Вотъ что̀ слѣдуетъ здѣсь разсмотрѣть. Если она улучшилась незначительно; если она не поднялась на столько, на сколько возвысились и должны были возвыситься требованія обновленнаго нашего положенія, то чрезъ то самое она уже ухудшилась. А что придется сказать, если мы увидимъ что бывшіе въ ней въ зародышѣ, въ естественномъ, такъ сказать, видѣ, пороки и недостатки, она ихъ, съ помощью позаимствованной цивилизаціи, развила, усилила, обобщила и привела въ полную систему?

Издавна упрекали нашу администрацію во взяткахъ, въ разгулѣ произвола, въ угодливости начальству и въ томъ, что для ней обдѣлка дѣлъ на бумагѣ важнѣе производства ихъ въ дѣйствительности.

Теперь чиновниковъ, не брезгающихъ взятками, кажется, меньше. Увеличеніе жалованія, нѣкоторая,

допущенная въ печати гласность, подъемъ образованія, хотя и незначительный, въ класѣ чиновниковъ, и боязнь лишиться мѣста, содѣйствовали къ сокращенію числа грубыхъ взяточниковъ. Но количество денегъ и другихъ ублаготвореній, поступающихъ въ карманы чиновниковъ и сановниковъ, теперь много значительнѣе чѣмъ когда-либо было. Прежде брали и даже, пожалуй, драли гроши и рубли; теперь цивилизованные администраторы не дозволяютъ къ себѣ являться съ такими подлыми приношеніями; но они не гнушаются тысячами и десятками тысячь, особенно въ видѣ паевъ, акцій или постоянныхъ жалованій изъ банковыхъ или банкирскихъ конторъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ обществъ. Наши администраторы также не остаются позади отъ нѣкоторыхъ европейскихъ, особенно наполеоновскихъ и австрійскихъ государственныхъ людей, по части игры на биржѣ; въ этомъ отношеніи, они идутъ съ вѣкомъ въ уровень. На дѣлѣ выходитъ, что взятки не прекратились, но видоизмѣнились, не уменьшились, а даже весьма и весьма увеличились въ объемѣ. Прежде воздухъ былъ чище въ верхнихъ слояхъ администраціи и смрадъ и удушливость сосредоточивались внизу; а теперь — едва лине на оборотъ. Частныя лица, пожалуй, въ отдѣльности мѣнѣе страдаютъ; но въ совокупности они теряютъ несравненно болѣе. Они не платятъ нѣскольких рублей по собственнымъ дѣламъ; но они несутъ много болѣе убытковъ, вслѣдтсвіе распоряженій желѣзнодорожныхъ и другихъ промышленныхъ управленій, которыя, въ этомъ случнѣ, не грабятъ, и только пользуются за ними утвержденными

точными или неточными статьями уставовъ. Въ этихъ постановленіяхъ встрѣчаются, и къ несчастію, не рѣдко, такіе пункты, что не знаешь чему должно приписать ихъ допущеніе и одобреніе: слѣпотѣ ли лицъ расматривавшихъ эти уставы въ проектахъ или еще чему худшему? А между тѣмъ отъ этого страдаютъ и очень страдаютъ люди по торговлѣ, промышленности и по другимъ отраслямъ быта.

Произволъ нашихъ администраторовъ едва когда либо былъ сильнѣе и объемистѣе, чѣмъ теперь. Прежде они дѣйствовали проще, добродушнѣе, согласнѣе съ общимъ строемъ тогдашнихъ порядковъ. Они позволяли себѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и больше, чѣмъ теперь кто-либо себѣ позволитъ; они, собственными руками, колотили подчиненныхъ и просителей, засаживали зря людей подъ арестъ, и, въ видахъ общей пользы, распоряжались чужою собственностью какъ самые ярые комунисты; но они чувствовали что *грѣшили*, старались впослѣдствіи вознаграждать за обиды и убытки, и такія ихъ произвольныя дѣйствія были не правиломъ, а только исключеніями. Теперь наши администраторы считаютъ долгомъ проявлять гдѣ, только можно, свою власть, думая такимъ образомъ охранять и утверждать священныя права самодержавія. Для нихъ лица, и въ особенности не имѣющія связей въ Петербургѣ, и частныя страданія — ни почемъ; для нихъ важны какіе-то и гдѣ-то схваченные ими принципы и пуще всего — воззрѣнія и желанія ихъ начальства. Законы, въ ихъ глазахъ, конечно обязательны для управляемыхъ; но для

нихъ, администраторовъ, циркуляры и конфиденціальныя предписанія или отношенія начальства много важнѣе статей Свода законовъ или опубликованныхъ указовъ. Тутъ, говорятъ они, обнародованы общія, такъ сказать, казовыя, для всѣхъ предназначенныя правила и понятія; а тамъ сообщаются, немногимъ посвященнымъ, настоящіе, тайные виды правительства. Законы, для нашей администраціи, составляютъ весьма удобный арсеналъ, изъ котораго, смотря по потребностимъ, они выдвигаютъ нужныя орудія; но передъ волею начальства или передъ государственными (т. е. ихъ собственными) соображеніями, законы — ничто; воля пославшаго есть suprema lex — т. е. законъ надъ законами. Страдаютъ не рѣдко и не мало отъ этого произвола частныя лица: но теперь онъ преимущественно направленъ противъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Въ этой области, наши администраторы и въ особенности губернаторы, дѣйствуютъ неудержимо, съ какою-то страстною ненавистью къ установленіямъ, мечтающимъ, на основаніи закона, быть самостоятельными, и стремящимся, на томъ же основаніи, полагать границы административному произволу. На эту борьбу, они тратятъ свои усилія, какъ по влеченію своего сердца, такъ и еще болѣе — въ надеждѣ заслужить благоволеніе своего начальства. Чего тутъ они себѣ не позволяютъ! Указы сената имъ не почемъ, и наши помпадуры, съ самонадѣенною улыбкою, говорятъ: „Сенатъ, пожалуй, признаетъ мой протестъ неосновательнымъ; но за то начальство сочтетъ меня человѣкомъ вполнѣ благонадежнымъ; а это для меня много важ-

нѣе, чѣмъ внушенія и даже замѣчанія перваго департамента сената." — Винить ли нашихъ среднихъ и низшихъ административныхъ агентовъ въ томъ, что они не держатся на законной почвѣ и что простираютъ свое рвеніе иногда даже за предѣлы желаній своего начальства? При теперешнемъ порядкѣ вещей, не рѣшусь бросить камень въ этихъ ревнителей не въ мѣру. Еслибы, въ верхнихъ слояхъ администраціи, была искренняя любовь къ законности; еслибы тамъ строго ея держались и не позволяли себѣ обходить и по своему истолковывать законы; наконецъ, еслибы за ихъ нарушеніе подчиненными, удаляли или отрѣшали ихъ отъ должности или предавали суду; то конечно и губернаторы и исправники и другіе администраторы воздержались бы отъ произвольныхъ и незаконныхъ дѣйствій. Но когда они видятъ, что за излишнее усердіе, хотя и сопряженное съ нарушеніемъ закона и съ ущербомъ для частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, имъ пріятно улыбаются или дѣлаютъ только, ради приличія, замѣчанія, за которыми вскорѣ слѣдуютъ награды; а что за недостатокъ рвенія, особенно за послабленіе общественнымъ властямъ, администраторы зачисляются въ разрядъ неблагонадежныхъ и даже лишаются своихъ мѣстъ; тогда ясно какъ день чего требуетъ начальство и какъ вѣрнѣе удерживаться при занимаемыхъ должностяхъ и получать награды. — Наши чиновники, по большей части, люди живущіе однимъ жалованіемъ и для нихъ, часто обремененныхъ многочисленными семействами, служба есть вопросъ жизни и смерти. Слѣдовательно, если

наши губернскіе и уѣздные администраторы часто дѣйствуютъ внѣ закона или вопреки ему, то главная въ томъ вина не ихъ, а тѣхъ, которые или требуютъ такихъ дѣйствій или за нихъ строго не взыскиваютъ.

Угодливость начальству всегда была принадлежностью нашего служебнаго люда; но размѣры, до которыхъ она дошла въ послѣднее время, просто поразительны. И главною причиною то, что въ глазахъ начальства, самое дурное свойство въ подчиненномъ — стойкость въ убѣжденіяхъ и въ характерѣ. Человѣкъ съ такимъ свойствомъ клеймится эпитетомъ *неблагонадежнаго, безпокойнаго*, ему нѣтъ не только повышенія, но, при первомъ удобномъ случаѣ, его лишаютъ и того мѣста, которое онъ уже имѣетъ. Въ подчиненномъ всего болѣе цѣнится то, чтобы онъ былъ на всѣ руки пригоденъ, чтобы для него верховнымъ закономъ была воля начальства, чтобы ему онъ вполнѣ подчинялъ свою совѣсть, и чтобы, помимо начальства, онъ не мечталъ быть чѣмъ-либо. Прежде были у насъ, въ верхнихъ, въ среднихъ и даже въ низшихъ служебныхъ сферахъ, люди, которые отличались полною добросовѣстностью и стойкостью. Знаемъ это не изъ исторіи, не изъ разсказовъ, а изъ собственнаго опыта: сами знавали такихъ людей и многое могли бы про нихъ сообщить. А теперь? Высшіе сановники подаютъ служебному люду самые яркіе примѣры полной готовности исполнять, противъ своихъ убѣжденій, получаемыя ими приказанія. Министры вносятъ проекты распоряженій или законовъ, которые они считаютъ необ-

ходимыми; эти предположенія забраковываются или совершенно переиначиваются; и виновники ихъ остаются, какъ ни въ чемъ ни бывало, на своихъ мѣстахъ, и исполняютъ противуположное своимъ убѣжденіямъ, какъ будто собственное измышленіе. Таковъ теперь установился обычай. Убѣжденія, личное внутренное достоинство — теперь у насъ на по чемъ; все дѣло въ томъ, чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ, не лишиться возможности получать ленты и другія отличія, пользоваться разными выгодами, съ высокимъ саномъ соединенными. — Думаютъ, что особенно пригодны на службѣ люди, которые дорожать своимъ мѣстомъ, и которые безпрекословно исполняютъ получаемыя приказанія, не справляясь съ своею совѣстью. Нѣтъ! съ такими людьми далеко не уѣдешь, и какъ разъ попадешь въ такую трясину, изъ которой они не въ состояніи и высвободить ни себя ни другихъ. Если они угодливы въ отношеніи къ высшимъ, то они еще угодливѣе самимъ себѣ; и не польза общая, неразрывно связанная съ пользою Государя, а личныя выгоды ими руководятъ. Съ такими людьми успѣшно вести государственное дѣло — болѣе чѣмъ трудно.

Издавна бумаги и номера играли важную роль въ нашемъ управленіи; и не даромъ кто-то назвалъ Россію бумажнымъ царствомъ; но прежде администраторы все еще сохраняли нѣкоторую связь съ дѣйствительностью, и бумаги не вполнѣ отъ нихъ заслоняли страну и ея обитателей. Въ числѣ сановниковъ и чиновниковъ, были люди, знавшіе Россію, не по оффиціальнымъ донесеніямъ а

изъ собственнаго опыта: они воспитывались и живали во внутренности имперіи, сохранили связи съ прежними друзьями и товарищами, охотно распрашивали пріѣзжихъ изъ разныхъ губерній о мѣстныхъ обстоятельствахъ и нуждахъ, не выставляли себя всѣвѣдцами, не отталкивали людей важностью своей осанки, и такимъ образомъ пополняли, исправляли и повѣряли свои свѣденія о странѣ, ими управляемой. Не таковы нынѣшніе сановники: они пуще всего корчать европейскихъ министровъ, упуская изъ вида, что послѣдніе не имѣютъ надобности крохами собирать свѣденія о положеніи страны, потому что они не вѣкуютъ на своихъ мѣстахъ, что часто возвращаются въ частную жизнь, что, и во время службы, лѣтнюю ваканцію проводятъ не за границею а въ родномъ своемъ углѣ, и что въ Европѣ мнѣнія и нужды страны заявляются во всеуслышаніе, безъ всякихъ опасеній и умолчаній, и въ камерахъ, и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и въ печати. Сверхъ того, министры въ конституціонныхъ государствахъ, во все время сессій законодательныхъ собраній, должны дорожить каждымъ часомъ своего времени, ибо они обязаны не только тамъ защищать свои дѣйствія и проекты, но многосторонне подготовляться къ этой защитѣ; и не смотря на то, нигдѣ и никто не жалуется на недоступность этихъ господъ. Положеніе нашихъ министровъ совершенно иное: оффиціальныя свѣденія, и по почтѣ и по телеграфу, получаются ими въ полномъ изобиліи, даже въ такомъ изобиліи, что едва ли они всѣ прочитываются и столоначальниками департаментовъ; но свѣденіямъ живымъ, дѣй-

ствительнымъ доступъ до министровъ весьма труденъ, почти невозможенъ. Этого недостатка, правда, они не чувствуютъ; большинство изъ нихъ даже находитъ что эти свѣденія растроиваютъ гармонію оффиціальныхъ донесеній, а потому они всячески стараются пресѣкать первымъ путь какъ къ себѣ такъ и особенности ко все услышанію. Они достигаютъ перваго тѣмъ, что всячески ограждаютъ себя отъ неоффиціальныхъ посѣщеній и переписокъ,*) а отъ послѣдняго тѣмъ, что, безъ зазрѣнія совѣсти, требуютъ ограниченій свободы печати и преслѣдованій за всякое ея неосторожное слово. Не недостатокъ времени заставляетъ нашихъ сановниковъ преграждать притокъ къ нимъ свѣденій неоффиціальныхъ; нѣтъ! времени у нихъ съ избыткомъ, и они могли бы даже подѣлиться имъ съ европейскими министрами, еслибы только они рѣшились уклоняться отъ исполненія нѣкоторыхъ придворныхъ и общественныхъ обязанностей, которыя они считаютъ, кажется, даже болѣе важными чѣмъ свои министерскія занятія. Наши сановники не стараются узнавать дѣйствительное положеніе дѣлъ, считая такія свѣденія безполезными и только усложняющими и запутывающими воззрѣнія лицъ, власть предержащихъ. — Дѣлопроизводство въ нашей администраціи куріозно до крайности: соста-

---

*) Нѣкоторые министры никогда не принимаютъ частныхъ людей (кромѣ своихъ петербургскихъ пріятелей), иначе какъ въ часы, назначенные для пріема просителей. У этихъ же министровъ обычай не отвѣчать на частныя письма, хотя бы въ нихъ сообщались даже важныя свѣденія и соображенія по общимъ дѣламъ.

вляются доклады на основаніи оффиціальныхъ донесеній; вставляются туда справки изъ законовъ и сколько возможно болѣе цифирныхъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ полиціею или иными учрежденіями*); затѣмъ подбираются пошлыя и къ дѣлу едва относящіяся соображенія; и въ заканчаніе, выводятся заключенія не изъ сущности изложеннаго, а такъ себѣ — изъ какихъ-то высшихъ государственныхъ соображеній и уваженій. Затѣмъ эти доклады красиво переписываются; сущность ихъ на словахъ кѣмъ и кому слѣдуетъ излагается; заключенія получаютъ утвержденіе, и дѣла такимъ образомъ порѣшаются. До настоящей сущности дѣла, до желаній и потребностей какъ мѣстнаго населенія вообще такъ и отдѣльныхъ лицъ, нашей администраціи почти нѣтъ никакого дѣла, лишь бы бумага была гладко написана и прилично переписана. Дѣла съ каждымъ годомъ умножаются и усложняются; какъ же нашей администраціи съ ними справитсья, не прибѣгая къ способу самому удобному и повидимому самому приличному, а именно: къ большему по возможности обобщенію данныхъ, къ исключенію свѣденій, противурѣчущихъ воззрѣніямъ, установившимся въ министерствѣ, и

---

*) Забавны вообще казенныя статистическія данныя, но особенно замѣчательны свѣденія объ урожаяхъ. На основаніи этихъ свѣденій, у насъ почти вездѣ урожаи средніе, а неурожаевъ и обильныхъ урожаевъ почти нигдѣ нѣтъ; а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается что всего болѣе у насъ недородовъ и переродовъ. Не уступаютъ, по своей несообразности, и свѣденія о количествѣ скота и о скотскихъ падежахъ. Нѣкоторые губернаторы вздумали было требовать отъ исправниковъ донесеній о состояніи умовъ въ уѣздѣ; то-то забавны должны бы быть эти донесенія.

къ составленію заключеній согласныхъ съ предвзятыми мыслями. Еслибы наши администраторы хотя сколько нибудь чувствовали потребность управлять дѣлами такъ, какъ они имѣются въ дѣйствательности а не на бумагѣ, то они старались бы узнавать эту дѣйствительность, черпать въ ней нужныя указанія и не чуждались бы разговоровъ и совѣтовъ людей, не на службѣ находащихся а состоящихъ у самыхъ дѣлъ*). Въ послѣднее время, бюрократизмъ у насъ такъ развился, такъ самостоятельно устроился и выработалъ себѣ такую полную систему дѣйствія и такое своеобразное понятіе о Россіи, что онъ даже не сомнѣвается въ достаточности своихъ свѣденій, что не допускаетъ даже мысли о возможности узнать что-либо полезное отъ частныхъ, въ государственныя тайны не посвященныхъ людей, и что считаетъ себя чуть-чуть не отъ Бога поставленнымъ на управленіе слѣпотствующимъ населеніямъ. Бюрократія почти готова, на каждой своей бумажонкѣ, писать слова, употребляемыя въ манифестахъ: Мы, Божьею ми-

---

*) Лѣтъ тринадцать постоянно я ѣзжу каждогодно въ Петербургъ, и будучи знакомъ со многими лицами, высоко поставленными, я всегда ихъ посѣщаю. Въ нынѣшнемъ году, нѣкоторые изъ нихъ меня вовсе не приняли, а другіе, по старой памяти, принимали дружелюбно, говорили со мною обо многомъ, но не предложили мнѣ ни единого вопроса касательно положенія и дѣлъ тѣхъ мѣстностей, откуда я пріѣхалъ. Помню какъ, въ первые годы нынѣшняго царствованія, и меня и другихъ пріѣзжихъ изъ внутренныхъ губерній, распрашивали, почти пытали въ Петербургѣ допросами о настроеніи и обстоятельствахъ различныхъ мѣстностей имперіи; а теперь видно все извѣстно, и лишніе спросы только лишняя потеря времени, нужнаго на посѣщеніе театровъ и на исполненіе другихъ подобныхъ обязаностей.

лостью и пр. Это — не гипербола, а, къ сожалѣнію, правда, въ которой не сознается бюрократія, но въ которой убѣждены всѣ, внѣ ея состоящіе и отъ нея страждущіе.

Ничто, на бѣломъ свѣтѣ, не остается въ одномъ и томъ же положеніи — все развивается, все либо улучшается, либо ухудшается. Къ великому прискорбію нашему, изъ вышеизложеннаго видно, что недостатки и пороки, прежде существовавшіе въ нашей администраціи, съ теченіемъ времени, не уменьшились, не ослабѣли, а значительно увеличились, усилились и дошли, на этомъ пути, едва ли не до границъ возможнаго. Въ этомъ мы не имѣемъ духа винить однихъ людей, участвовавшихъ и участвующихъ въ администраціи. Думаемъ, что тутъ всего и всѣхъ болѣе виновно одно обстоятельство. Вслѣдствіе уничтоженія крѣпостной зависимости людей отъ ихъ владѣльцевъ и другихъ, въ томъ же духѣ состоявшихся реформъ, весь нашъ бытъ измѣнился, а между тѣмъ устройство и способы дѣйствія администраціи, самой подвижной части государственнаго организма, остались почти одни и тѣже и не подверглись почти никакому измѣненію, соотвѣтствующему требованіямъ обновленнаго нашего быта.

Уѣздная полиція, въ лицѣ одного исправника съ двумя или тремя становыми приставами и съ толпою безграмотныхъ сотскихъ и десятскихъ, избираемыхъ крестьянами, изъ своей среды, или ради бѣдности или въ наказаніе или за негодностью на другое дѣло, безсильна для огражденія личныхъ и имущественныхъ правъ жителей въ уѣздѣ.

Воровства, грабежи, поджоги, убійства и пр. умножаются, а полиція не имѣетъ средствъ къ принятію предупредительныхъ мѣръ противъ этихъ преступленій. Она также не въ состовніи надлежащимъ образомъ исполнять приказанія начальства; а потому, за свои вольныя и невольныя упущенія, она взыскиваетъ съ несчастныхъ крестьянскихъ избранниковъ и позволяеть себѣ, и направо и налѣво, всякаго рода произвольныя дѣйствія. — Въ видахъ предоставленія полиціи возможности дѣйствовать успѣшнѣе, предпологали, какъ слухи ходили, устроить какія-то разъѣздныя полицейскія команды или разъѣздные стражи, но у насъ такое устройство не можетъ быть полезно: наши пространства такъ огромны и еще такъ малолюдны, что для дѣйствительности ихъ надзора, пришлось бы половину населенія обратить въ этихъ полицейскихъ агентовъ. Нѣкоторыя земства было устроили у себя разъѣздныхъ докторовъ, но вскорѣ непрактичность такой мѣры оказалась очевидною: больные пріѣзжали въ мѣсто жительства врача, а онъ въ это время мыкался по волостнымъ правленіямъ, отъискивая больныхъ; такимъ образомъ цѣль оказанія врачебной помощи народонаселенію вовсе не достигалась. Тоже будетъ и съ разъѣздными полицейскими командами или агентами: нуждающіеся въ полиціи будутъ тщетно ихъ отъискивать, а она будетъ шататься, по уѣзду или своему участку, для исполненія приказаній начальства и для предупрежденія безпорядковъ и, при самыхъ удачныхъ назначеніяхъ этихъ агентовъ, порядокъ не будетъ нарушаться только во время ихъ проѣздовъ.

Преобразованіе уѣздной полиціи совершенно необходимо и не отложно; но оно должно совершаться не на основаніи какихъ-либо теорій или позаимствованій изъ чужихъ странъ, а согласно съ требованіями нашихъ мѣстностей и быта нашего народа, столь отличнаго отъ быта другихъ европейскихъ народовъ.*)

Наша губернская администрація едва знаетъ свои права и обязанности: Сводъ законовъ гласитъ одно, а разныя Положенія, Уставы, циркуляры и пр. предписываютъ иное. Во многихъ случаяхъ, статьи Свода даже неисполнимы, ибо онѣ не согласны со вновь изданными узаконеніями; а потому полное преобразованіе губернской и уѣздной администраціи теперь совершенно необходимо. Много разъ его предпринимали, образовывали коммиссіи и составляли по этому предмету разные проекты; но большая часть изъ нихъ клонились къ расширенію административной власти на счетъ правъ земства, судебныхъ и другихъ учрежденій; а потому, слава Богу, они и не были утверждены. Власть губернаторскую, конечно, нужно нѣсколько поразширить, но на счетъ не мѣстностей а цен-

---

*) Возложеніе на земство назначенія мѣстныхъ нижнихъ полицейскихъ агентовъ, при неимѣніи мелкихъ всесословныхъ единицъ и при невозможности таковыя образовать, есть дѣло и не желательное и не осуществимое. Всего лучше было бы устроитъ такъ: на каждый участокъ, состоящій изъ одной волости и изъ землевладѣльскихъ дачь, къ ней прилегающихъ, назначать по одному волостному приставу и по одному къ нему помощнику. Эти лица должны быть непремѣнно грамотныя и преимущественно набираться изъ отставныхъ солдатъ или унтеръ-офицеровъ. Назначеніе и увольненіе ихъ слѣдовало бы предоставить уѣзднымъ исправникамъ.

тральной власти. Теперь начальники губерній, почти на всѣ свои законныя дѣйствія, должны испрашивать разрѣшенія изъ Петербурга, и, только въ сферѣ произвола, они могутъ дѣйствовать самостоятельно. По дѣламъ чисто мѣстнымъ, по которымъ центральная власть не можетъ имѣть накакого своего мнѣнія и должна утверждать представленія губернаторовъ, они обязаны ожидать ея приказаній и оставлять иногда самыя нужныя дѣла безъ движенія. Необходимо для губернскихъ начальствъ составить общіе наказы и предоставить имъ, на основаніи этихъ наказовъ, дѣйствовать самостоятельно. Затѣмъ нужно усилить губернаторскую власть тѣмъ, чтобы организовать уѣздную полицію такъ, чтобы она имѣла возможность надлежащимъ образомъ исполнять приказанія начальства. Но пуще всего нужно, чтобы высшая администрація внушала губернаторамъ, и словомъ и дѣломъ, т. е. собственнымъ примѣромъ — уваженіе къ закону. Если они будутъ стоять на этой почвѣ, то власть ихъ сама собою значительно усилится, ибо тогда на ихъ сторонѣ будетъ все мѣстное населеніе. Жалуются на недостаточность власти преимущественно тѣ губернаторы, сирѣчь помпадуры, которые стремятся дать своему произволу полный разгулъ и обратить свои области въ турецкія пашалики. Увеличеніемъ произвола власть не усиливается а ослабляется — вотъ чего многіе не хотятъ понять и что однако неоспоримо вѣрно.

Но эти преобразованія въ нижнихъ и среднихъ сферахъ администраціи будутъ дѣйствительны и производительны, только при условіи производства

нужныхъ измѣненій и въ сферѣ высшаго управленія. Пока министры будутъ произвольно истолковывать законы и, по своему усмотрѣнію, вносить на Высочайшее утвержденіе, либо прямо либо чрезъ Комитетъ министровъ, проекты своихъ распоряженій; пока каждый изъ нихъ будетъ считать себя самостоятельнымъ хозяиномъ своей части, проводить въ ней свои собственныя виды, и не будетъ связанъ съ своими товарищами единствомъ программы дѣйствій; наконецъ пока они останутся подъ контролемъ одного Государя, не имѣющаго, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, физической возможности за всѣмъ и за всѣми слѣдить; по тѣхъ поръ не перестанутъ у насъ изходить изъ различныхъ министерствъ произвольныя, часто одно другому противурѣчущія распоряженія — будетъ въ администраціи тотъ хаосъ, который нынѣ существуетъ, и отъ котораго страдаютъ лица, состоянія и самъ Государь.

Еще есть у насъ бѣда, изъ которой истекаютъ для страны величайшія злополученія. На Руси, многіе думаютъ, что стòитъ человѣку приказать быть тѣмъ-то, и что онъ дѣйствительно тѣмъ и становится. Бывало, въ старые годы, помѣщикъ призоветъ своего кучера или камердинера, пожалуетъ его въ прикащики, и поручаетъ ему все хозяйство въ имѣніи; и, при крѣпостноомъ трудѣ, хозяйство помѣщичье шло такъ себѣ, не давая большихъ доходовъ, но и не причиняя владѣльцу убытковъ. Теперь, при вольномъ трудѣ, землевладѣлецъ, который, захотѣль бы такъ дѣйствовать, вскорѣ прогорѣлъ бы и долженъ былъ бы закрыть

свое хозяйство. Тоже бывало и, къ сокрушенію нашему, еще бываетъ у насъ и въ административныхъ сферахъ; но тутъ спеціальная подготовка еще много нужнѣе, чѣмъ въ сельскохозяйственномъ управленіи, и послѣдствія отъ назначенія людей, не надлежащихъ на завѣдываніе различными отраслями государственнаго управленія, бываютъ крайне тяжки. Хорошій военный, державшій свой полкъ въ отличномъ порядкѣ, назначается губернаторомъ, но, не будучи подготовленъ къ гражданской административной дѣятельности, оказывается плохимъ начальникомъ губерніи и все ея народонаселеніе страдаетъ. Иной порядочный, даже отличный администраторъ, призванный къ исправленію судебной должности или къ надзору за юридакціею или къ направленію ея согласно съ ея назначеніемъ, но юридически не образованный ни ученіемъ, ни судебною практикою, оказывается плохимъ судьею или прокуроромъ или генералъ-прокуроромъ, вноситъ въ судебную областъ понятія административныя, потрясаетъ въ своемъ вѣдомствѣ строгое уваженіе къ закону, и такимъ образомъ приводитъ свою часть не въ порядокъ а въ безпорядокъ. Иный человѣкъ, пожалуй и не безъ способностей и складно говорящій, но назначенный для завѣдованія какою либо спеціальною, ему неизвѣстною частью или по путямъ сообщенія или по контролю или по государственно-хозяйственнымъ дѣламъ, выходитъ малосмыслящимъ управляющимъ и плохимъ распорядителемъ, затѣваетъ неосуществимыя нововведенія, упускаетъ принятіе возможныхъ и необходимыхъ мѣръ и становится пѣшкою въ ру-

кахъ своихъ подчиненныхъ. Нѣтъ! въ настоящее время, ничего нельзя дѣлать а тѣмъ еще мѣнѣе чѣмъ-либо завѣдовать — безъ основательной подготовки. Иные, пожалуй, думаютъ, что подготовка, и опытностъ нужны для нижнихъ и среднихъ чиновниковъ, которыя дѣла производятъ, а что для высшихъ эти условія вовсе не необходимы, ибо эти лица должны руководствоваться общими государственными соображеніями. Бѣда та, что эти общія соображенія составляются изъ частныхъ, изъ спеціальныхъ по каждой отрасли государственнаго управленія; и если первыя часто слабы, недостаточны а иногда и вовсе ложны, то виною тому бѣдность и поверхносность свѣденій и понятій нашихъ государственныхъ людей по завѣдываемымъ ими частямъ. Никогда еще у насъ спеціальное образованіе въ высшихъ распорядителяхъ различными вѣдомствами не было такъ необходимо, и никогда, къ сожалѣнію мѣнѣе на него обращаютъ вниманія. Теперь мы стоимъ не особнякомъ, на границахъ Азіи; мы обрѣтаемся не въ семнадцатомъ или восемьнадцатомъ вѣкѣ; непроѣзжія дороги и медленныя, неисправныя почты уже не защищаютъ насъ отъ притока свѣта изъ странъ, опередившихъ насъ на пути образованности. Теперь мы вполнѣ втянуты въ европейское движеніе; мы должны знаться не съ одними сосѣдними а со всѣми государствами; мы должны съ ними состязаться и уже не на однихъ поприщахъ военномъ и дипломатическомъ, а на поприщахъ промышленности, торговли, науки и государственнаго управленія. Если, въ послѣднемъ отношеніи, мы

отстанемъ отъ европейскихъ державъ, то развѣ онѣ насъ не одурачатъ, не воспользуются нашимъ невѣденіемъ, не извлекутъ изъ этого для себя выгодъ и не причинятъ чрезъ то намъ убытковъ и потерь. При настоящихъ обстоятельствахъ, намъ особенно нужны люди спеціально знающія свою часть, и эти требованія должны быть обращаемы тѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе къ людямъ, опредѣляемымъ на мѣста, чѣмъ послѣднія выше и чѣмъ кругъ ихъ дѣйствія обширнѣе.

Но гдѣ взять такихъ людей? Вѣдь у насъ въ нихъ большой недостатокъ. — Вотъ что̀ часто слышимъ, но что̀ по нашему мнѣнію, далеко не основательно. У насъ имѣются люди и спеціально образованные и спеціальною практикою себя образовавшіе. И тѣ и другіе способны были бы вести всякое спеціальное дѣла во всѣхъ инстанціяхъ; но постановка и обстановка службы должны бы быть иныя чѣмъ нынѣшнія. Теперь требуются отъ подчиненнаго: безпрекословное исполненіе приказаній, какія бывпрочемъ они ни были; угодливость начальству во всѣхъ степеняхъ; и отсутствіе въ служащемъ самостоятельныхъ убѣжденій и стойкости въ характерѣ. Люди, не отвѣчающіе этимъ условіямъ, признаются неблагонадежными и тщательно устраняются. Они не получаютъ никакого повышенія, лишаются мѣстъ, которыя они даже имѣютъ, и должны или ѣхать въ свои имѣнія или поступать на какую-либо компанейскую службу. Однимъ жалованіемъ надлежащихъ людей нельзя ни привлечь на службу, ни ихъ на ней удержать. Люди способные и обладающіе хорошими знаніями по своей части

требуютъ пуще всего — уваженія къ ихъ человѣческому достоинству, т. е. къ ихъ личной самостоятельности. Они не скрываются, но и не выказываютъ себя, ибо кто, кромѣ людей ума ограниченнаго и со свѣдѣніями поверхностными, будетъ считать себя способнымъ вести важное дѣло и самонадѣянно себя предлагать? Такихъ людей надобно умѣть, не скажу — отъискивать, но только брать, когда они представляются, и ихъ не отталкивать неумѣстными требованіями.

Конечно весьма тѣсенъ теперь кругъ людей, изъ которыхъ набираются у насъ высшіе сановники, и даже тутъ выборъ совершается большей частью случайно — по какимъ-либо заискиваніямъ и чьимъ либо одобреніямъ; всѣ же люди, внѣ этого кружка стоящіе, исключены изъ числа лицъ, подлежащихъ избранію, сколько бы они ни были его достойны. И все это потому, что нѣтъ у насъ такого учрежденія, гдѣ бы сосредоточивались лучшія умственныя и нравственныя силы страны, и куда бы они отряжались общественнымъ мнѣніемъ на службу отечеству.

Какъ намъ, при такихъ порядкахъ, живется? Разумѣется такъ, какъ при нихъ можетъ житься. Мы не увѣрены ни въ чёмъ; опасаемся всего; подозрѣваемъ почти всѣхъ; и душа не лежать у насъ ни къ чему. Старики, вынесшіе на своихъ плечахъ всю тягость предъидущаго тридцатилѣтняго царствованія, ободряютъ и утѣшаютъ молодежь, подавая ей благой совѣтъ не отчаяваться, не опускать рукъ отъ дѣла, трудиться и не предаваться физическому, нравственному и умствен-

ному разврату, такъ тщательно у насъ со всѣхъ сторонъ поощряемому и распространяемому. Мы употребили слово „развратъ" и не беремъ его назадъ. Не одни кабаки и трактиры, не дома непотребныхъ женщинъ, не сладострастныя представленія въ театрахъ, не проповѣди такъ называемыхъ нигилистовъ — главнѣйше развращаютъ людей; всѣ эти заведенія и выходки возникаютъ, множатся и разнообразятся въ удовлетвореніе потребностей разврата, но разврата уже существующаго и развивающагося. Источникомъ разврата, главнымъ его виновникомъ — оскудѣніе въ народѣ общественныхъ, нравственныхъ и умственныхъ интересовъ. Тутъ корень зла и нынѣшнее наше положеніе представляетъ, для его развитія, почву самую благопріятную и производительную. Для противудѣйствія разврату безсильны поученія, полицейскія мѣры и даже наказанія. Съ нимъ успѣшно бороться можетъ только усиленая, облагороженная и самостоятельная дѣятельность человѣка и гражданина. Вотъ куда нужно направить всѣ усилія и надежды.

IV.

Наше положеніе

въ судебномъ отношеніи.

„Не бойся суда а бойся судьи; въ судъ ногой а въ карманъ рукой; гдѣ судъ тамъ и неправда; гдѣ судъ, тамъ и суть (сутяжничество); брюхо что судья: и молчитъ да проситъ; судъ докуку любитъ; на судѣ тягались, да оба безъ рубахи остались; не тягайся — удавишься; не тянись, лапоть дороже сапога станетъ; съ казною не судись, съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тяжись; въ землѣ черви, въ водѣ черти, въ лѣсу сучьи, въ судѣ крючьки — куда уйти?“ Вотъ какъ народъ, въ своихъ пословицахъ, поговоркахъ и изрѣченіяхъ, высказывался въ старину на счетъ суда, судей и производства дѣлъ въ судахъ, и это мнѣніе у насъ удерживалось до изданія новыхъ судебныхъ уставовъ.

Всѣмъ памятны тѣ чувства радости, восторга и благодарности, съ какими были приняты судебные уставы 1864 года! Всѣми повторялись безцѣнныя слова Высочайшего указа: „желаніе Наше водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ,

возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ, то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и котороедолжно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго."

Многіе изъ людей, искрено и глубоко сочувствовавшихъ этой великой реформѣ, опасались что она встрѣтитъ непреодолимыя препятствія въ недостаткѣ людей, могущихъ, съ пользою для дѣла, занять судейскія и прокурорскія мѣста, отправлять важныя обязанности присяжныхъ засѣдателей и принимать на себя какъ защиту обвиняемыхъ, такъ и ходатайство по гражданскимъ дѣламъ. И что же оказалось? Дѣло, въ самомъ началѣ, пошло такъ, какъ можно было желать, но какъ трудно было ожидать. Лучшіе люди, почти въ каждой мѣстности, пошли въ участковые и почетные мировые судьи, и этотъ институтъ, въ короткое время, пріобрѣлъ себѣ уваженіе всего населенія. Быстрота и справедливость рѣшеній мировыхъ учрежденій поразила даже крестьянъ, глубоко сожалѣвшихъ о томъ, что большая часть ихъ дѣлъ изъята изъ вѣденія мироваго судопроизводства.*) Первыя назначенія на

*) Я никогда не забуду горя крестьянъ, когда сапожковскій съѣздъ мировыхъ судей, вслѣдствіе рѣшенія кассаціоннаго департамента прав. сената, перестать принимать, къ своему разсмотрѣнію, нѣкоторыя крестьянскія дѣла и отмѣнилъ рѣшенія по нимъ мировыхъ судей съ предоставленіемъ сторонамъ обратиться въ волостные суды. Рѣшеніе кассаціоннаго департамента было строго законно; и если съѣздъ дозволялъ себѣ принимать нѣкоторыя дѣла къ своему производству, то это было только потому, что законъ казался неяснымъ и что крестьяне убѣдительно просили не отказывать въ разборѣ ихъ дѣлъ.

должности судей по общимъ судебнымъ учрежденіямъ и лицъ прокурорскаго при нихъ надзора, и дѣятельность этихъ новыхъ слугъ правосудія, высоко поставили, въ глазахъ народа, новое судопроизводство, и вызвали со всѣхъ сторонъ, самые лучшіе о немъ отзывы. Рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ и въ особености уголовнаго, отличались строгою законностью и глубоко-юридическими, вполнѣ умѣстными соображеніями, и окончательно утверждали превосходство новаго суда надъ старымъ. Присяжные засѣдатели, добросовѣстнымъ исполненіемъ своего тяжкаго долга и смышленностью своихъ отвѣтовъ, превзошли ожиданія даже горячихъ цѣнителей народа и смутили тѣхъ, которые относились къ нему свысока, съ піедестала своей европейской цивилизаціи. Къ общему удивленію, и обвинительная власть и защита обвиняемыхъ и ходатайство по гражданскимъ дѣлямъ, явились съ достаточнымъ запасомъ знанія и съ даромъ слова, какъ будто уже практикою изощреннымъ. Такимъ образомъ оказалось, что не было недостатка въ людяхъ и даже въ надлежащей ихъ подготовкѣ къ исполненію важныхъ обязанностей суда, прокурорскаго надзора, защиты обвиняемыхъ и веденія гражданскихъ дѣлъ.

Такъ пошло въ началѣ многотрудное дѣло судебной реформы; а потому слѣдовало ожидать что, съ теченіемъ времени, оно пойдетъ еще лучше. Но, къ великому прискорбію людей, искрено и глубоко преданныхъ своему отечеству и Государю, на дѣлѣ оказалось иначе. Самое коренное основаніе правосудія — самостоятельность судей, незамедлило быть

потрясеннымъ. Членовъ окружныхъ судовъ, палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената, стали безпрестанно повышать въ должностяхъ и щедро награждать чинами и орденами, строго придерживаясь только одного правила: выдвигать людей угодливыхъ, неупрямыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ и нерабовъ своей совѣсти. Въ статьяхъ Учрежденія судебныхъ установленій ясно и положительно обозначены условія, съ соблюденіемъ которыхъ должны быть опредѣляемы лица на судебныя должности; но сперва робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе стали нарушать эти статьи, руководствуясь, при этомъ тѣми соображеніями и правилими, которыя, какъ мы видѣли выше, вошли, въ нашей администраціи, въ прискорбный обычай. Горе людямъ самостоятельнымъ, повѣрившимъ словамъ высочайшаго указа и судебныхъ уставовъ, и вслѣдствіе того рѣшившимся поступить на службу по судебному вѣдомству! Они не нашли тутъ возможности оставаться вполнѣ людьми, т. е. сохранять свою самостоятельность и дѣйствовать по требованіямъ своей совѣсти. Иные изъ нихъ уже ушли, а другіе хотя еще и возсѣдаютъ на своихъ судейскихъ креслахъ, но видятъ необходимость убираться по добру по здорову. Большинство голосовъ уже не на ихъ сторонѣ. Въ послѣднее время, стали совершаться событія невѣроятныя: люди, едва поступившіе на службу назначаются членами окружныхъ судовъ; лица вовсе не бывшія членами окружныхъ судовъ или прокурорами при нихъ, прямо опредѣляются членами палатъ; вице-директоръ департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ

дѣлъ и членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, назначается старшимъ предсѣдателемъ Одесской судебной палаты! Оберъ-прокуроръ кассаціоннаго департамента сената возводится въ сенаторы, т. е. въ высшіе судьи, съ оставленіемъ на немъ исправленія прокурорскихъ обязаностей!

Въ отношеніи судебныхъ слѣдователей принята система еще болѣе удобная: собственно судебныхъ слѣдователей во всей имперіи уже почти нѣтъ. Судебный слѣдователь, котораго самостоятельность, до извѣстной степени, была ограждена закономъ, является, въ глазахъ министерства юстиціи, агентомъ не вполнѣ пригоднымъ; а потому оно приняло за правило замѣнять такое неудобосмѣняемое должностное лицо такимъ, которое, во всякое время и за всякую вину, можетъ быть устраняемо. Вслѣдствіе этого, у насъ почти всѣ судебные слѣдователи замѣнены исправляющими ихъ должность. — Въ оправданіе этого вновь принятаго правила говорятъ что, при опредѣленіи молодыхъ людей на должность слѣдователей, легко ошибиться; что, по утвержденіи ихъ въ этомъ званіи, приходилось бы или терпѣть на службѣ нерадивыхъ или малоспособныхъ слѣдователей или отдавать ихъ судъ, и что первое противно пользамъ службы а послѣднее весьма тяжело. На это должно замѣтить, что законъ, желая оградить самостоятельность судебныхъ слѣдователей, имѣетъ цѣль благую; что необходимость такого огражденія признана вездѣ, гдѣ дорожатъ правосудіемъ; что всякій честный человѣкъ, а судебный слѣдователь долженъ быть таковымъ, всегда предпочтетъ быть отданнымъ за свою вину подъ судъ, чѣмъ по-

стоянно находиться подъ дѣйствіемъ начальничьяго самоволія; что усиленіе административнаго произвола, ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ, не считается средствомъ къ улучшенію слѣдственной части, составляющей важную часть судебнаго производства; и что потому нѣтъ надобности министерству юстиціи, въ этомъ отношеніи, быть мудрѣе закона и мнѣнія просвѣщеннѣйшихъ странъ и болѣе любить своихъ подчиненныхъ, чѣмъ они сами себя любятъ. Еще можно, пожалуй, допустить временное исправленіе должности судебнаго слѣдователя лицомъ, вновь опредѣленнымъ на службу; но это время никакъ не должно простираться за предѣлы одного года, а у насъ имѣются теперь исправляющіе эту должность, которые по нѣскольку лѣтъ ждали своего утвержденія а теперь уже отчаиваются когда либо его получить.

Случилось мнѣ отправляться по желѣзной дорогѣ, изъ одного губернскаго города, почти ночью — въ 4-мъ часу утра. Пріѣзжаю на станцію и что вижу на платформѣ? Окружный судъ, въ полномъ составѣ, въ мундирахъ, въ полной парадной формѣ, разхаживаетъ взадъ и впередъ по платформѣ, въ ожиданіи министра юстиціи, проѣзжающаго чрезъ этотъ городъ и слѣдующаго въ другой, болѣе отдаленный городъ. Я думалъ что министръ будетъ пораженъ такою встрѣчею по крайней мѣрѣ не менѣе насъ, постороннихъ зрителей, и что онъ сдѣлаетъ членамъ суда строгое замѣчаніе на счетъ неприличія подобнаго оффиціальнаго дѣйствія суда. Но я не замедлилъ удостовѣриться въ ошибочности моего взгляда на вещи: министръ очень привѣтливо

отнесся къ лицамъ его встрѣчавшимъ и счелъ такую встрѣчу какъ дѣйствіе, въ порядкѣ вещей совершенное. Впослѣдствіи я узналъ, что подобныя доказательства благонадежности лицъ, служащихъ по судебному вѣдомству, если и не требуются, то принимаются весьма охотно; что непредставленіе такихъ доказательствъ весьма замѣчается; и что оно имѣетъ самыя невыгодныя послѣдствія для лицъ, дозволяющихъ себѣ такія выходки независимости.

Ну, скажите, есть ли возможность для человѣка самостоятельнаго, себя и свою должность уважающаго, находиться на государственной службѣ, когда на томъ поприщѣ, которое пользуется правомъ несмѣняемости, и на которомъ самостоятельность всюду и всѣми признана за самое необходимое условіе надлежащаго отправленія на немъ должностей, служба обставлена подобными требованіями на угодливость и низкопоклонность? Есть ли возможность чтобы народъ относился съ должнымъ уваженіемъ къ такому учрежденію, которое само не сознаетъ своего достоинства, позволяетъ себѣ, такъ сказать, уничтожаться передъ начальствомъ, и которое за это получаетъ отъ него не упреки, не замѣчанія, а повышенія и награды?

Мы думали, мы чаяли что судебная реформа произведетъ коренный переворотъ въ нашемъ бытѣ, разовьетъ въ насъ чувство законности и понятія объ ней, сократитъ постепенно нашу наклонность къ произволу и наше къ нему пристрастіе, положитъ иныя основы для нашей домашней и гражданской дѣятельностти, и, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, утвердитъ въ народѣ „то уваженіе

къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе". Такими надеждами мы льстили себя; такъ въ началѣ дѣло было и пошло; но не такъ оно продолжалось и не такъ вышло. Зоркіе и ревностные стражи и блюстители бюрократическаго самодержавія не замедлили усмотрѣть что, съ самостоятельностью правосудія, ихъ власть значительно сократится, пожалуй, можетъ даже уничтожиться, и что потому не слѣдуетъ упускать времени для отвращенія грозящей бѣды. Они сперва не рѣшились дѣйствовать открыто противъ обнародованныхъ Уставовъ, которые не потерпѣли крушенія, при самомъ началѣ, т. е. при разсмотрѣніи ихъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи, вѣроятно только потому, что ихъ объемъ, сложность и дѣльность устрашили нашихъ государственныхъ людей и не были ими надлежащимъ образомъ оцѣнены; а потому они стали подводить, подъ эти уставы, разные болѣе или менѣе потаенные подкопы и пуще всего направили свои усилія на отмѣну или, по крайней мѣрѣ, на потрясеніе несмѣняемости и самостоятельности судей. Для этаго преимущественно были употреблены награды, повышенія и другія отличія, съ тщательнымъ обходомъ тѣхъ членовъ суда, которые смотрѣли на уставы какъ на дѣло серіозное (заправское) и упорствовали въ своихъ непрактическихъ убѣжденіяхъ. Вслѣдствіе этого, составъ судей сталъ мало по малу измѣняться, и лучшіе люди стали изъ него удаляться; а тѣ изъ нихъ, которые по необходимости остались на своихъ мѣстахъ, упали духомъ и, уже безъ вѣры въ дѣло, продолжаютъ трудиться. Большинство же судей

хорошо поняло требованія начальства и собственныя выгоды, стало заниматься дѣломъ, такъ сказать, по казенному, т. е. очищая номера, и заботясь пуще всего о томъ, чтобы заслужить одобреніе начальства. Находя за симъ много времени у себя въ остаткѣ и увлекаясь общимъ недугомъ спекуляціи, нѣкоторые члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ приняли на себя обязанности членовъ правленія по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ и банкамъ. Такое положеніе не замедлило обнаружиться въ разныхъ явленіяхъ: уваженіе къ судебному институту поколебалось и народъ сталъ говорить, что суды, вопреки воли и обѣщеніямъ Государя, возвратились на протертый путь прежней практики. Само министерство, кажется, замѣтило что судебныя мѣста уже не такъ высоко цѣнятся какъ въ началѣ, и что составъ судей видимо ухудшается; а потому оно вошло, какъ слышно, съ представленіемъ объ увеличеніи жалованій какъ судьямъ такъ и лицамъ прокурорскаго надзора. Но развѣ однимъ увеличеннымъ жалованіемъ можно привлекать на службу и на ней удерживать людей добросовѣстныхъ и способныхъ? Конечно важно для каждаго человѣка имѣть безнужденныя средства къ существованію своему и своего семейства; но, для добросовѣстнаго человѣка, есть потребность еще болѣе настоятельная — возможность дѣйствовать самостоятельно по указаніямъ своей совѣсти и не лакействовать передъ начальникомъ и лицами, пользующимися его довѣріемъ и милостями. Этого, кажется, не подозрѣваютъ тамъ, гдѣ теперь особенно хлопочутъ объ усиленіи жалованій.

Нетолько лучшіе люди изъ судей, но даже изъ административныхъ чиновноковъ министерства юстиціи — лучшіе прокуроры и ихъ товарищи, одинъ за другимъ, начали покидать свои мѣста, предпочитая самостоятельную и независимую дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ, обязаностямъ прокурорскаго надзора, съ которыми все болѣе и болѣе соединяется необходимость угодливости начальству и зависимости отъ его, часто довольно странно проявляющейся воли. Къ крайнему удивленію и прискорбію многихъ, нынѣшнія лица прокурорkaго надзора принимаютъ на себя ходатейство по гражданскимъ дѣламъ частныхъ лицъ и разныхъ промышленныхъ обществъ. А потому немудрено, что обвинительная власть постепенно слабѣетъ, а защита становится все сильнѣе и сильнѣе. Это замѣчаютъ всѣ, и начинаетъ замѣчать, какъ кажется, и министерство юстиціи; это его смущаетъ и, въ оправданіе свое, оно приводитъ многое, но или само не видитъ или отъ другихъ скрываетъ настоящую причину упадка обвинительной и надзирающей власти, а именно: отсутствіе на службѣ людей способныхъ, самостоятельныхъ и добросовѣстно преданныхъ своему дѣлу; и присутствіе на ней, въ изобиліи, людей „благонадежныхъ“, т. е. готовыхъ исполнять всякую волю начальства, не справляясь съ своею совѣстью, а тѣмъ еще мѣнѣе съ твердыми убѣжденіями, неимѣніе которыхъ и лежитъ въ основѣ ихъ „благонадежности“.

Министерство юстиціи, хлопочущее, какъ говорятъ, о пересмотрѣ Учрежденія судебныхъ установленій, если и не въ цѣломъ его составѣ, то

въ нѣкоторыхъ его частяхъ, и уже достигшее разныхъ законодательныхъ мѣръ къ усиленію дѣйствій прокурорскаго надзора и къ стѣсненію защиты обвиняемыхъ, истцовъ и отвѣтчиковъ въ судахъ, смотритъ, съ спокойствіемъ олимпійскаго Юпитера, какъ два проекта законовъ проходятъ, по установленнымъ мытарствамъ, въ министерствахъ и коммиссіяхъ, и какъ общественное мнѣніе нетерпѣливо ожидаетъ окончанія этихъ дѣлъ, изъ которыхъ одно болѣе пятнадцати и другое болѣе четырехъ или пяти лѣтъ составляютъ насущную потребность народонаселенія. Мы хотимъ говорить объ изданіи обѣщаннаго гипотечнаго устава и о пересмотрѣ нотаріальнаго положенія. Отсутствіе перваго закона задерживаетъ водвореніе у насъ настоящаго кредита и лишаетъ земле-и домовладѣльцевъ возможности пользоваться займами, необходимыми для веденія ихъ хозяйствъ; а вторый законъ, въ нынѣшней своей редакціи, до того стѣснителенъ для продавцевъ и покупщиковъ недвижимостей, и особенно мелкихъ, что онъ какъ будто изданъ въ видахъ задержки перехода собственности изъ рукъ въ руки и для изощренія русскаго ума къ обходу закона. Эти законы требуются общественными а частными и не бюрократическими или личными административными интересами; а потому и не удивительно, что они идутъ раковымъ ходомъ

Неужель и въ отношеніи судебной реформы, будутъ повторять обвиненіе противъ Русскихъ въ томъ, что они горячо хватаются за всякое новое дѣло, но что скоро оно имъ прискучиваетъ и что они бросаютъ его или небрежно къ нему относятся?

Неужель и тутъ виноваты мы а не люди, которые умудряются содѣлывать тщетными слова и обѣщанія Государя? Нѣтъ! вся тяжесть обвиненія и отвѣтственности должна пасть на нихъ, и они конечно не будутъ оправдаиы ни судомъ современнаго общественнаго мнѣнія, ни судомъ исторіи. Тутъ уже безсильны чины, ордена и всякія другія отличія и выгоды.

V.

Наше положеніе

въ финансовомъ отношеніи.

Трудно опредѣлить, въ немногихъ словахъ, свойства и суть нынѣшняго нашего финансоваго положенія: оно до крайности странно. У насъ строятся желѣзныя дороги; учреждаются денежные и поземельные банки; промышленность и торговля развиваются; на биржахъ — довольно сильное и даже слишкомъ сильное движеніе; государственная смѣта является съ уравновѣшеніемъ доходовъ и расходовъ. Все идетъ какъ будто хорошо — идетъ, по видимому, такъ, что намъ не слѣдовало бы ни на что особенно жаловаться и что мы должны бы быть довольными нашимъ финансовымъ положеніемъ и управленіемъ. А между тѣмъ, бѣдность въ народѣ идетъ не на убыль а на прибыль; земледѣліе, уже не задержанное, въ своемъ развитіи, барщиною и прочими условіями крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, не улучшается а скорѣе ухудшается; промышленники и торговцы, хотя и расширяютъ свои обороты, однако весьма немногіе

изъ нихъ увеличиваютъ свои дѣйствительные достатки, а большинство изъ нихъ, торгуя какъ будто въ кредитъ а дѣйствительно на обманъ, часто даже неумышленный, скорѣе разоряется чѣмъ наживается; общества же промышленныя и торговыя (а ихъ теперь не мало) ведутъ свои дѣла, по большой части такъ, что на нихъ жалуются и акціонеры, не получающіе дивидендовъ или получающіе дивиденды весьма малые, и люди, вынужденные быть съ ними въ сношеніяхъ, и что довольными остаются только члены правленій и лица тамъ служащія. Цѣнность нашего рубля не приходитъ въ нормальное положеніе; налоги увеличиваются, а государственные займы, хотя и для постройки желѣзныхъ дорогъ или подъ этимъ предлогомъ, ростутъ постоянно и довольно быстро. Притомъ чувствуется, вездѣ и во всемъ, какое-то общее неможеніе (malaise), изъ котораго иные ищутъ вытти посредствомъ дерзкихъ спекуляцій, но въ которое, по большей части, они возвращаются съ крайнимъ упадкомъ силъ и съ отчаяніемъ въ душѣ. Это неможеніе, почти всѣми ощущаемое, предвѣщаетъ кризисъ неминуемый — страшный, который нетрудно предсказать и на основаніи совершившихся и совершающихся дѣлъ, событій и явленій.

Стóитъ нѣсколько внимательно всмотрѣться въ бытъ крестьянъ, мѣщанъ и вообще людей малоимущихъ, промышляющихъ своимъ физическимъ трудомъ, и нельзя не признать что нужды ихъ возростаютъ съ несравненно большею быстротою, чѣмъ ихъ добывки, и что потому ихъ недостатки

постепенно и непрерывно усиливаются. Цѣны на хлѣбъ, дрова, мясо и прочіе жизненные припасы — утроились, почти учетверились: что̀ прежде стоило рубль на монету или на ассигнаціи, за то теперь приходится платить рубль на серебро. Подати и разнаго рода сборы также значительно возвысились. Къ тому же рабочіе теперь пьютъ вина много болѣе чѣмъ прежде, хотя пьютъ его много менѣе чѣмъ въ Привислянскомъ краѣ, въ Швеціи и Англіи; они привыкаютъ къ пиву и чаю, стараются одѣваться поприличнѣе, уже не довольствуются курными избами и находятъ необходимымъ имѣть дома съ трубами и свѣтлыми окнами. Нельзя ихъ за это порицать; свободный человѣкъ уже не можетъ себя такъ ограничивать какъ то дѣлалъ, по необходимости, человѣкъ крѣпостный; но все это требуетъ денегъ и денегъ немалыхъ; а заработки вообще далеко не такъ возвысились какъ усилились и умножились потребности рабочаго класса. Поденныя, помѣсячныя, годовыя и задѣльныя платы не покрываютъ его нуждъ; хотя эти платы уже такъ высоки, что фабриканты, заводчики и сельскіе хозяева прекращаютъ свои производства, не находя возможнымъ ихъ вести съ барышемъ. Вслѣдствіе этого, рабочіе входятъ въ долги, а на уплату повинностей часто принуждены продавать послѣднюю корову, овцу, даже свой домъ. Винить ли ихъ въ томъ, что они тратятъ болѣе чѣмъ добываютъ? Есть нужды неустранимыя; а есть нужды и такія, которыя могли бы быть или отлагаемы или и вовсе отклоняемы, но эти послѣднія у насъ скорѣе удовлетворяются

чѣмъ первыя, и въ этомъ не мы ли, люди просвѣщенные и болѣе или мѣнѣе достаточные, почти всѣ подаемъ простолюду пагубный примѣръ? Не происходитъ ли такое общее уродливое явленіе отъ причинъ, мало зависящихъ отъ лицъ и истекающихъ изъ существа самаго нашего быта?

Сельское хозяйство — главнѣйшій промыселъ Россіи — доставляетъ конечно болѣе хлѣба чѣмъ оно доставляло лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; но производитъ ли оно столько, не говорю, сколько оно могло бы его производить, но сколько намъ необходимо на удовлетвореніе нашихъ потребностей? Трудно на это отвѣчать утвердительно: неурожаи становятся у насъ явленіемъ все чаще и чаще повторяющимся; и это естественно: мы распахиваемъ луга и лѣса; не оставляемъ въ покоѣ и прежнія похатныя земли; а удобриваемъ ихъ весьма мало; и ведемъ, какъ говорится, хищническую ихъ разработку. А это происходитъ отъ чего? Отъ того, что занимаются воздѣлываніемъ земли преимущественно крестьяне и люди, которыхъ крайность приковываетъ къ деревнѣ; что и тѣ и другіе ведутъ свои хозяйства кое-какъ, по стародавнимъ обычаямъ, не влагая въ первыя необходимаго капитала и не измѣняя послѣднихъ введеніемъ разумныхъ и опытомъ уже утвержденныхъ улучшеній; что новые пріобрѣтатели земель, распродаваемыхъ дворянствомъ, люди большею частью изъ купечесгва, думаютъ только о томъ, какъ бы поскорѣе получать проценты на затраченный при покупкѣ капиталъ, а потому они или отдаютъ свои пашни ежегодно въ наемъ или сами ежегодно собираютъ съ нихъ урожаи, не давая

полямъ отдыха и ихъ вовсе не удобряя; наконецъ отъ того, что люди, которые могли бы всего болѣе содѣйствовать, и дѣломъ и словомъ, къ улучшенію сельскаго хозяйства, отвлечены отъ него занятіями по государственной и общественной службѣ или по разнымъ промышленнымъ и торговымъ обществамъ. А почему, спокойной и здоровой жизни въ деревнѣ и вѣрнымъ хотя и умѣреннымъ сельско-хозяйственнымъ добывкамъ, землевладѣльцы предпочитаютъ жизнь городскую, исполненную суетъ и треволненій, и выручки, иногда огромныя, но очень часто ведущія къ полному разоренію? Почему служба государственная, сопряженная у насъ съ утратою самостоятельности и нравственной свободы, предпочитается дѣятельности частной, независимой, сохраняющей за человѣкомъ возможность дѣйствовать по внушеніямъ своего ума и своей совѣсти? Отъ чего все это происходитъ? Главнѣйше отъ того, что у насъ все какъ-то ненормально: даны намъ земскія учрежденія, обѣщавшія намъ самоуправленіе, а между тѣмъ зависимость ихъ отъ губернаторовъ все болѣе и болѣе усиливается; установленъ судъ, по закону самостоятельный, а на дѣлѣ вполнѣ зависимый отъ министерства юстиціи; лучшіе люди изъ насъ нуждаются, по степени своего развитія, въ нѣкоторой обеспеченности и личной и имущественной, а въ деревняхъ мы безпрестанно подъ дѣйствіемъ произвола исправниковъ, становыхъ, даже сотскихъ; возбуждена въ насъ, европейскою жизнью, потребность въ нѣкоторыхъ удобствахъ, а жизнь въ деревнѣ ихъ почти вовсе не представляетъ; и мы, съ горемъ, съ отчаяніемъ

въ душѣ, мечемся куда попало, имѣя въ виду только сегоднишній день и ни мало не думая о завтрашнемъ, или убитые существующею обстановкою, впадаемъ въ полное ко всему равнодушіе, миримся со всемъ насъ окружающимъ и безразлично отдаемъ себя тому, другому или третьему роду жизни, обѣщающему намъ безнужденный и удобный прожитокъ. Коренная же причина этаго нашего бѣдственнаго положенія заключается въ томъ, что у насъ все неправильно, противуестественно, раздвоенно; что правительство стоитъ на Руси какъ-то особнякомъ и мы смотримъ на него какъ на нѣчто чуждое, вовсе съ нами не единое; что оно составлено изъ людей, вѣкующихъ на службѣ, постоянно живущихъ въ отдаленной столицѣ, утратившихъ всякія связи съ различными мѣстностями страны, и смотрящихъ на насъ, частныхъ людей, какъ на стадо овецъ или коровъ, которыхъ можно и должно стричь или доить, но о мнѣніи которыхъ нѣтъ никакой надобности заботиться; что правительство имѣетъ въ виду только имперію а не разнообразныя части, ее составляющія; что даже имперія часто изчезаетъ въ кипахъ бумагъ и въ водоворотѣ личныхъ выгодъ и искательствъ тмы темъ сановниковъ и чиновниковъ; что финансовое управленіе имѣетъ въ виду облагать что̀ подъ руку попадается и извлекать деньги откуда легче и скорѣе, поощряетъ всякого рода спекуляціи и вовсе не заботится о развитіи дѣйствительныхъ богатствъ Россіи, на что̀ нужно и больше времени и болѣе тщательное изученіе страны, ея мѣстныхъ обстоятельствъ и свойствъ ея жителей. Вообще

у насъ, и въ частномъ и въ общественномъ и въ государственномъ быту, преимущественно строится на песчаной поверхности маловѣденія и легкомыслія, а не на твердомъ материкѣ знанія, труда и заботливости.

Промышленность и торговля у насъ развиваются, но не такъ, какъ бы имъ слѣдовало развиваться, и какъ онѣ развивались и развиваются въ другихъ странахъ. Эти двѣ отрасли человѣческой дѣятельности долго были на Руси почти въ застоѣ; онѣ остаются, во многихъ своихъ видахъ, и по нынѣ въ такомъ же положеніи; но въ нѣкоторыхъ частяхъ — по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, по учрежденію банковъ, по устройству промышленныхъ и торговыхъ обществъ и пр. — мы, быстротою и дерзостью своихъ предпріятій, чуть-чуть не перещеголяли Парижа и даже Вѣны. Безъ гроша въ карманѣ и только съ отвагою въ душѣ и головѣ, мы составляемъ компаніи, стараемся извлечь изъ нихъ что̀ можемъ, и затѣмъ покидаемъ ихъ на произволъ судьбы. Состоятельность и честность въ денежныхъ дѣлахъ у насъ почти не существуютъ и ими мало дорожатъ. Обанкрутиться и разъ и два и десять разъ — считается ни почёмъ; нельзя торговать подъ своимъ именемъ, банкрутъ съ одинакою дерзостью, самоувѣренностью и почётомъ, производитъ огромные обороты подъ именемъ жены, сына, даже посторонняго лица. У насъ менѣе довѣряютъ состоятельности и честности человѣка, чѣмъ его дерзости; громадныя прибыли на словахъ и большіе проценты, впередъ уплаченные, имѣютъ у насъ чарующее дѣйствіе. Вслѣдствіе этого, про-

мышленность и торговля развиваются у насъ не постепенно и не естественно, а скачками и часто вопреки здравому смыслу; отъ того и несостоятельностямъ въ денежномъ мірѣ, конца нѣтъ. А въ будущемъ — въ недалекомъ будущемъ — грозитъ намъ кризисъ — кризисъ не хуже вѣнскаго, по милости котораго тысячи предпріятій лопнули, десятки тысячь семействъ пошли по міру и, во всей австрійской финансовой сферѣ, произошло страшное растройство. А что̀ главною причиною такаго ненормальнаго развитія у насъ и промышленности и торговли? Причина тому не одна, а ихъ много и очень много: и наша прирожденная отвага, и малое развитіе у насъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, и быстрое наше вступленіе въ кругъ европейскихъ спекуляцій и пр. пр.; но наше финансовое управленіе въ этомъ дѣлѣ также далеко не безвинно. Оно, въ своихъ предположеніяхъ и распоряженіяхъ, не руководствовалось никакими постоянными, твердыми, на изученіи мѣстныхъ потребностей основанными правилами; а оно, по большей части, дѣйствовало по внушеніямъ чужихъ, легкомысленно принятыхъ мнѣній и на основаніи свѣденій и соображеній чуждыхъ нашей странѣ. Такъ вдругъ оно вздумало было возстановить цѣнность рубля, но, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, оно убѣдилось что средства его на то недостаточны, и истративши около ста миліоновъ, должно было отказаться отъ предпринятаго дѣла. Такъ, отмѣнивши винные откупа и принявши въ главную основу винной торговли, начало свободы, оно удержало чиновничій надзоръ за крѣпостью продаваемыхъ напитковъ; а

теперь, въ Петербургѣ и Москвѣ, оно даже возстановило откупа и притомъ устроило ихъ въ самомъ странномъ, въ самомъ вредномъ видѣ: питейныя заведенія не могутъ помѣщаться на площадяхъ и большихъ улицахъ, гдѣ и полиція и обыватели могутъ за ними имѣть надзоръ, а эти заведенія должны находиться въ разныхъ захалустьяхъ, куда рѣдко заглядываютъ полиція и порядочные люди, гдѣ пьянство можетъ развиваться на полной свободѣ, и гдѣ грабежи и другія насильства могутъ производиться безъ всякой помѣхи. Такъ Богъ вѣсть сколько разъ измѣнялись способы концессій на желѣзныя дороги, и наконецъ пришли къ такому способу, котораго несостоятельность, до опыта, была очевидна, который доставилъ результаты противуположные имѣвшимся въ виду, и который не можетъ не уронить нашего финансоваго управленія въ глазахъ просвѣщеннаго міра. Такъ министерство финансовъ покровительствовало учрежденію банковъ денежныхъ и поземельныхъ, городскихъ и земскихъ, компанейскихъ и взаимнокредитныхъ; это конечно заслуживаетъ одобрѣнія и похвалы; но бѣда та, что утвержденные уставы этихъ учрежденій мало гарантируютъ публику, что въ этихъ уставахъ имѣются такія статьи, которыя даютъ банковымъ правленіямъ возможность дѣйствовать во вредъ прочному и разумному кредиту и только съ временною пользою для себя, и что гласность не такъ широко и твердо установлена для дѣятельности банковъ, какъ того требуетъ польза банковаго дѣла вообще. Такъ министерство финансовъ менѣе заботится о сокращеніи расходовъ чѣмъ объ увеличеніи доходовъ, скорѣе

соглашается на расходы сверхсмѣтные, даже непроизводительные, чѣмъ на смѣтныя, часто необходимыя затраты и вообще не хозяйственно распоряжается государственными сборами. Такъ Богъ вѣсть для чего оно усилаваетъ размѣнный фондъ, вновь выпуская въ тоже время огромную массу кредитныхъ билетовъ, которыхъ уже и безъ того у насъ излишекъ значительный. Такъ, въ предпринятомъ, совершенно необходимомъ и неотложномъ преобразованіи подушныхъ податей, это министерство дѣйствуетъ болѣе чѣмъ странно: ему слѣдовало бы настаивать на скорѣйшемъ окончаніи этого дѣла, а оно довольствуется печатаніемъ трудовъ податной коммиссіи и какъ будто преднамѣренно замедляетъ ходъ этого преобразованія. Однимъ словомъ, наше финансовое управленіе распоряжается, въ важнѣйшихъ дѣлахъ своего вѣденія, словно ощупью, а не съ надлежащимъ сознаніемъ и постоянствомъ; оно болѣе поощряетъ блестящія спекуляціи, чѣмъ мелкія но прочныя предпріятія; и тѣмъ пагубно дѣйствуетъ на развитіе нашей промышленности и торговли.

Вообще наше государственное хозяйство еще сохранило много сходства съ прежними нашими помѣщичьими хозяйствами. Дворня была у насъ огромная; тунеядцовъ — тьма тьмущая; на балы, обѣды, экипажи, дамскіе наряды и другіе пустые расходы, тратили мы много денегъ; если у насъ ихъ недоставало, то мы писали къ управляющему, прикащику или бурмистру о томъ, чтобы продать что-либо или впередъ собрать оброкъ съ крестьянъ; если этотъ источникъ изсякалъ, то мы беззастѣнчиво

выдавали заемныя письма и расходовали эти деньги также легкомысленно какъ бы онѣ составляли свободные остатки отъ годовыхъ нашихъ доходовъ; но на улучшенія по хозяйству, на умноженіе скотоводства, на покупки машинъ и орудій и пр., у насъ никогда не было денегъ; эти расходы мы всегда откладывали до иныхъ, болѣе благопріятныхъ временъ, которыя почти никогда не наступали. Такимъ образомъ мы сводили кое-какъ концы съ концами и слыли людьми достаточными, даже богатыми. Никто насъ не учитывалъ; ни передъ кѣмъ мы не были отвѣтственны; однимъ словомъ мы жили спустя рукава полными барами. — Къ общему и крайнему прискорбію всѣхъ искренно и глубоко преданныхъ своему Государю, столь много уже сдѣлавшему на пользу и славу нашего отечества, и одушевленному постояннымъ и горячимъ желаніемъ содѣйствовать къ его благоденствію, — наше государственное хозяйство идетъ почти такъ, какъ прежде шли наши дворянскія хозяйства. Чиновникамъ и сановникамъ разнаго рода и званія, какъ звѣздамъ на небѣ, и числа нѣтъ; оклады имъ, по большей части, хотя и умѣренные, однако со включеніемъ въ счетъ разныхъ добавочныхъ и чрезвычайныхъ назначеній, они становятся и весьма значительными и крайне тяжелыми для народа; прямые налоги, правда, мало и медленно увеличиваются, но за то косвенные сборы растутъ не по днямъ а по часамъ; при недостаткѣ обыкновенныхъ доходовъ, наше финансовое управленіе не затрудняется обложеніемъ будущихъ поколеній, т. е. заключаетъ займы, несмотря на то, что мы нахо-

димся въ мирѣ со всемъ міромъ, и что мы тратимъ на улучшеніе путей сообщенія не болѣе того, что и впослѣдствіи будетъ и должно тратиться ежегодно на разные производительные расходы. Однимъ словомъ, бережливость и хозяйственность не составляютъ отличительныхъ свойствъ нашего финансоваго управленія. — Правда теперь обнародываются и смѣты государственнымъ доходамъ и расходамъ, и отчетъ государственнаго контроля, за чтó мы обязаны великою благодарностью нашему Государю; но пользы отъ того мало. Намѣренія Его — прекрасны; въ этомъ никто не сомнѣвается; но исполненіе ихъ, по милости бюрократіи, таково, что эти благія предначертанія остаются тщетными. Смѣты составляются каждымъ министерствомъ особо, не въ смыслѣ общаго государственнаго хозяйства, а какъ будто каждое министерство было совершенно отдѣльною единицею (status in statu); эти смѣты сообщаются въ министерство финансовъ и государственный контроль, которые пишутъ на нихъ свои замѣчанія; затѣмъ все вносится въ департаментъ государственной экономіи, гдѣ засѣдаютъ два моряка, одинъ инженеръ, одинъ военный и двое гражданскихъ сановниковъ; ни одинъ изъ нихъ никогда не занимался финансовымъ дѣломъ. Въ завершеніе всего, общая государственная смѣта вносится въ общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ, въ одно или два засѣданія, все заканчивается и представляется на Высочайшее утвержденіе. При такомъ ходѣ дѣла, можетъ ли быть настоящее разсмотрѣніе государственной росписи? Обнародованіе ея удовлетворяетъ наше любопыт-

ство; но пользы отъ этого мало или почти вовсе никакой. Внимательнаго, обстоятельнаго, собственнымъ интересомъ руководимаго и съ отвѣтственностью сопряженнаго разбора и обсужденія росписи необходимыхъ расходовъ и доходовъ — у насъ нѣтъ, и, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не можетъ и быть. — Что касается до дѣйствій государственнаго контроля, то, въ началѣ, т. е. при бытности покойнаго Татаринова государственнымъ контролеромъ, дѣло было пошло какъ слѣдовало — повѣряли не одни цифры, но и самые расходы и приходы, по ихъ сущности; но послѣ кончины этого истинно полезнаго государственнаго дѣятеля, контроль превратился въ учрежденіе pro forma.

Въ прежнія времена, завѣдывать финансами какъ и всякой другою частью государственнаго управленія — было нетрудно: дѣла были несложныя; крѣпостная зависимость сковывала всѣхъ и все; даже сомнѣніе въ ея законности и мысль объ ея отмѣнѣ считались проступками и подвергали отвѣтственности тѣхъ, которые ихъ себѣ дозволяли. Подъ сѣнью общаго молчанія и всякого рода злоупотребленій, которыми каждый старался пользоваться сколько могъ, дѣла шли, такъ сказать, сами собою; оставалось только ихъ не задерживать и не измѣнять ихъ хода, внесеніемъ въ него какихъ либо реформаторскихъ затей. Помѣщикамъ, чиновнакамъ и въ особенности сановникамъ — житье было привольное; а о крестьянахъ, мѣщанахъ и другихъ подлыхъ людяхъ — кто же думалъ? Тогда къ администраціи почти никто не предъявлялъ никакихъ требованій; а если какія либо просьбы и жалобы

подавались, то старались по нимъ удовлетворять на основании любимаго русскаго правила: „грѣхъ пополамъ“. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Дѣла вообще чрезвычайно усложнились, запутались, и приняли совсемъ иный оборотъ; финансовыя же дѣла въ особенности, какъ для людей самыя близкія и самыя чувствительныя и по существу своему самыя разнообразныя, подверглись особенно значительному измѣненію. Кредитъ, громадныя спекуляціи, сближеніе не только людей но и народовъ между собою, вздорожаніе почти всего, требованіе уравнительности при обложеніи податями, и пр. пр. — вотъ предметы, на которые прежде финансовыя управленія почти не обращали вниманія, и которые теперь требуютъ, съ ихъ стороны, самаго обстоятельнаго изученія и самой бдительной заботливости. Теперь каждый вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ, обсужденъ и рѣшенъ не односторонне — въ видахъ пользы казны, а и съ соблюденіемъ интересовъ частныхъ лицъ. Теперь люди не расположены молчать и все переносить въ видѣ насланій свыше; но они требуютъ отъ правителей не только мудраго распорядка государственными дѣлами, но и такого распорядка, который соотвѣтствовалъ бы общимъ желаніямъ народа. Кто же теперь, на говорю одинъ, но и окруженный сотнями совѣтниковъ и помощниковъ, поставленныхъ, какъ и онъ самъ, въ одностороннее положеніе распорядителей, не испытующихъ на себѣ дѣйствія этихъ распорядковъ, въ состояніи вести общія финансовыя дѣла съ успѣхомъ и съ обращеніемъ надлежащаго вниманія на потребности страны и ея много-

численныхъ и разнообразныхъ жителей? Теперь дѣла вообще такъ устроились, что нѣтъ возможности не только ими руководить, но даже ихъ настоящимъ образомъ понимать безъ помощи и содѣйствія людей, прямо въ нихъ заинтересованныхъ. Теперь участіе страны въ производствѣ ея общихъ дѣлъ, чрезъ избранныхъ ею представителей, стало совершенно настоятельною необходимостью: и недобросовѣстно поступаютъ тѣ, которые взваливаютъ на себя и на чиновниковъ, ими же назначаемыхъ, веденіе общихъ дѣлъ, безъ содѣйствія самаго общества.

Наше министерство финансовъ, кажется, сознаетъ эту потребность — эту необходимость. По крайней мѣрѣ оно не поставляетъ никакихъ препятствій къ обсужденію въ печати различныхъ финансовыхъ вопросовъ; и надо отдать ему справедливость что, изъ всѣхъ министерствъ, оно одно не возбудило никакихъ судебныхъ и административныхъ дѣлъ противъ печати за обсужденіе и даже за порицаніе мѣръ, имъ принятыхъ. Не думаемъ чтобы это снисхожденіе къ печати имѣло источникомъ равнодушіе или малое уваженіе къ ея словамъ; но полагаемъ что человѣкъ, поставленный во главѣ финансоваго управленія, самъ видитъ пользу общественнаго обсужденія финансовыхъ мѣропріятій, и что только у него не достаетъ мужества прямо посмотрѣть въ глаза предстоящимъ намъ трудностямъ и опасностямъ, объяснить настоящее положеніе дѣлъ, и доказать что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, при крайне критическомъ состояніи частныхъ, общественныхъ и государственныхъ

финансовыхъ дѣлъ, одностороннее бюрократическое ихъ веденіе не соотвѣтствуетъ болѣе потребностямъ нашего времени и нашей страны; что, съ отмѣною крѣпостной зависимости людей отъ ихъ владѣльцевъ, неминуемо раскрѣпощеніе ихъ и въ другихъ отношеніяхъ; что содѣйствіе всего общества къ высвобожденію изъ пучины, въ которой мы обрѣтаемся, совершенно необходимо; что тягости, налагаемыя теперь на гражданъ могутъ быть переносимы только при собственномъ убѣжденіи въ ихъ неизбѣжности; что умъ и совѣты всей интелигенціи страны непремѣнно должны быть вызваны; и что гласность дѣйствительная а не оффиціальная и не оффиціозная, которой плохо вѣрятъ, имѣетъ быть положена въ основу веденія нашего государственнаго хозяйства.

Дай Богъ чтобы скорѣе вникли въ настоящее положеніе нашихъ финансовыхъ дѣлъ и чтобы приняты были надлежащія мѣры къ ихъ устройству прежде, чѣмъ грустныя событія откроютъ ту бездну, на обманчивой поверхности которой мы теперь беззаботно дремлемъ.

VI.

Наше положеніе

въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

Мы уже видѣли что тяжело, бѣдственно наше положеніе въ отношеніяхъ: общественно-гражданскомъ, въ административномъ, въ судебномъ и въ финансовомъ но не легко наше положеніе и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, а именню: по воспитанію дѣтей и по принадлежности нашей къ церкви — отношеніяхъ весьма существенныхъ и для насъ особенно чувствительныхъ.

Учебное дѣло является преимущественно въ трехъ видахъ: въ первоначальныхъ школахъ, въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ первоначальныхъ школахъ образованіе идетъ у насъ и слабо и малоуспѣшно; но, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не было ему дано никакого ложнаго, вреднаго направленія, и оно не сдвинуто съ естественной своей почвы. Издано было въ 1864 году, Положеніе объ этихъ школахъ; попеченіе объ нихъ было возложено на городскія и сельскія общества и на земство вообще: правительство же удерживало за собою только то, что́

слѣдовало и что̀ необходимо было ему удержать — а именно: надзоръ за этими училищами. Хотя Положеніе о народныхъ школахъ составлено было и весьма немудро и неполно; хотя составъ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ оказывался весьма неудовлетво̀рительнымъ; хотя земство, въ первые годы своей дѣятельности, весьма слабо занималось учебнымъ дѣломъ; однако оно подвигалось конечно не быстро и не блестяще, но за то естественно и правильно: крестьяне перестали противиться учрежденію школъ и даже начали сами изъявлять готовность жертвовать, облагать себя сборомъ въ пользу училищъ*); а городскія общества учреждаютъ у себя не только первоначальныя, но даже и реальныя школы; въ земскихъ же собраніяхъ, вопросъ о народномъ образованіи, въ послѣдніе годы, выдвинулся на первую очередь. Нѣкоторые гласные и даже нѣкоторыя земскія собранія, быть можетъ, и скрѣпя сердце, содѣйствуютъ къ устройству и поддержанію школъ; но тѣмъ не менѣе и они под-

*) Школы, насильственно учрежденныя въ казенныхъ селеніяхъ стараніями министерства государственныхъ имуществъ, послужили не на пользу просвѣщенія а ему во вредъ: гораздо легче убѣдить, на открытіе школъ, селенія помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ не было школъ, чѣмъ селенія казенныя, гдѣ таковыя прежде существовали. Какъ только эти селенія вышли изъ подъ опеки администраціи, то однимъ изъ первыхъ ихъ дѣйствій было — закрытіе школъ, у нихъ существовавшихъ; и только теперь, по истеченіи почти десяти лѣтъ, они начинаютъ подаваться на возстановленіе училищъ. Всякія навязанныя благодѣянія не подвигаютъ дѣла впередъ; напротихъ того, они его задерживаютъ и роняютъ. Въ этомъ, къ сожалѣнію, недостаточно убѣждены не только гг. чиновники, но и многіе частные люди; а между тѣмъ, это — истина непреложная.

дались общему настроенію и стали заботиться о распространеніи грамотности въ народѣ. Даже пробудились долго дремавшіе уѣздные училищные совѣты; и мертвенность осталась удѣломъ только губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, гдѣ предсѣдательствовалъ архіерей и былъ вице-президентомъ губернаторъ. Эти послѣдніе совѣты ни чѣмъ оживлены быть не могли и требовали кореннаго преобразованія. Еслибы правительство ограничилось, въ настоящее время, измѣненіемъ состава этихъ совѣтовъ и увеличеніемъ числа помощниковъ губернскихъ инспекторовъ, со вмѣненіемъ имъ въ обязанность участвовать въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ; и еслибы оставленъ былъ за земствомъ полный просторъ для его, въ этомъ отношеніи, дѣятельности; то дѣло народнаго образованія въ первоначальныхъ школахъ пошло бы успѣшно, правильно и безъ отягощенія государственной росписи безполезными расходами. Но теперь дѣло должно, кажется, остановиться или принять ложное направленіе. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 25 декабря 1873 года, на имя министра народнаго просвѣщенія, дворянство призывается стать на стражу по наблюденію за первоначальными школыми, и тѣмъ самымъ дѣлается косвенный, но весьма ясный укоръ земству въ томъ, что оно не умѣло или не хотѣло надлежащимъ образомъ заняться этимъ дѣломъ. Положеніе о начальныхъ народныхъ школахъ, утвержденное 25 мая сего года, осуществляетъ эти предположенія. Уѣздные предводители дворянства призываются быть предсѣда-

телями уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а губернскіе предводители — предсѣдателями губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. На эти преобразованныя учрежденія возлагается обязаность изысканія и обсужденія способовъ для открытія новыхъ народныхъ школъ и для улучшенія существующихъ училищъ. Желательно знать, какъ эти совѣты приступятъ къ исполненію возложенной на нихъ задачи, и откуда они возьмутъ деньги на устройство и поддержаніе школъ? Едва ли земства, почти устраненныя отъ обязаности попеченія о нихъ, будутъ ассигновывать суммы на этотъ предметъ. До сихъ поръ уѣздные училищные совѣты состояли почти исключительно изъ гласныхъ земскаго собранія; ибо почти всѣ попечители первоначальныхъ школъ были гласными и представлялись уѣздными совѣтами въ члены оныхъ, утверждались въ этомъ званіи губернскимъ совѣтомъ и пользовались въ засѣданіяхъ уѣздныхъ совѣтовъ полнымъ голосомъ. А предсѣдателями этихъ учрежденій избирались ими самими лица, особенно заботившіяся о народномъ образованіи въ уѣздѣ и имѣвшія въ уѣздномъ собраніи особенно вѣскій голосъ. Такимъ образомъ уѣздный училищный совѣтъ былъ такъ сказать отдѣломъ земскаго собранія, составленнымъ изъ лучшихъ и самыхъ просвѣщенныхъ людей; и потому земства довѣряли училищнымъ совѣтамъ, въ полное ихъ распоряженіе, деньги ассигнуемыя на школы, обязывая ихъ только представленіемъ отчета въ употребленныхъ суммахъ; а совѣты распоряжались ими почти неограниченно, имѣя въ виду только пользу дѣла. Едва ли земства будутъ имѣть къ

преобразованнымъ училищнымъ совѣтамъ такое неограниченное довѣріе; едва ли и казна будетъ имъ отпускать деньги въ потребномъ количествѣ и притомъ безъ предварительнаго, точно опредѣленнаго ихъ употребленія. А между тѣмъ, нужды сельскихъ школъ весьма различны и заранѣе трудно ихъ опредѣлить: нужно помочь тутъ въ постройкѣ или передѣлкѣ школы, тамъ въ содержаніи учителя или въ снабженіи школъ учебными пособіями; въ иномъ случаѣ достаточно дать 30 а въ другомъ, необходимо дать и 200 и 300 рублей. Вѣрное опредѣленіе какъ рода такъ и количества необходимыхъ для школъ пособій, доступно только людямъ земскимъ, и притомъ не за годъ или за полгода впередъ, а тотчасъ, при востребованіи обстоятельствъ. Дорогà помощь — во время; съ толкомъ данный рубль полезнѣе десяти, данныхъ не кстати. — Да и самое наблюденіе за школами кѣмъ можетъ быть производимо лучше, какъ не мѣстными земскими людьми? Инспекторы отъ правительства, люди въ педагогическомъ смыслѣ образованные, полезны и необходимы; въ надзорѣ такого рода повсѣмѣстно ощущался недостатокъ и чувствовалась потребность. А потому дѣятельность этихъ чиновниковъ слѣдовало ограничить надзоромъ, а не поручать имъ полнаго завѣдованія учебною частью въ школахъ, какъ то сдѣлано ст. 20-ю новаго Положенія; кто же теперь изъ попечителей или изъ членовъ училищнаго совѣта приметъ на себя завѣдованіе одною хозяйственною частью школъ? Развѣ кто либо изъ медалей или крестиковъ? Но такіе попечители едва ли желательны. Правительство, по-

ручая директорамъ и инспекторамъ завѣдываніе учебною частью въ школахъ, а не одинъ за нею надзоръ, взвалило на себя тяжкую обязаность и страшную отвѣтственность. Число школъ въ губерніи теперь простирается отъ 300 до 500; оно должно удвоиться, утроиться, удесятериться; какъ же оно исполнитъ эту обязаность? Какъ оно будетъ наблюдать за дѣятельностью своихъ агентовъ по всему громадному пространству имперіи? — Новымъ Положеніемъ наблюденіе за школами, въ нравственномъ отношеніи, возложено на дворянство; но развѣ оно не составляетъ части земства, и притомъ части самой существенной и по числу и по своему вліянію въ земскихъ собраніяхъ? Развѣ въ училищныхъ совѣтахъ до сихъ поръ не засѣдали и не предсѣдательствовали почти исключительно дворяне? Кому же теперь передается наблюденіе за школами и веденіе школьнаго дѣла? Разумѣется тѣмъ же дворянамъ, но дворянамъ въ обезсиленномъ видѣ, т. е. не какъ гласнымъ земства, а имъ, какъ членамъ такого сословія, которое у насъ никогда сильно не было и которое теперь почти перестало существовать. По преимуществу наблюденіе за первоначальнымъ народнымъ образованіемъ поручается уѣзднымъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, которые конечно, по большей части, люди хорошіе, но они избираются для особенныхъ сословныхъ обязяностей, а вовсе не съ цѣлью слѣдить за школами и заботиться объ ихъ преуспѣяніи. Довольно плохо они исполняютъ свои обязаности, руководителей земскихъ собраній; надо полагать что они еще мѣнѣе будутъ соотвѣт-

ствовать той новой задачѣ, которая на нихъ возложена. Одна статья (41-ая) новаго Положенія просто забавна: въ Петербургѣ думаютъ, что найдутся дворяне, которые согласятся быть помощниками предводителей по школьному дѣлу, безъ права дѣлать какія либо распоряженія по школамъ и только съ правомъ почтительно сообщать предводителямъ свои замѣчанія и предположенія. Мы съ трудомъ и не малымъ, отъискиваемъ лица, соглашающіяся быть предводителями дворянства; кто же пойдетъ къ нимъ въ помощники такого рода?

А для чего въ новомъ Положеніи произведено такое измѣненіе — т. е. для чего дворянство выдвинуто впередъ земства? — Конечно не изъ любви къ народному образованію, ибо слишкомъ ясно что дворянство тутъ ничего сдѣлать не можетъ. Въ дѣлѣ умноженія и улучшенія школъ великую силу имѣютъ — деньги. Дворянство само ихъ не дастъ; земство теперь будетъ еще скупѣе; а казна едва ли въ состояніи покрывать всѣ расходы по первоначальнымъ школамъ. Слѣдовательно чѣмъ же дворянство будетъ двигать впередъ народное образованіе? Какъ будетъ оно и наблюдать за школами? Да гдѣ дворяе — не члены земства или не дорожащіе своею къ нему принадлежностью? Такіе дворяне конечно имѣются, но едва ли они будутъ полезны въ дѣлѣ народнаго образованія*). Пе-

---

*) Я знаю дворянъ, которые, въ первое трехлѣтіе, были избраны гласными, но они этимъ обидились и сказали: „съ чего взяли что мы согласимся сидѣть рядомъ съ мужиками; они глупы и дики, и отъ нихъ сильно воняетъ.“ А на счетъ народнаго образованія, они изъясняются: „Мужикамъ нужны не школы а розги, не учителя а фельдфебели и вахмистры, которые бы ихъ хоро-

редача дворянству надзора за школами, въ укоръ земству, предположена и произведена ни по чему другому, какъ по ненависти къ земству и по приверженности къ позаимствованной у запада мысли о дворянствѣ. Къ прискорбію людей, истинно любящихъ свое отечество, эти два чувства преобладаютъ теперь въ высшихъ слояхъ администраціи, и тамъ думаютъ, что необходимо по возможности ограничивать и ослаблять земство, и усиливать — возвеличивать дворянство. Но развѣ возложеніемъ обязанностей можно достигнуть послѣдняго? Обязаности безъ дѣйствительныхъ правъ, а сіи послѣднія безъ внутренней силы лица, ихъ пріемлющаго — пустыя слова. Права и средства — признаются и утвержаются, когда они дѣйствительно существуютъ; но создавать ихъ — вызывать ихъ къ жизни вопреки естественному ходу вещей — не во власти человѣческой. Дворяне могутъ и должны быть, въ земствѣ, самыми могущественными его членами; и просвѣщеніе и достатки обезпечиваютъ имъ такое положеніе; но въ дворянствѣ, какъ сословіи, они никакой силы имѣть не могутъ, потому что безъ почвы ничего произростать не можетъ, а какая же почва подъ дворянствомъ? Прежде оно такую имѣло во владѣніи крѣпостными людьми; съ отмѣною этого права, дворянство едѣлалось учрежденіемъ безпочвеннымъ и потому осужденнымъ на упраздненіе. Теперь ничѣмъ его оживить нельзя, и

шенько пробирали. Лучшіе дворяне вошли въ составъ земства и съ нимъ слились; неужель на поддонки этого сословія Правительство разсчитываетъ для надзора за школами и для улучшенія ихъ въ нравственномъ отношеніи?

оно должно, не упуская времени, слиться съ земствомъ и стать во главѣ его. Если нѣкоторые предводители дворянства имѣютъ, въ земскихъ собраніяхъ, силу и вліяніе, то это на столько, на сколько они умѣютъ уничтожать въ себѣ принадлежность къ отдѣльному сословію и проникаться интересами и воззрѣніями общими земству.

Грустно, что дѣло народнаго образованія въ первоначальныхъ школахъ, которое было двинулось впередъ и стало предметомъ особенной заботливости земства и городовъ, осуждено вновь на застой, и должно, въ непродолжительномъ времени, снова подвергнуться дѣйствію административной стряпни. Это вновь изданное Положеніе, по своей оригинальности и безплодности, не далеко за собою оставляетъ опытъ недавно произведенной казенной подписки на устройство желѣзныхъ дорогъ. Дай Богъ чтобы скорѣе убѣдились въ несотвятственности мѣры къ заявленной цѣли, и чтобы не замедлили возвратитьси вспять т. е. чтобы поспѣшили вновь передать школьное дѣло земству, которое одно можетъ его вести успѣшно и къ общему благу.

Наши среднія учебныя заведенія находятся въ самомъ грустномъ, почти въ отчаянномъ положеніи. Западное доктринерство, съ помощью бюрократіи, преобразовало ихъ такъ, что они могутъ служить только къ притупленію, а вовсе не къ развитію юношества. Латынь и греческій языкъ такъ поставлены, какъ будто въ нихъ заключается ключь ко всевѣденію и орудіе къ безошибочному мышленію! Заставлять тратить по тринадцати часовъ въ недѣлю на эти два языка и только по три

и по два часа на русскій языкъ и по восьми и девяти часовъ на всѣ прочія науки! Одно слѣпотствующее доктринерство и только безчувственная бюрократія могли рѣшиться на такое жертвоприношеніе! — Латинскій и гречестій языки полезны, необходимы для всякаго желающаго изъ литературы сдѣлать преимущественное занятіе своей жизни. Желательно также чтобы люди образованные вообще были не чужды знанію классической литературы. Но считать изученіе этихъ языковъ единственнымъ или преимущественнымъ способомъ къ изощренію и упорядоченію способности мышленія; видѣть въ знаніи этихъ языковъ и въ знакомствѣ съ подлиниками древнихъ литературъ, непремѣнное условіе къ признанію человѣка общеобразованнымъ, и запирать двери университетовъ тѣмъ, которые не представятъ свидѣтелствъ въ хорошихъ успѣхахъ по этимъ предметамъ — значитъ не понимать настоящаго значенія человѣка вообще и Русскаго въ особенности, руководствоваться односторонними, съ чужаго голоса принятыми и вовсе неподходящими для насъ воззрѣніями, и легкомысленно рѣшаться на опредѣленіе того хода, которому должны слѣдовать, при своемъ развитіи, умъ и духъ русскаго человѣка. Латинскій языкъ для западныхъ народовъ имѣетъ особенное значеніе: въ ихъ нарѣчіяхъ очень много словъ прямо взятыхъ изъ латинскаго языка; богослуженіе во всѣхъ католическихъ земляхъ происходитъ на этомъ же языкѣ; ихъ юриспруденція заняла свои главныя основанія изъ римскаго права. Для Француза, Нѣмца, Англичанина не знать латинскаго языка почти тоже, что

для Русскаго не знать хоть одного изъ европейскихъ языковъ. Послѣднее знаніе для образованнаго Русскаго совершенно необходимо, ибо иначе отъ него будетъ скрытъ обильный источникъ современнаго общечеловѣческаго просвѣщенія. Знаніе же латинскаго языка для Русскаго полезно такъ, какъ и всякое другое дѣйствительное знаніе; но можно быть отличнымъ государственнымъ человѣкомъ, полководцемъ, математикомъ, физикомъ, химикомъ и пр. т. е. быть вполнѣ общеобразованнымъ человѣкомъ и не имѣть возможности читать въ подлиникѣ ни Цицерона, ни Гораціи. Но почему Англичане, народъ по преимуществу практическій, происходящій отъ племени враждебнаго Римлянамъ, и живущій своею а не заимствованною жизнью, тщательно удерживаютъ, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, изученіе классическихъ языковъ и ихъ литературъ, и весьма дорожатъ успѣхами учениковъ по этой части? Причинъ къ тому много. Во 1-хъ, обученіе классическимъ языкамъ, какъ и всему остальному, въ Англіи, есть дѣло *свободное*, а не подлевольное, какъ у насъ: тамъ можно, не зная латинскаго языка, быть не только мировымъ судьею, но и лордомъ-канцлеромъ, не только какимъ нибудь служащимъ въ министерствѣ, но и первымъ министромъ; у насъ же нельзя поступить не-писцомъ въ гражданскую правительственную службу, не предъявивши свидѣтельства объ окончаніи курса наукъ въ какомъ либо по крайней мѣрѣ среднемъ учебномъ заведеніи; у насъ чтобы не оставаться на военной службѣ рядовымъ на долгій срокъ, необходимо представить такое же свидѣтельство. Я

вовсе не говорю противъ такого установленнаго у насъ порядка; онъ теперь еще необходимъ; но по этой именно причинѣ слѣдуетъ учебныя заведенія устроить такъ, чтобы они не возбуждали общаго неудовольствія и чтобы въ нихъ юношество не притуплялось, не развращалось, не искало исхода изъ жизни въ револьверѣ, а напротивъ того, чтобы тамъ оно развивалось, улучшалось и нравственно укрѣплялось.*) Но какъ этого достигнуть, объ этомъ не мѣсто здѣсь распространяться, а вѣрно только одно — не тѣми средствами, которыя нынѣ употребляются, а средствами совершенно имъ противуположными. — Во 2-хъ, въ Англіи, дорожатъ классичнымъ образованіемъ не во всѣхъ слояхъ общества, а преимущественно въ томъ, который пользуется у насъ особенною любовью, и который у насъ не имѣетъ себѣ подобнаго. Смѣшны у насъ аристократическія требованія и похоти; слѣдовало бы вникнуть хорошенько въ настоящій смыслъ англійскаго аристократизма и нашего быта, и разъ на всегда покончить съ этими, намъ совершенно несвойственными затѣями, и утвердиться на своей дѣйствительной почвѣ. — Наконецъ въ 3-ихъ, въ Англіи удерживаютъ классическое образованіе въ школахъ еще потому, что Англичане вообще до крайности консервативны Они удерживаютъ парики на судьяхъ; королю или королевѣ оффиціально подаютъ адрессы не иначе какъ коленопреклоненно;

*) Не поразительна ли цифра учениковъ, удостоенныхъ въ 1872 году гимназическаго аттестата — 584 изъ 23,900 учавшихся въ гимназіяхъ? Какъ тутъ не впасть въ отчаяніе!

вступленіе лондонскаго лорда-маіора въ должность сопровождается самыми странными древними обычаями; однимъ словомъ, англичане безъ необходимости ничего не измѣняютъ, а необходимости въ этомъ нѣтъ, ибо всякій подчиняется обычаямъ на столько на сколько онъ желаетъ. Слѣд. гдѣ свобода имѣется дѣйствительная, тамъ многое можетъ быть терпимо, что̀ не выносимо при ея отсутствіи.

Я вовсе не противъ изученія латинскаго и греческаго языковъ; самъ я ихъ въ свое время изучалъ и былъ не плохимъ латинистомъ и элинистомъ; но я противъ классикоманіи, которая теперь господствуетъ въ нашемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и которая извращаетъ весь ходъ средняго и высшаго народнаго образованія. Я за латинскихъ и греческихъ классиковъ; и вотъ почему я такъ сильно ополчаюсь противъ нынѣшней системы ихъ изученія. Насильственно ничего добраго сдѣлать нельзя: доставляйте всѣмъ возможность выучаться чему кто желаетъ; устанавливайте разумныя условія для поступленія на ту или другую службу; но за тѣмъ предоставьте всякому полную свободу образовываться по своему усмотрѣнію. Навязанныя благодѣянія происходятъ отъ излишней самоувѣренности гг. благодѣтелей и пораждаютъ только неудовольствія и противудѣйствіе въ облагодѣтельствуемыхъ.

Высшія наши учебныя заведенія — университеты, академіи и пр. также не улучшаются а ухудшаются: составъ профессоровъ, ихъ отношенія къ молодежи, дѣятельность студентовъ и духъ въ средѣ ихъ господствующій — словомъ все внушаетъ са-

мыя грустныя чувства. Правительство тратитъ деньги и увеличиваетъ вознагражденія профессорамъ; юноши стремятся въ эти святилища науки; а на дѣлѣ выходитъ то, что профессорскія ваканціи по нѣскольку лѣтъ остаются не замѣщенными, а студенты считаютъ потеряннымъ то время, которое они проводятъ въ аудиторіяхъ. Значитъ, что въ уставѣ университетскомъ есть коренной недостатокъ и на него слѣдовало бы обратить полное вниманіе.

Теперь родители, имѣющіе дѣтей отъ 8 до 20 лѣтняго возраста и желающіе дать имъ хорошее образованіе и развить ихъ нравственно, находятся въ крайнемъ затрудненіи. Домашнее воспитаніе, въ настоящее время, почти невозможно: а воспитаніе въ казенныхъ заведеніяхъ болѣе чѣмъ плохо. Тутъ юноши не развиваются ни умственно, ни нравственно. Несчастная классикоманія все болѣе и болѣе овладѣваетъ директорами и учителями учебныхъ заведеній, и проклиная въ душѣ это ослѣпленіе высшаго начальства, они, ради сохраненія своихъ мѣстъ и въ видахъ полученія наградъ, усердно исполняютъ его волю, ставятъ двойки и единицы за латинскій и греческій языки и приводятъ тѣмъ въ отчаяніе учащуюся молодежь. Всмотритесь во внутренній порядокъ не только закрытыхъ, но и открытыхъ учебныхъ заведеній, и вы увидите что лицемѣріе есть отличительное свойство не только учащихся но и учащихъ, что обманъ есть то орудіе, которымъ дѣти и юноши принуждены особенно пользоваться въ отношеніи къ своимъ преподавателямъ и которымъ не пренебрегаютъ и послѣдніе въ отношеніи по своему начальству; что

самостоятельность и независимость въ характерѣ особенно преслѣдуются въ юношествѣ; и что на противъ того, услужливость и расположеніе къ слѣпой покорности отличаются и поощряются. Блаженны люди, не имѣющіе дѣтей или имѣющіе ихъ въ возрастѣ уже ушедшемъ отъ господствующей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія системы притупленія или искаженія юношества! Плохи люди 30 и 40 лѣтніе; каковыми же будутъ тѣ, которые нынѣ портятся въ учебныхъ заведеніяхъ! Что готовимъ мы для будущаго?

Положеніе наше, въ церковномъ отношеніи, болѣе чѣмъ неудовлетворительно — оно бѣдственно. Чиновничій духъ, чиновничье властолюбіе и тщеславіе, чиновничьи ухватки овладѣли всею нашею высшею іерархіею; а низшая превратилась въ простыхъ ремесленниковъ, которые исполняютъ свои обязанности какѣ другіе портняжничаютъ, шьютъ сапоги, т. е. только потому, что этимъ способомъ добываются деньги на прожитокъ, хотя и не безнужденный, однако не грозящій опасностью смерти отъ голода. Наши іерархи, хотя и монахи, отрѣкшіеся отъ міра сего, однако такъ дорожатъ крестами и лентами, что въ этомъ неуступаютъ самымъ ярымъ сановникамъ. Они такъ властолюбивы и мало человѣчны, что обходятся съ подчиненнымъ ихъ духовенствомъ какъ, во время оно, обходились нѣкоторые помѣщики со своими крѣпостными людьми. Они далеко и не чужды корыстолюбія: за освященіе церквей, за похороны и за другія священнодѣйствія, они очень охотно берутъ порядочныя суммы. По части формалистики и многописанія,

наши іерархи и ихъ консисторіи неуступаютъ свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ и даже едва ли ихъ не оставляютъ позади. За то, они мало заботятся о томъ, чтобы бѣлое духовенство и монастыри занимались духовнымъ увражеваніемъ мірянъ. Монастыри, по большой части, служатъ у насъ не къ назиданію и къ соблазну народа; въ нихъ не благочестіе и любовъ къ ближшему обитаютъ, а преобладаютъ тунеядство и лицемѣріе. Что же касается до бѣлаго духовенства, то оно служитъ обѣдни и молебны, исправляетъ требы, за что̀ старается взять какъ можно больше, и совершенно не печется о духовной паствѣ. Вслѣдствіе того, духовенство и не пользуется ни въ нижнихъ, ни въ среднихъ, ни въ высшихъ слояхъ народа, уваженіемъ и почетомъ. Напротивъ того, на языкѣ каждаго крестьянина слово: Батька и съ живого и съ мертваго деретъ. Къ прискорбію истинно вѣрующихъ, въ послѣднее время, встрѣчаются и даже не рѣдко, между священниками, люди вовсе невѣрующіе — чистые нигилисты. Видѣть совершеніе таинствъ людьми невѣрующими; слышать какъ они, въ безцеремонной свѣтской бесѣдѣ, за стаканомъ вина, легко говорятъ о совершаемыхъ ими таинствахъ; быть свидѣтелями ихъ образа жизни, всего менѣе назидательной; все это служитъ къ уничтоженію и безъ того сильно поколебленной у насъ религіозности.

Конечно не всѣ іерархи и не всѣ священники таковы, какими мы ихъ изобразили; но, къ сожалѣнію, изъ общаго правила исключеній не много; и если нигилисты, въ числѣ священниковъ, не составляютъ еще большинства, то число пастырей до-

брыхъ, пекущихся о своихъ овцахъ, чрезвычайно мало. И главная вина упадка у насъ религіозности заключается въ томъ, что церковь наша все болѣе и болѣе становится казеннымъ учрежденіемъ, чуждымъ духа свободы и самосостоятельности. Думаютъ поддержать церковь запрещеніемъ свободно разсуждать о догматахъ и обрядахъ; нѣтъ! этимъ средствомъ ее разрушаютъ, даютъ ходъ подпольнымъ противъ нея дѣйствіямъ и разсужденіямъ, и роняютъ ея достоинство въ народномъ мнѣніи. Истина сильна сама собою, безъ всякой посторонней поддержки. Она легко отразитъ всякія нападенія извнѣ, лишь бы внутри ея было здорово, лишь бы не лишали ея того, что составляетъ ея необходимую принадлежность — свободы. Безъ нея, церковь гибнетъ; она лишается всякой жизни и превращается въ обрядъ безъ всякаго значенія. Всякія внѣшнія поддержки, охраненія и покровительства вредятъ церкви, и усиливаютъ дѣйствія ея враговъ и презрителей. Пора бы это понять. Отъ чего, въ католическихъ странахъ такъ, сильно невѣріе и такъ распространена безнравственность? Отъ чего, въ протестантскихъ странахъ, и нравственность и религіозность стоятъ много выше чѣмъ тамъ? Ясно что это отъ того, что въ католической церкви царитъ папское самовластіе, а въ протестантскихъ церквахъ допущена свобода обсужденія. Наша православная церковъ безусловно чужда католическаго рабства, и полная свобода для нея есть стихія необходимая; а потому все что вводитъ ограниченіе этой свободы, есть дѣйствіе не въ пользу а во вредъ церкви.

Многое еще хотѣлось бы сказать объ этомъ предметѣ; но объ немъ надобно говорить или очень пространно или очень коротко. Не будучи въ силахъ исполнить первое, мы ограничиваемся общимъ изъясненіемъ нашихъ чувствъ и мыслей, предоставляя другимъ обстоятельно изложить то, что теперь въ душѣ и въ умѣ каждаго истинно вѣрующего Русскаго.

Не можемъ однако пройти молчаніемъ одной мѣры святѣйшаго синода, которою наносится великій вредъ церкви, возбуждаетъ во всей имперіи страшное неудовольствіе и служитъ поводомъ къ самымъ нелѣпымъ толкамъ. Надо полагать, что чѣмъ церковъ къ прихожанамъ ближе, тѣмъ удобнѣе для нихъ удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, и что не приходы для причтовъ а послѣдніе для первыхъ. Св. синодъ руководствовался, кажется, иными соображеніями при утвержденіи мѣры о сокращеніи числа приходовъ. Церкви давносуществавшія и къ которымъ прихожане были душевно привязаны, теперь зачисляются въ число заштатныхъ, и это въ видахъ улучшенія быта духовенства. Мудрено ли что въ народѣ ходятъ слухи, что правительство дѣлаетъ это по внушенію нѣмцовъ и что имѣютъ въ виду и вовсе уничтожить церкви. Эта мѣра, никакою народною потребностью не вызванная, а на противъ идущая ей прямо въ разрѣзъ, возбуждаетъ въ народѣ сильный ропотъ, и состоялась вѣроятно только потому что въ Петербургѣ не знаютъ Россіи; что считаютъ посѣщеніе для прихожанъ церкви, отдаленной отъ нихъ на нѣсколько верстъ и притомъ

за рѣчьками и оврагами, столько же удобнымъ сколько пройти или прокатиться по петербургскимъ тротуарамъ или мостовымъ, и пуще всего потому, что на берегахъ Невы не понимаютъ чувства приверженности прихожанъ къ своей именно церкви.

Слѣдовало бы еще говорить о нашемъ положеніи въ дипломатическомъ и военномъ отношеніи; но мы отъ этого воздержимся. Мы ничего не скажемъ о первомъ, потому что намъ почти совершенно неизвѣстно состояніе нашихъ сношеній съ иностранными государствами. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ намъ ничего по сему предмету не сообщаетъ, считая это, кажется, излишнимъ (съ чѣмъ впрочемъ трудно и не согласиться); и мы кой-что узнаемъ объ этомъ только изъ иностранныхъ газетъ. Какъ этотъ источникъ весьма мутенъ, то мы и не рѣшаемся, что либо говорить на основаніи свѣденій изъ него почерпнутыхъ. — Что же касается до нашего военнаго положенія, то реформа, въ немъ происходящяя такъ значительна и такъ нова, что трудно что-либо положительнаго о ней сказать. Конечно главное начало, на которомъ она основана, т. е. распространеніе воинской повинности на всѣ сословія — вполнѣ разумно, справедливо и подлежало немедленному у насъ введенію; но самое приложеніе этого начала къ дѣлу могло и должно было устроиться у насъ иначе. Россія — не Пруссія первыхъ годовъ XIX столѣтія, обезсиленная и сокращенная Наполеономъ I, и обязанная тогда тѣмъ или другимъ способомъ вооружить весь народъ и

бороться за свое существованіе не на животъ а на смерть. Россія также — не нынѣшняя Германская имперія, движимая отчасти національными чувствами а еще болѣе жаждою господства и завоеваній, уже захватившая много чужаго, и потому вынужденная держать подъ ружьемъ огромныя полчищи. Россія, имѣющая народонаселеніе въ 80 милліоновъ, обладающая пространствомъ земли слишкомъ въ 18 мил. квадр. верстъ или слишкомъ въ 370/т. квадрат. миль, вовсе не терзаемая желаніемъ расширенія своихъ предѣловъ, и обязанная защищаться почти только съ одной западной своей границы, могла бы не подражать другимъ европейскимъ государствамъ въ превращеніи своей страны въ военный лагерь. Мы въ состояніи устроить у себя общесословную военную повинность такъ, чтобы и обязательность доставляла правительству потребное число войновъ, и добрая воля облегчала народу отправленіе этой обременительной но необходимой повинности. Европа теперь изнемогаетъ подъ тяжестью содержанія и пополненія своихъ громадныхъ армій; но обстоятельства Германіи, Австріи, Италіи и Франціи таковы, что, подъ страхомъ смерти, онѣ должны подчиниться этой тяжкой необходимости; тутъ понятны, разумны даже самыя изнурительныя жертвы. На не таково положеніе Россіи: мы, въ этомъ отношеніи какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, болѣе походимъ на Сѣвероамериканскіе Штаты чѣмъ на европейскія государства. Конечно мы не за морями, но масса нашего народонаселенія и пространство нашихъ земель, стоятъ морей. Мы могли бы вполнѣ охра-

нять границы, свое достоинство и свое вліяніе на Европу, не столько многочисленными арміями и еще болѣе многочисленными резервами, сколько могуществомъ собственнаго сознанія своихъ внутреннихъ силъ. Жаль что Россія еще не усвоила себѣ этого сознанія и упустила случай содѣйствовать къ сокращенію европейскихъ полчищъ и тѣмъ оказать благотворное вліяніе на Европу.

Когда-то перестанемъ мы идти на буксирѣ Европы и жить чужимъ умомъ. Когда-то наконецъ поймемъ мы свое настоящее положеніе!

VII.

Нашъ частный бытъ.

Грустно все, что̀ мы до сихъ поръ видѣли и говорили; но грустнѣе всего то, что̀ мы имѣемъ сказать о нашемъ частномъ бытѣ. Да и могли ли бы наши отношенія общественныя, административныя, судебныя, финансовыя, учебныя и церковныя быть такими, какими они оказываются, еслибы нашъ частный бытъ не давалъ къ тому возможности и не служилъ, до нѣкоторой степени, тому оправданіемъ.

Со всякимъ человѣкомъ обходяться такъ, какъ онъ того сто̀итъ, и всякій человѣкъ получаетъ то, что̀ заслуживаетъ. Еслибы въ насъ были: самостоятельность, правдивость, строгая нравственность, настоящее просвѣщеніе и твердость въ вѣрѣ, то развѣ могли бы нами помыкать и съ нами поступать такъ, какъ то дѣлаютъ, въ отношеніи къ намъ, всѣ кто только имѣетъ у насъ какую либо власть.

Отъ чего же мы такими ничтожными существами?

Развѣ мы очень глупы? Нѣтъ! этого никакъ про насъ сказать нельзя. Мы смышлены, практичны и способны къ теоретическимъ обсужденіямъ. Даже иностранцы отдаютъ справедливость уму русскаго человѣка.

Или мы очень подлы? — Всмотритесь въ крестьянина, недавно вышедшаго изъ крѣпостной зависимости и нынѣ засѣдающаго въ земскомъ собраніи рядомъ съ вами, и вы конечно убѣдитесь что въ Русскомъ человѣкѣ нѣтъ прирожденной подлости.

Или мы больно трусливы? Нѣтъ! нашъ солдатъ не разъ доказывалъ свою храбрость, свою отвагу и свою стойкость на полѣ битвъ и онъ, въ Европѣ и Азіи, пользуется доброю славою и общимъ уваженіемъ.

Чтожь развѣ мы уже очень лживы? Какъ сила только въ правдѣ, а если ея въ насъ нѣтъ, то наше безсиліе вполнѣ понятно и заслуженно. Но и этаго про насъ безусловно сказать нельзя. По природѣ, мы вовсе не пристрастны ко лжи; правда, въ старые годы, была на Руси, да и теперь въ неискаженномъ Русскомъ она обрѣтается.

Что же наконецъ причиною нашей дрянности, въ существованіи которой, хотя и тяжело, а нельзя не сознаться?

Первоначальною причиною нашей дрянности было конечно то, что мы вышли изъ своей колеи и попали въ чужую, сперва въ одну, потомъ въ другую, третью, четвертую и такъ далѣе. Но отъ чего же мы вышли изъ своей колеи? Неужель насъ къ тому приневолилъ Петръ Великій? Какъ великъ

онъ ни былъ, но онъ былъ одинъ, а насъ — милліоны. Слѣдовательно, такое объясненіе явно неудовлетворительно; должны быть другія болѣе существенныя, болѣе дѣйствительныя причины нашего выхода изъ своей колеи.

Мы не предназначены быть Китайцами, Турками — народомъ-особнякомъ. Намъ суждено быть міровыми дѣятелями. Доброе ли, худое ли будетъ наше вліяніе на ходъ человѣчества — это покажетъ будущее; но несомнѣнно одно — что мы — народъ міровый. Мы чувствовали что наша колея узка и что необходимо ее расширить. Западъ, своимъ разнообразнымъ просвѣщеніемъ, поразилъ не одного Петра, но и его спутниковъ. Вызванные въ Россію иностранцы сообщили намъ много новаго, такаго, о чемъ прежде мы и не помышляли. Мы вообразили что, заимствуя у нихъ разныя открытія, изобрѣтенія, свѣденія, и обычаи, мы сдѣлаемся такими же просвѣщенными и дѣльными людьми какъ и они. Ослѣпленные блескомъ европейской цивилизаціи, мы растерялись; стали кидаться и въ ту и въ другую сторону, и хватались чуть чуть не за все, думая въ каждой новизнѣ обрѣсти то, что намъ требовалось. Въ такихъ поискахъ и позаимствованіяхъ, мы провели слишкомъ полтора вѣка, и совершенно сбились съ толка. Нѣкоторые, отъ времени до времени раздававшіеся голоса, призывали насъ къ размышленію и совѣтовали намъ опомниться и вдуматься въ наше прошедшее и настоящее; но на эти голоса большинство мало обращало вниманія и съ особеннымъ самодовольствомъ честило ихъ именемъ ретроградовъ.

Наконецъ пришли мы въ такое положеніе, что не знаемъ чему вѣрить, чему учиться, куда стремиться, за чтò ухватиться и чтò дѣлать?

Прежде мы вѣрили во все, чтò къ намъ приходило сперва изъ Франціи, а потомъ изъ Германіи. Мы были вольтеріанцами, приверженцами Руссо, Гелвеція и Локка (въ французскомъ переводѣ), были Шеллингистами, Гегельянцами и послѣдователями новѣйшихъ нѣмецкихъ мудрецовъ. Мы были поклонниками Бенжамень-Констана, Рое-Коллара, Адама Смита (опять въ французскомъ переводѣ), Прудона, и многихъ другихъ политическихъ писателей. Въ жизни, въ наукахъ и въ искуствахъ, мы принимали всѣ возможныя теоріи также легко, какъ послѣ отъ нихъ и отказывались. Прежде это для насъ было очень удобно: мы на все смотрѣли глазами Франціи; за тѣмъ Германія вставила намъ свои очки; а теперь Франція говоритъ одно, Германія — другое, Англія — третье, Америка — четвертое; а собственнаго зрѣнія и ума мы не изострили и потому находимся въ самомъ жалкомъ, въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

У насъ теперь сильно не невѣріе въ то или другое ученіе — не требованіе доводовъ къ утвержденію такихъ или иныхъ основныхъ началъ; противъ этихъ золъ можно было бы дѣйствовать возраженіями и доказательствами. Нашъ недугъ характера болѣе опаснаго: мы страдаемъ смертоноснымъ безвѣріемъ во все. Мы перестали вѣрить въ то или другое не потому что, изучивши предметъ или мнѣніе, мы убѣдились въ его несостоятельности, а только потому что такой или иный писатель въ Германіи

или Англіи, считаетъ такое знаніе или вѣрованіе лишеннымъ основанія, и еще потому что, извѣрившись вовсе, мы съ жадностью хватаемъ всякія отрицанія. — Нашъ нигилизмъ совершенно особеннаго свойства: онъ не есть, какъ на западѣ, слѣдствіе долгихъ, хотя и ложно направленныхъ изученій и умствованій, и плодъ неправильно сложившагося тамъ общественнаго устройства; у насъ онъ вовсе не туземенъ; вѣтеръ его къ намъ занесъ, вѣтеръ его у насъ и распространяетъ. Наши нигиласты просто смѣшны: ихъ возгласы, ихъ возраженія и утвержденія ни на чемъ не основаны; они выхватили отдѣльныя отрицанія изъ какой-нибудь иностранной книги, повторяютъ и усиливаютъ ихъ до нелѣпости, и смотрятъ на иномыслящихъ какъ на людей отсталыхъ, коснѣющихъ въ старыхъ понятіяхъ и обычаяхъ. Одна изъ главныхъ причинъ распрастраненія, не скажу, этого ученія, ибо такимъ именемъ нельзя чествовать нашъ нигилизмъ, а этихъ толковъ, есть та, что они сообщаются тайно въ товарищескихъ бесѣдахъ, не могутъ обсуждаться гласно, и особенно привлекаютъ прелестью запрещеннаго плода. Если бы гласность была у насъ нѣсколько подѣйствительнѣе и пошире; еслибы за мнѣнія не лишали людей служебныхъ мѣстъ и не подвергали ихъ нѣкотораго рода остракизму; еслибы можно было печатно или изустно во всеуслышаніе возражать не противъ общихъ мѣстъ нигилизма а противъ положительныхъ словъ такого или другаго лица; наконецъ еслибы такія нападенія на нигилистовъ не считались и дѣйствительно не были почти доносами по третьему

отдѣленію, то наша нигилистическая пропаганда, ея мнѣнія и затѣи давно превратились бы въ ничто, изъ чего имъ не слѣдовало выходить и что̀ составляетъ все ихъ существо. А теперь, по милости таинственности и преслѣдованій, нигилизмъ произвелъ въ головахъ, особенно молодежи, такой сумбуръ, что единственнымъ исходомъ изъ нею является выстрѣлъ изъ револьвера. Часто слышимъ и читаемъ мы въ газетахъ извѣстія о самоубійствахъ, особенно изъ среды юношей и лицъ до 30 лѣтняго возраста. Эти событія — не случайныя, а прямо истекающія изъ настоящаго нашего положенія; они — до высшей степени знаменательны.

Дѣйствіе безвѣрія не заключается въ предѣлахъ нашего внутренняго душевнаго и умственнаго міра; оно, какъ иначе и быть не можетъ, заражаетъ и разъѣдаетъ нашъ духъ и характеръ, переходитъ въ нашу внѣшнюю жизнь и ее вполнѣ искажаетъ. Гдѣ, въ средѣ нашихъ, хоть сколько набудь образованныхъ людей, характеры самостоятельные и стойкіе? А между тѣмъ, эти свойства составляютъ необходимую принадлежность человѣка. У насъ не говорю — въ казенной служебной — но и въ общественной, даже въ частной средѣ почти нѣтъ людей, какъ говорится, съ характеромъ. Уступки считаются лучшимъ средствомъ вести всякія дѣла; а между тѣмъ, онѣ, постепенно но неизбѣжно, приводятъ людей туда, куда они конечно не думали зайти, и гдѣ, очутившись, они оказываются лишенными даже способности почувствовать свое паденіе и отъ него ужаснуться. Уступки до крайности опасны: первая влечетъ за собою вторую, а эта

третью, четвертую и такъ далѣе; и въ концѣ концовъ изъ человѣка настоящаго, т. е. честнаго и благороднаго, легко выходитъ подлецъ и чуть чуть не душегубецъ. Говорятъ, что безъ уступокъ обойтись нельзя — жить невозможно; но и безпрестанныя уступки уничтожаютъ человѣка. Не даромъ говорится: я ему уступилъ, а онъ на меня наступилъ. Въ уступкахъ — мѣра есть вещь самая важная; а мы вообще какъ то во всемъ плохо знаемъ мѣру; и потому мы уступчивы до того, что собственно изъ насъ почти ничего не остается. Правдивость считатся, въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, оригинальностью — какимъ-то уродствомъ — свойствомъ, понятномъ въ человѣкѣ ничего неищущемъ и отказавшемся отъ всякой внѣшней дѣятельности. Честность сдѣлалась у насъ такимъ неопредѣленнымъ понятіемъ, что ее приписываютъ чуть чуть не всякому, а между тѣмъ собственно честныхъ людей у насъ чрезычайно мало. Человѣкъ солгалъ, не заплатилъ въ срокъ, обманулъ, воспользовался слабостью другаго, во зло употребилъ довѣріе къ нему другаго лица или общества или правительства, подличаетъ передъ власть предержащими — и несмотря на это, если только онъ не попался на самомъ дѣлѣ и за это не осужденъ, то онъ все таки остается у насъ честнымъ человѣкомъ, пользуется почетомъ и никому въ голову не приходитъ прекратить съ нимъ всякія сношенія. Что же касается до непослѣдовательности, до измѣны своимъ убѣжденіямъ, до перехода изъ либераловъ въ реакціонеры, въ преслѣдователи всякихъ свободныхъ мнѣній, то такія явленія совершаются у насъ

ежедневно, и люди эти принимаются въ обществѣ какъ будто они безчестнаго ничего не сдѣлали а только платье перемѣнили. Это наше равнодушіе въ нравственномъ отношеніи, заключаетъ въ себѣ разгадку, почему съ нами обходятся вообще такъ безцеремонно и почему, кромѣ бабьихъ толковъ, жалобъ и стоновъ, изъ насъ ничего не выходитъ.

Нельзя не признаться, что нравственность у насъ, особенно въ слояхъ народа, называемыхъ обществомъ, въ крайнемъ упадкѣ. Семейнаго счастья почти болѣе не встрѣчаешь. Супруги расходятся или хотя и живутъ подъ одною кровлею, однако общаго между собою ничего не имѣютъ, часто не потому что въ ихъ характерахъ оказываются какія либо непримиримыя свойства, а только потому что одинъ изъ нихъ или и оба, заразившись нигилистическими мнѣніями, считаютъ бракъ ни во что̀ и всего болѣе дорожатъ какою-то странною другъ отъ друга независимостью и отдѣльностью. Родители, будучи сами по большей части ни въ чемъ не убѣждены, не тверды, оставляютъ дѣтей своихъ на произволъ судьбы; а сіи послѣдніе рѣдко уважаютъ своихъ родителей, какъ потому что, имѣя еще въ душѣ и умѣ прирожденные человѣку идеалы, видятъ какъ далеки отъ нихъ отцы и матери, такъ и потому что, подпадая подъ вліяніе нигилистическихъ принциповъ, они развращаются на новый ладъ и уже считаютъ своихъ родителей людьми отсталыми отъ вѣка. Однимъ словомъ, семейный бытъ у насъ сильно поколебленъ и не представляетъ никакихъ твердыхъ основъ для развитія человѣка вообще, а тѣмъ еще менѣе человѣка-гражданина.

Частные люди, въ отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ, являются быть можетъ, еще лучшими, чѣмъ можно было ожидать. Конечно и тутъ наши недостатки весьма значительны: мало въ насъ преданности общему дѣлу, большой недостатокъ въ стойкости и выдержкѣ, и вообще грустное равнодушіе къ послѣдствіямъ общественной дѣятельности. Да это иначе и быть не можетъ: при внутренной дрянности и несостоятельности, можетъ ли человѣкъ быть настоящимъ человѣкомъ въ какомъ либо проявленіи своей жизни? По крайней мѣрѣ, на поприщѣ общественной дѣятельности еще имѣются дѣятели усердные и безкорыстные; еще не насмѣхаются надъ людьми, посвящающимися этому служенію. Происходитъ ли это отъ того, что дѣло общественное у насъ еще ново или отъ того что оно заключаетъ въ себѣ такую жизненность, которую не могла убить существующая наша обстановка — это рѣшитъ время: но я склоненъ думать послѣднее, и въ этомъ именно вижу залогъ нашей будущности.

Въ отношеніи къ правительству, мы являемся въ двухъ различныхъ видахъ: какъ частные люди, ему подчиненные, и какъ чиновники, т. е. составныя его части. Не знаю въ какомъ видѣ мы оказываемся худшими. И тутъ и тамъ нами руководствуетъ самое узкое, самое грубое себялюбіе. Отъ насъ требуютъ, намъ приказываютъ то или другое, и мы, не справляясь съ закономъ, хотя и въ состояніи съ нимъ справиться, исполняемъ волю требующаго или приказывающаго, находя это для себя болѣе удобнымъ и спокойнымъ, чѣмъ входить въ

разговоръ или столкновеніе съ властью. Мы не умѣемъ даже повиноваться съ достойнствомъ: исполнять всякое законное требованіе правительственныхъ лицъ есть обязанность всякаго гражданина; но мы, даже безъ нужды а такъ ради удовольствія, обходимъ законъ и, съ какою-то особенною рабскою готовностью, покоряемся произвольнымъ приказаніямъ начальства. Вслѣдствіе такой нашей покорности, всякая власть не знаетъ границъ своему произволу, и если лица, могущія ее сдерживать, предпочитаютъ ей подчиняться, то что же дѣлать остальнымъ. „Моя изба съ края“ говорятъ почти всѣ; а потому всѣ избы оказываются съ края, и защиты нѣтъ ни для кого и ни отъ кого. Еслибы въ насъ было чувство законности; еслибы несправедливости насъ возмущали, и мы ощущали потребность поддерживать общественный порядокъ и защищать слабѣйшихъ, то и наше собственное и другихъ положеніе было бы иное, и власть предержащіе были бы иные и иначе они бы къ намъ относились.

Мы, какъ чиновники, являемся въ видѣ, если можно, еще худшемъ. Уже мы не только попускаемъ совершеніе беззаконій и несправедливостей, а сами ихъ производимъ. Еще вчера, какъ частные люди, мы страдали отъ произвола, формалистики и бездушія чиновниковъ и охотно ихъ поругивали; а сегодни, надѣвши вице-мундиръ, мы уже смотримъ на частныхъ людей не какъ на собратій, согражданъ, а какъ на матеріалъ, подлежащій дѣйствію правительственнаго произвола и опеки, и бюрократическихъ формальностей и измышленій. Еще вчера, такой-то, бывши не служащимъ, разсуждалъ здраво,

зналъ многое досконально и дѣйствовалъ порядочно; а сегодня онъ уже считаетъ себя умнѣе plebs'а (народа), полагаетъ необходимымъ поддерживать и защищать всякое дѣйствіе власти, особенно по своему вѣдомству — пещись о насъ, несовершеннолѣтнихъ и малоумныхъ, насъ просвѣщать и, въ случаѣ надобности, насъ и пристукивать. Это превращеніе человѣка въ чиновника, сущность и принадлежности этого званія — могли бы служить темою для весьма забавной комедіи и предметомъ очень любопытнымъ для психологическаго изученія; но пока эти факты болѣе чѣмъ грустны.

Отъ чего государственная служба на Руси не есть, какъ въ другихъ странахъ, гражданскою обязанностью, которую всякій исполняетъ по мѣрѣ силъ и возможности, оставаясь вполн ѣгражданиномъ; а она есть ремесло, родъ жизни, которому кто разъ себя отдалъ, на немъ вѣкуетъ, перестаетъ быть не только гражданиномъ, по почти человѣкомъ и стоновится, если и не врагомъ страны, то существомъ, ея чуждающимся и ей чуждымъ? Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что мы еще не граждане, еще не люди въ настоящмеъ смыслѣ этого слова, а какія то существа, не гнушающіяся прежнихъ порядковъ и не усвоившія себѣ чувствъ и понятій новой, для насъ открывающейся жизни.

Одна изъ главныхъ причинъ того безобразія, которое поражаетъ всякаго всматривающагося въ бытъ и дѣйствія частныхъ людей и чиновниковъ на Руси, заключается въ томъ, что у насъ существовала крѣпостная зависимость однихъ людей отъ другихъ; что она въѣлась въ наши понятія и нравы;

и что, уничтоженная въ одномъ самомъ грубомъ видѣ, она сохраняется, на Руси, во всѣхъ своихъ остальныхъ проявленіяхъ. Прежніе помѣщики, т. е. тѣ, для которыхъ владѣніе людьми было священнымъ правомъ ихъ сословія, признавали себя особеннымъ какимъ-то поколѣніемъ, относились съ презрѣніемъ къ хамову отродію и позволяли себѣ касательно его все, что̀ душѣ ихъ было угодно. Наши чиновники не далеко ушли отъ этихъ помѣщиковъ: они думаютъ что, съ вице-мундиромъ, существо ихъ преобразуется, что они пріобщаются къ самодержавію и что они должны быть совершенно иными, чѣмъ они дотолѣ были. У насъ пристрастіе къ произволу таково, что мы рады ему подчиняться, лишь бы и намъ возможно было произвольничить надъ другими. Бытъ чиновника вовсе на радужнаго цвѣта; необходимо постоянно уничтожаться передъ начальникомъ, подчиняться его произволу и быть въ полной отъ него зависимости; а между тѣмъ, всѣ безчисленныя служебныя мѣста заняты, и просителей на могущія открыться ваканціи — тьма тьмущая. Люди, на Руси, вовсе не дорожатъ тѣмъ, что для человѣка всего драгоцѣннѣе — индивидуальностью. Самое это понятіе у насъ такъ мало въ ходу и въ силѣ, что еслибъ мы употребили для выраженія этой мысли русское слово „самость", то многимъ пришлось бы, пожалуй, отъискивать его въ словарѣ Даля. Это есть ничто иное какъ слѣдствіе прежней, далеко еще не изчезнувшей крѣпостной зависимости. Еслибы мы дѣйствительно проникли съ великою мыслью, лежащею въ основѣ совершенной реформы и исполни-

лись ея животворнымъ духомъ, то мы бы поняли что сдѣланъ только первый шагъ къ нашему возрожденію; что долгъ каждаго изъ насъ, какъ частныхъ такъ и служащихъ людей, содѣйствовать къ окончательной отмѣнѣ всего остающагося въ нравахъ и учрежденіяхъ отъ крѣпостной зависимости; что мы обязаны ограничивать какъ свой собственный, такъ и чужой произволъ; и что равно недостойно самимъ имъ пользоваться и попускать, безъ протеста, чтобы другіе себѣ его позволяли въ отношеніи какъ къ намъ, такъ и къ другимъ, особенно слабѣйшимъ лицамъ. Къ великому прискорбію, въ исполненіе Положеній 19 февраля 1861 г., мы ограничились отдачею нашей земли исполу вмѣсто прежней барщины, усиленнымъ поступленіемъ на казенную службу и устройствомъ колокольчиковъ у дверей вмѣсто прежней лишней прислуги.

Да! грустенъ, подавляющъ нашъ частный бытъ! Неужель мы не въ состояніи его измѣнить? Неужель въ насъ нѣтъ силъ и способностей бодро стать на ноги? Неужель наше положеніе безъисходно? — Этого конечно мы не думаемъ.

VIII.

Наша литература.

Литература народа есть, какъ говорится и какъ дѣйствительно оказывается, вѣрное выраженіе его положенія въ умственномъ, нравственномъ и даже въ матеріяльномъ отношеніи. Мы просмотрѣли нашъ настоящій бытъ во всѣхъ главнѣйшихъ его проявленіяхъ, и вынесли, изъ этого обзора, самыя тяжкія впечатленія. Можетъ ли наша нынѣшняя литература выражать что-либо иное?

Дѣйствительно наша словесность находится въ самомъ жалкомъ положеніи: геніяльныхъ писателей, ни по какой части, у насъ нѣтъ ни одного; посредственность есть удѣлъ лучшихъ нашихъ сочинителей; самые замѣчательные изъ нихъ теперь только дописываютъ; а новыхъ дарованій, обѣщающихъ что-либо значительное въ будущемъ, въ виду не имѣется. Отличительныя черты нынѣшней нашей печатной письменности: пошлость, повтореніе задовъ или чужихъ мнѣній, перекладываніе изъ пустаго въ порожнее, попытка взъерошенія волосъ на лысой головѣ, бездушіе, безмысліе. . .

Но отъ чего же наша литература, въ послѣднее время, такъ жестоко упала?

При Пушкинѣ, Жуковскомъ, Карамзинѣ, Гоголѣ, Хомяковѣ и другихъ болѣе или мѣнѣе даровитыхъ писателяхъ, словесность наша жила и не проявляла особенной скудости русскаго ума и воображенія. Были для печатнаго слова весьма тяжкія времена; но, изъ подъ ножницъ и молотка Красовекихъ, изъ заграницы и въ рукописныхъ копіяхъ, выходили сочиненія, которыя оживляли русскихъ людей, заставляли ихъ призодумываться и разшевеливали въ нихъ духъ, умъ и чувство. Великая реформа, совершившаяся въ 1858—1861 годахъ, до того пробудила дремавшія умственныя силы Россіи, что мы было возмечтали о наступленіи для нашей словесности новой, особенно плодотворной эпохи. Газеты, журналы, даже книги прониклись интересами зарождавшейся гражданской дѣятельности, и стали уже не повтореніемъ того, что̀ печаталось за границею и въ нашихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, а живымъ отраженіемъ того, что̀ творилось какъ въ центрѣ, такъ и въ различныхъ мѣстностяхъ нашего государства. Указъ 6 апрѣля 1865 года, нѣсколько разширилъ законные предѣлы гласности: намъ разрѣшено было говорить объ общихъ политическихъ вопросахъ, о распубликованныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и даже о злоупотребленіяхъ администрацій, но только съ тѣмъ, чтобы, въ сочиненіяхъ объ этихъ предметахъ, „не заключались возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспоривалась обязательная ихъ сила и не употреблялись выра-

женія, оскорбительныя для установленныхъ властей“ (Мнѣн. Госуд. Совѣта 6-го апрѣля 1865 г. Отд. III ст. 16 § 4). Опубликованіе этого закона возбудило большія надежды, но не суждено было имъ осуществиться. Этотъ указъ былъ, къ сожалѣнію, послѣднимъ дѣйствіемъ правительства въ пользу свободы печати. Эпоха нѣкотораго раскрѣпленія узъ, сковывавшихъ у насъ эту свободу — была кратковременна: она блеснула какъ молнія среди темной ночи. Вскорѣ правительство, словно раскаяваясь въ излишнихъ льготахъ, предоставленныхъ имъ печати (хотя русская печать, нельзя не сказать къ великой ея чести, воспользовалась ими въ весьма скромныхъ размѣрахъ), начало постепенно ограничивать гласность, сперва министерскими разъяснительными циркулярами, потомъ разными исключительными мѣрами и наконецъ формальнымъ законодательнымъ порядкомъ. Министерство внутренныхъ дѣлъ было очень нескупо, въ отношеніи періодическихъ изданій, на воспрещенія розничной продажи, на предостереженія и даже на пріостановленія выпуска газетъ и журналовъ. Оно пользовалось этими правами, какъ говорится, всласть; но оно находило что этого ему еще мало. Единственнымъ обеспеченіемъ для печати отъ произвольныхъ стѣсненій со стороны администраціи, служитъ судъ, хотя даже и безъ присяжныхъ засѣдателей. Министерство внутренныхъ дѣль исходатайствовало себѣ, въ маѣ 1872 года, право, безъ суда и только съ утвержденія комитета министровъ, запрещать книги и журналы и предавать ихъ сожженію. — Въ разговорахъ и въ періодическихъ изданіяхъ естественно и неиз-

бѣжно сообщать слухи какъ о случающихся событіяхъ такъ и о тѣхъ вопросахъ, которые поднимаются въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ, относительно измѣненій въ существующихъ законахъ или принятія какихъ либо общихъ административныхъ мѣръ. Такія вольности не нравились нѣкоторымъ сановникамъ и въ особенности среднимъ дѣлозаправителямъ, изготовлявшимъ проекты разныхъ законовъ и мѣропріятій; а потому, въ угоду имъ, въ 1873 году, утверждены мѣры взысканій, съ періодическихъ изданій, за оглашеніе вопросовъ, *не подлежащихъ до времени опубликованію.* Любопытно было знать, гдѣ и какъ печати освѣдомляться о томъ, что̀ „до время не подлежитъ опубликованію;“ а между тѣмъ, за несоблюденіе этого постановленія, періодическія изданія подлежали весьма тяжкой карѣ — пріостановленію ихъ выпуска въ свѣтъ на срокъ до трехъ мѣсяцовъ? Это сомнѣніе не замедлило расъясниться: вошли въ обычай внушительные циркуляры министерства внутренныхъ дѣлъ. Издатели газетъ и журналовъ стали приглашаться въ цензурные комитеты, и тамъ конфиденціально, не на бумагѣ а на словахъ, внушалось имъ, чтобы они о томъ или о другомъ воздерживались что-либо говорить. Такъ, между прочимъ, было имъ внушено чтобы они, до поры до времени, не сообщали свѣденій и не пускались въ разсужденія — по какому, думаете, вопросу? по средне-азіятскому! Послѣ того, какъ голодъ въ Самарской губерніи сдѣлался предметомъ заботъ всей Россіи, какъ учреждены были разные общественные и оффиціальные комитеты

для оказанія пособій нуждающимся въ продовольствіи, и какъ самимъ правительствомъ, въ этомъ смыслѣ, были приняты разныя мѣры — вдругъ насланъ былъ, въ цензурные комитеты, циркуляръ, предписывающій имъ вмѣнить въ обязанность періодическимъ изданіямъ воздержаться отъ всякихъ толковъ о самарскомъ голодѣ, какъ о такомъ предметѣ, который слишкомъ тревожитъ общественное мнѣніе. Такъ, въ послѣднее время, запрещено газетамъ и журналамъ говорить — о грекоуніятскихъ дѣлахъ и о событіяхъ по этой части происходящихъ въ Привислянскомъ краѣ. — Хотя такіе и имъ подобные циркуляры и не вѣроятны, однако, по несчастію, они дѣйствительны — несомнѣнны. — Такимъ образомъ, на основаніи неотмѣненнаго закона отъ 6 апрѣля 1865 года, мы какъ будто имѣемъ право говорить почти обо всемъ, но на дѣлѣ оказывается, что намъ нельзя говорить почти ни о чемъ. Исключенія, разъясненія и дополненія уничтожили самое правило; а способъ его исполненія превратилъ законъ въ мертвую букву. — Были, въ цензурномъ отношеніи, тяжелыя времена для русской печати; но едва ли когда либо они были тяжче настоящихъ, и особенно съ тѣхъ поръ какъ, во главу управленія по дѣламъ печати, поставленъ литераторъ и бывшій либералъ. Замѣчательно, что никто болѣе его не собиралъ и не печаталъ куріозовъ изъ исторіи нашей прежней цензуры; теперь онъ, кажется, поставилъ себѣ задачею превзойти всѣхъ своихъ предшественниковъ по части своевольнаго угнетенія печатнаго слова, и онъ неустанно хлопочетъ о преумноженіи куріозовъ

для будущаго историка цензуры въ Россіи. — Въ число свѣденій, заслуживающихъ быть переданными потомству, нельзя не включить мудрыхъ распоряженій управленія по дѣламъ печати, предписывающихъ издаваемую въ Казани Волжско-Камскую газету и печатаемый въ Таганрогѣ Азовскій Вѣстникъ — цензоровать въ Москвѣ!

Замѣчательно и направленіе новѣйшей цензурной стратегіи: она мало обращаетъ вниманія на нигилистическія и безнравственныя статьи и книги; по видимому, онѣ считаются ею или безвредными или неопасными; но за то она направляетъ всѣ свои огни и подкопы противъ такихъ изданій, гдѣ разработываются народные вопросы, гдѣ народности отводится подобающее ей мѣсто, и гдѣ стараются возбуждать и оживлять народныя понятія, чувства и вѣрованія. Очевидно, что все народное очень не по сердцу теперешнему цензурному вѣдомству; и вслѣдствіе того, всѣ изданія, печатающія статьи не въ его вкусѣ, подвергаются всѣвозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Такъ „Бесѣда", издававшаяся г. Юрьевымъ, въ духѣ русскомъ, совершенно православномъ и строго нравственномъ, испытала на себѣ всѣ жестокости цензурнаго начальства: двѣ ея книги были сожжены и третья избѣгла этой участи только *въ уваженіе того, что журналъ закрывался*, и только съ опущеніемъ статьи, не понравившейся цензурной диктатурѣ*). Можно бы указать много книгъ и статей, написанныхъ въ ни-

---

*) Любопытно, думаемъ, для читателя знать, какія статьи могли подвергнуть „Бесѣду" такой тяжкой карѣ. Онъ вѣроятно полагаетъ что въ нихъ или рѣзко осуждались дѣйствія верховной вла-

гилистическомъ направленіи, которыя не только не подверглись запрещенію или преслѣдованію, а напротивъ того, напечатаны съ одобренія цензуры; но опасаюсь тѣмъ сослужить службу по третьему отдѣленію.

Наше высшее цензурное начальство до того странно дѣйствуетъ относительно запрещенія и незапрещенія книгъ, журналовъ и газетъ, и раздачи имъ предостереженій и другихъ отеческихъ каръ и наставленій, что едва ли кто, тщательно слѣдящій за выходящими произведеніями нашей литературы, въ состояніи теперь сказать, что̀ можетъ пройти безъ взысканія со стороны этого привередливаго вѣдомства, и что̀ должно возбудить его раздражительность. Проходятъ, безъ всякихъ взысканій, статьи даже смѣлыя, и подвергаютъ издателей наказаніямъ, часто весьма тяжкимъ, статьи вовсе невинныя. Очевидно, что не только понятія и вкусы

сти или возбуждался народъ къ неповиновенію или проповѣдовались какія либо безбожныя или безнравственныя ученія. Нѣтъ! ничего подобнаго въ этихъ статьяхъ не было. Въ одной изъ нихъ говорилось о чрезмѣрной строгости экзаменовъ въ классическихъ гимназіяхъ; и за это а не за что другое, сожженъ No. 7 „Бесѣды". Другая статья, подвергшая такой же участи No. 9 тогоже журнала, содержала въ себѣ весьма благонамѣренное и вполнѣ благоприличное изложеніе существующаго способа воспитанія въ женскихъ институтахъ. Послѣдняя статья такъ прекрасно написана, носитъ на себѣ такой отпечатокъ правдивости и такъ живо и разумно затрогиваетъ важный вопросъ женскаго воспитанія, что мы съ удовольствіемъ ее печатаемъ, въ видѣ приложенія, въ концѣ нашей книжки. Прочтеніе этой статьи полезно и въ томъ отношеніи, что оно даетъ понятіе о прозорливости и благонамѣренности нашего высшаго цензурнаго начальства. Считаемъ не лишнимъ удостовѣрить читателя, что мы печатаемъ эту статью, безъ всякихъ выпусковъ и измѣненій, точно въ томъ видѣ, въ какомъ она была предана сожженію. — И невѣроятное бываетъ иногда вѣрнымъ.

цензурнаго начальства измѣнчивы, но что оно пуще всего обращаетъ вниманіе на то, гдѣ и кѣмъ что̀ печатается. Москва, въ этомъ отношеніи, никакъ не можетъ похвалиться особеннымъ къ себѣ благорасположеніемъ цензуры, хотя и тутъ имѣются лица, пользующіяся ея снисхожденіями. При такихъ обстоятельствахъ, кто уважающій себя, имѣющій свои твердыя убѣжденія и не желающій заискивать у цензурнаго начальства особенныхъ милостей, рѣшится теперь издавать газету или журналъ?

Конечно еще существуетъ предварительная цензура, и, въ избѣжаніе непріятностей и убытковъ отъ безцензурнаго печатанія, можно обращаться за ея одобреніемъ; но развѣ цензоры знаютъ, что можно и чего нельзя пропускать, а, при сомнѣніяхъ, развѣ для нихъ не легче и не безопаснѣе вымарывать какъ можно болѣе или цѣликомъ запрещать статьи и книги? И за это нельзя на нихъ негодовать: имъ желательно удержаться на своихъ мѣстахъ; а какъ они не имѣютъ правилъ, руководящихъ ихъ при разсмотрѣніи представленныхъ имъ сочиненій, то они предпочитаютъ сдѣлать лишнее въ смыслѣ пріятномъ для начальства, чѣмъ недодѣлать — лучше получить отъ него упрекъ въ излишкѣ рвенія, обезпечивающій имъ эпитетъ благонадежныхъ и обѣщающій имъ впослѣдствіи чины, кресты и, пуще всего долговѣчность въ званіи цензоровъ, чѣмъ подвергать себя разнаго рода случайностямъ и, пожалуй, даже лишенію мѣста, жизненнаго для нихъ вопроса. А возможны ли какія либо руководящія правила для цензоровъ? Не легко опредѣлять точно способы дѣйствія физическихъ силъ и направлять

ихъ къ достиженію желаемой цѣли; много труднѣе подчинять законамъ внѣшнія дѣйствія людей и составлять приговоры о ихъ виновности, а потому мудрыя правительства предоставляютъ общественной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, произносить эти рѣшенія; но опредѣлять какія человѣческія мнѣнія полезны или вредны, какія изъ нихъ слѣдуетъ поощрять и какія — сдерживать или подавлять, какія виды сочинителя при изложеніи такихъ-то мыслей или при употребленіи такихъ-то словъ, какъ и куда слѣдуетъ направлять общественное мнѣніе — все это такія задачи, которыя превышаютъ силы и способности всякаго человѣка и всякаго правительства. Наваливать на себя такія обязанности — значитъ выдавать себя за сердцевѣдца, чуть-чуть не за Божественное Провидѣніе, и осуждать свой народъ ни вѣчное дѣтство а себя, посреди европейскихъ государствъ, на безсиліе и безпомощность.

Странна, хотя и понятна боязнь гласности, одержащая еще нѣкоторыя правительства. Слава Богу, она почти изчезла въ Европѣ и печать тамъ уже не является какимъ-то всесокрушающимъ звѣремъ. Тамъ уже убѣдились, что печать на столько страшна, на сколько неправо правительство, и что напротивъ того, благонамѣренное правительство находитъ въ ней помощь и поддержку во всѣхъ его добрыхъ начинаніяхъ и усиліяхъ. Но, къ прискорбію людей благомыслящихъ и душею преданныхъ отечеству и великому своему Государю, боязнь печатнаго слова у насъ сильна и даже очень сильна. А между тѣмъ, расширеніе свободы печати, допу-

щенное закономъ 6 апрѣля 1865 года, не только не сопровождалось никакими безпорядками и не вызвало никакихъ дерзкихъ выходокъ со стороны пишущаго и печатающаго люда, но встрѣчено было съ единодушною благодарностью и съ замѣчательнымъ благоразуміемъ. Правительство нашло въ печати не противодѣйствіе благимъ, имъ предпринятымъ реформамъ, а полную, самую искреннюю въ нихъ поддержку. Но вскорѣ бюрократія замѣтила, что печать дѣйствуетъ болѣе въ духѣ Высочайше утвержденныхъ уставовъ и положеній, чѣмъ сами люди, властью облеченные. Послѣдніе почуяли для себя опасность, и какъ на морѣ, при грозящемъ кораблекрушеніи, всѣ, безъ предварительнаго соглашенія, бросаются на работу для спасенія своего общаго вмѣстилища, такъ бюрократія единодушно ринулась въ походъ противъ печати. Отождествляя себя съ верховною властью, бюрократія представила, нападки на ея дѣйствія, выходками противъ первой; истолковывала сочувствіе и содѣйствіе печати къ осуществленію предпринятыхъ преобразованій, въ смыслѣ посягательствъ на самодержавіе, видѣла во всемъ какія-то опасныя заднія мысли и особенно вооружилась противъ всѣхъ тѣхъ мнѣній и людей, которые не входили съ нею въ сдѣлки и удерживали свою самостоятельность. Пошли доносы, преслѣдованія, запрещенія, усиленіе мѣръ полицейскихъ и карательныхъ и пр. пр. Теперь бюрократія достигла своей цѣли: застращали кого требовалось, умолкли голоса самостоятельные и независимые и, по видимому, у насъ тишь да гладь, да Божья благодать. А на дѣлѣ такъ ли?

Впрочемъ я вовсе не думаю, что мертвенность нашей литературы происходитъ исключительно отъ дѣйствій цензуры. Конечно она много къ тому содѣйствовала и содѣйствуетъ; но такой огромной силы она и имѣть не можетъ. Задерживать, придираться, стѣснять и преслѣдовать — вотъ ея способы дѣйствія; но убивать живое, налагать печать молчанія на уста, имѣющія что̀ сказать отъ избытка души, и бороться съ дѣйствительною силою — это цензурѣ не дано. Еслибы мы имѣли что̀ сообщать существеннаго; еслибы сильныя чувства насъ одержали; еслибы глубокое сознаніе истины насъ одушевляло; то никакая цензура не могла бы удержать наше слово и наше перо. Затрудненія, опасности и мученичества не препятствуютъ заявленію, распространенію и утвержденію того, что люди считаютъ истиною и чего они преисполнены. Если теперь мы молчимъ и цензура легко съ нами справляется, то это происходитъ отъ того, что видно намъ нечего особенно важнаго и сказать.

Да стоитъ всмотрѣться въ издаваемыя книги, журналы и газеты, и нигдѣ нѣтъ ни одного капитальнаго сочиненія. Самое интересное изъ того, что мы тамъ находимъ, заключается въ запискахъ о царствованіяхъ Императрицы Екатерины II и Александра I, и о другихъ болѣе или мѣнѣе важныхъ событіяхъ нашей исторіи. Слѣдовательно, какъ преждевременные старики, мы уже живемъ въ прошедшемъ и утѣшаемъ себя воспоминаніями о прежней нашей дѣятельности. Все же что̀ пишется о настоящемъ, о земскомъ дѣлѣ, о судебномъ производствѣ, объ учебномъ дѣлѣ, о промышленности,

о торговлѣ и о другихъ важнѣйшихъ предметахъ, такъ вяло, такъ поверхностно, такъ безжизненно, что прочитавши книгу или статью, чувствуемъ что изъ нихъ ничего новаго мы не узнали и что никакой свѣжей мысли они въ насъ не возбудили. Что же касается до философскихъ, строго научныхъ, общеполитическихъ вопросовъ, то тутъ повторяется только сказанное внѣ Россіи а своего ничего не высказывается.

Изъ сказаннаго очевидно, что не одна цензура виновна въ упадкѣ нашей словесности, но что главнѣйшею того причиною — пустота нашего быта. Послѣдняя заглушаетъ, убиваетъ всякія дарованія, не представляетъ никакихъ живыхъ предметовъ къ обсужденію, не возбуждаетъ въ людяхъ высокихъ и глубокихъ чувствъ, усиленно просящихся наружу, и пуще всего погружаетъ въ апатію отсутствіемъ всякихъ горячихъ вѣрованій и безцѣльностью всякихъ усилій. Надобно отдать справедливость нынѣшнему цензурному вѣдомству, что оно мастерски и очень усердно пользуется общимъ упадкомъ духа на Руси. Оно смотритъ сквозь пальцы на все, что̀ можетъ искажать и разъѣдать нашъ бытъ; оно охотно попускаетъ печатаніе сочиненій безнравственныхъ и безвѣрныхъ; ему льготно въ ничтожествѣ и пустозвонствѣ нашей литературы; оно опасается пуще огня — всего того, что̀ можетъ возбуждать и укрѣплять народныя силы, необходимыя и благотворныя для преуспѣянія государства, но гибельныя для бюрократіи вообще и для цензурнаго вѣдомства въ особенности. Народность — это

лѣшій, который давитъ нашу цензуру и ей покоя не даетъ. — Мудрено ли что, при пустотѣ нашей жизни вообще и при неусыпныхъ усиліяхъ цензуры лишать нашу литературу той почвы, безъ которой она жить не можетъ — мудрено ли что наша печать находится въ страшномъ упадкѣ?

Этотъ упадокъ грустенъ самъ по себѣ — онъ грустенъ для всѣхъ людей благомыслящихъ — онъ не можетъ не быть грустнымъ для Государя, и въ особенности для такого Государя, который, для блага своего народа, совершилъ великія дѣла, и который, заботами о немъ, пріобрѣлъ искреннюю его любовь и неувядаемую славу въ исторіи. Дай Богъ только чтобы люди, выдающіе себя за самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ Его слугъ, не сослужили Ему службу, болѣе вредную для Него и государства, чѣмъ всякія тайныя и явныя враждебныя дѣйствія, которыя у насъ безпочвенны и не могутъ имѣть успѣха.

IX.

Общій выводъ и заключеніе.

Изъ всего предъидущаго, какой общій выводъ мы можемъ и должны сдѣлать?

Выводъ — самый грустный: наше положеніе тяжко, бѣдственно не въ нѣкоторыхъ а во всѣхъ отношеніяхъ.

Причины бѣдственности нашего положенія хотя и многоразличны, однако онѣ всѣ истекаютъ изъ одного и того же источника, а именно: *изъ несоотвѣтствія настоящихъ нашихъ бытовыхъ условій тому быту, для котораго мы чувствуемъ себя предназначенными и къ которому сознательно и безсознательно мы стремимся.*

Это несоотвѣтствіе главнѣйше происходитъ отъ того, что правительство и значительное число людей болѣе или менѣе образованныхъ, ведутъ насъ туда, куда идти намъ не приходится и мы не желаемъ. Для достиженія своей цѣли, они прибѣгаютъ къ насиліямъ и постоянно встрѣчаютъ неудачи; мы страдаемъ стъ этихъ насилій и постоянно чув-

ствуемъ что памъ навязываютъ то, что намъ несвойственно и ненужно; отъ этого и тѣ и другіе раздражаются, все болѣе и болѣе недовольны другъ другомъ и своимъ положеніемъ.

Мы — народъ религіозный — православно-религіозный, т. е. вѣрующій въ ученіе Христово при содѣйствіи разума и на основеніи полной духовной свободы; намъ даютъ какую-то казенную церковь съ первосвятелями-чиновниками, обвѣшанными знаками гражданскаго отличія, и съ свѣтскимъ духовенствомъ, рабствующимъ высшей іерархіи и исполняющимъ свои обязанности не по призванію, не по внушеніямъ совѣсти, а какъ ремесло, дающее пропитаніе и даже нѣкоторые излишки для болѣе удобной жизни. Мы чувствуемъ потребность въ обсужденіи, въ уясненіи нѣкоторыхъ ученій нашей церкви; а намъ этого недозволяютъ, и изъ свят. синода и даже изъ каждаго духовнаго цензора дѣлаютъ непогрѣшимаго папу.

Мы — народъ безсословный — намъ навязали какія-то нѣмецкія сословія и теперь стараются ихъ поддерживать. Конечно ни риттершафта, ни бюргершафта, ни аристократіи, ни демократіи, у насъ не создадутъ, но попытки и усилія къ тому вредятъ народному единству, его потрясаютъ и препятствуютъ его развитію и утвержденію. Несчастная мысль объ усиленіи и возвеличеніи дворянства, нынѣ преобладающая въ верхнихъ административныхъ и общественныхъ сферахъ, особенно вредитъ намъ, дворянамъ, ставя насъ въ земствѣ въ какое-то обособленное положеніе. Аристократіи у насъ, и вообще въ XIX вѣкѣ, не создадутъ, но

много могутъ повредить дворянству, отнимая у него возможность быть въ земствѣ тѣмъ, чѣмъ, по своему образованію и своимъ достаткамъ, оно быть должно. Русскіе — по преимуществу народъ земскій; всякія выдѣленія изъ него конечно ослабляютъ земство, но они несравненно вреднѣе для выдѣляемыхъ, которые теряютъ почву подъ своими ногами и становятся какими-то безсильными ублюдками. Земство у насъ было принялось, начало дѣйствовать, сплотняться и укрѣпляться; но изъ Питера насылаемые указы, циркуляры и губернаторы имѣютъ постоянно въ виду все болѣе ограничивать дѣйствія земскихъ собраній, и тѣмъ вызываютъ столкновенія между ними и администраціею, охлаждаютъ земскихъ дѣятелей, и подрываютъ въ корнѣ самое земство.

Долго мы страдали отъ неправды въ судахъ; наконецъ мы получили такое судебное устройство и такіе уставы, которые намъ обѣщали „судъ скорый, правый, милостивый и для всѣхъ равный.“ Дѣло пошло такъ, что успѣхъ его превзошелъ надежды даже людей много ожидавшихъ отъ русскаго ума и русской практичности. Но и тутъ администрація стала дѣлу поперегъ и, всякими прямыми и косвенными, явными и тайными мѣрами, старается сдѣлать тщетнымъ это великое нововведеніе.

Даже губернскія земскія собранія, составленныя преимущественно изъ лицъ привилегированныхъ сословій, т. е. почти неплатящихъ никакихъ податей, единогласно высказались за отмѣну подушныхъ налоговъ, за распространеніе обязанности платить подати на всѣ сословія и за принятіе для

того справедливыхъ и разумныхъ основаній. Но администрація ограничивается до сихъ поръ печатаніемъ трудовъ податной коммиссіи, увеличеніемъ акциза на вино, возвышеніемъ цѣнъ на разные патенты, измѣненіями въ уставѣ о гербовомъ сборѣ и пр., а важное дѣло о преобразованіи подушныхъ податей остается неподвижнымъ. — Мы убѣждены въ необходимости разработывать естественныя богатства нашей страны, развивать нашу промышленность и расширять нашу торговлю и внутреннюю и внѣшнюю; а насъ направляютъ на спекуляціи, на биржы и на опасную биржевую игру.

Мы желаемъ датъ нашимъ дѣтямъ общечеловѣческое и русское образованіе; дѣти наши желаютъ учиться; но администрація говоритъ намъ: „Вы всѣ дураки; не знаете чему должно учиться, что̀ изощряетъ и выпрямляетъ умъ, укрѣпляетъ духъ и дѣлаетъ человѣка настоящимъ человѣкомъ. Я все это знаю досконально; умные и ученые люди меня тому наставили; морите дѣтей на классическихъ языкахъ и классикахъ; все остальное — трынтрава — само придетъ.“ — Скажите: соотвѣтствуютъ ли эти условія тѣмъ, при которыхъ русскіе люди желали бы воспитывать своихъ дѣтей или сами образовываться?

Мы желали бы, какъ человѣку подобаетъ, высказывать свои мысли и чувства откровенно и такія же рѣчи слышать отъ другихъ; но администрація удерживаетъ за собою право рѣшать, что и какъ мы можемъ говорить печатно, и преслѣдуетъ насъ за тѣ наши слова и мысли, которыя ей не

нравятся и кажутся преступными. Можемъ ли быть довольными?

Даже въ частномъ быту, мы не чувствуемъ себя ни въ какомъ отношеніи обеспеченными. Произволъ сотскаго, становаго и исправника виситъ надъ нами въ деревнѣ, произволъ городоваго, квартальнаго надзирателя, частнаго пристава и полицеймейстера тяготѣетъ надъ нами въ городѣ; произволъ губернатора, департаментовъ и министровъ давитъ насъ и тутъ и тамъ.

Въ прежнія времена, эти или даже и болѣе тяжкія бытовыя условія насъ не такъ стѣсняли, не такъ обременяли, не такъ томили какъ нынѣ. Прежде мы были не въ Европѣ, а только на ея границахъ; прежде мы жили какъ-то особнякомъ а не обще съ образованною частью человѣчества; прежде, заимствуя у Запада разныя жизненныя удобства, и пораженные его цивилизаціею, мы мало вникали въ собственныя свои потребности и гордились своимъ обезьянствомъ; прежде мы не знали инаго суда кромѣ криваго, пользовались крѣпостнымъ правомъ на людей или отъ него терпѣли, услаждались въ разгулѣ произвола или отъ него страдали; однимъ словомъ, прежде мы были полуазіятцами, полуевропейцами, но не были людьми образованными, сознающими свое человѣческое достоинство, свои человѣческія права, обязанности и потребности. Конечно и теперь мы не можемъ себя считать достигшими такого сознанія; но въ насъ пробудились къ нему стремленія; мы чувствуемъ что стали иными людьми, что въ насъ заговорили

иныя потребности и что удовлетвореніе ихъ сдѣлалось необходимостью.

А между тѣмъ, этого удовлетворенія не только нѣтъ, но есть ему явное и тайное противудѣйствіе.

И это противудѣйствіе не отъ главы правительства. Нѣтъ! Имъ, вопреки совѣтамъ, убѣжденіямъ, застращиваніямъ и markup козням многихъ, выдававшихъ себя за усерднѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ Его слугъ, совершены: освобожденіе крѣпостныхъ людей, введеніе земскихъ учрежденій, установленіе гласнаго и устнаго суда, съ присяжными засѣдателями по уголовнымъ дѣламъ, предоставленіе печати нѣкоторой свободы и многія другія болѣе или менѣе важныя преобразованія, имѣющія цѣлью наше возрожденіе. Упомянутое противудѣйствіе исходитъ отъ исполнителей будто Его воли, отъ людей у которыхъ на языкѣ преданность къ Его особѣ, а на дѣлѣ — одна преданность своимъ личнымъ интересамъ — отъ людей, которые заслоняютъ собою народъ отъ Него и Его отъ народа.

Отъ чего же и какимъ образомъ такое противудѣйствіе можетъ происходить?

Въ Петербургѣ мало знаютъ Россію и ея обитателей. Иногда по ней проѣзжаютъ въ вагонахъ; иногда посѣщаютъ Москву, такъ называемое сердце Россіи; иногда заглядываютъ въ избранныя ея мѣстности; но собственно Россія, какъ народъ, имѣющій свои особенности, свои стремленія и свои нужды, и по преимуществу представляемый людьми, живущими, во внутренности страны, жизнью земскою и частною — эта Россія словно гдѣ-то — за тридевять земель; она въ Петербургѣ менѣе из-

вѣстна чѣмъ Германія, Франція, даже Англія. Петербургское такъ называемое общество, составленное изъ военныхъ и гражданскихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ — вотъ собственно та Россія, которая тамъ постоянно имѣется въ виду, которой умомъ и духомъ пробавляется наше государственное управленіе, и изъ которой избираются у насъ министры, директоры департаментовъ, губернаторы и прочіе сановники. Мудрено ли что, при такомъ ошибочномъ, ложномъ принятіи одной вещи за другую — частички, и притомъ далеко не лучшей и не существенной, за цѣлое, у насъ преслѣдуются цѣли, совершенно противныя общимъ желаніямъ, издаются законы неисполнимые и не соотвѣтствующіе потребностямъ страны, и принимаются мѣры, по большей части, не только не достигающія предполагаемой цѣли, но прямо ей противудѣйствующія — мудрено ли что, при такой обстановкѣ, каждый блинъ выходитъ комомъ?

Прошли для Россіи тѣ времена, когда можно было ею управлять, мало заботясь о ея желаніяхъ и нуждахъ, которыя чрезвычайно умножились, измѣнились, уразнообразились и пріобрѣли такое значеніе, что не могутъ не быть принятыми во вниманіе. Если бы наши министры и законодатели имѣли и по семи пяденей во лбу, то ихъ бы не хватило на удовлетворительное исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей. Теперь безусловно необходимо узнавать отъ самой страны, что̀ ей нужно, чего она желаетъ и какъ лучше удовлетворить и тому и другому. Какъ сама страна, особенно такая обширная какъ Россія, не можетъ лично и прямо вы-

сказываться, то она должна это исполнять чрезъ своихъ представителей. А потому: *учрежденіе государственнаго земскаго собранія* или *государственной земской думы — стало необходимостью неотложною — неустранимою.*

Пожалуй скажутъ, что мы до этого еще не доросли, что для этого мы недостаточно развиты, что это крайне опасно; и пр. пр. Точь въ точь такія рѣчи произносились и по поводу освобожденія крѣпостныхъ людей, и при введеніи земскихъ учрежденій, и при установленіи гласнаго и устного судопроизводства. А между тѣмъ всѣ эти великія реформы совершились не только безопасно и благополучно, но и легче и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ можно было даже ожидать. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида и того обстоятельства, что приведеніе въ дѣйствіе этихъ преобразованій находилось въ рукахъ людей, которые враждебно были къ нимъ расположены, которые противупоставляли и теперь противупоставляютъ имъ всякаго рода препятствія, и которые неутомимы въ изысканіи средствъ къ искаженію первоначальныхъ Уставовъ и Положеній. Если этихъ перечниковъ не будетъ; если царскіе совѣтники и исполнители царской воли будутъ взяты изъ среды народныхъ избранниковъ, изъ среды людей, не случайно попавшихъ на берега Невы и тамъ забывшихъ что есть иная Россія, кромѣ той, которая разъѣзжаетъ и расхаживаетъ по Невскому проспекту, а людей излюбленыхъ своими согражданами за ихъ умъ, свѣденія, добросовѣстность и любовъ къ общему дѣлу; то, при такихъ условіяхъ, всѣ преобразованія пойдутъ еще много успѣшнѣе,

и, при содѣйствіи страны а не при ея страдательномъ послушаніи, всѣ законы и мѣропріятія будутъ для нея истинно благотворными, и тѣмъ исполнятся желанія всякаго русскаго, любящаго свое отечество, и въ особенности великаго нашего Государя.

Какъ устроить и изъ кого составить нашу государственную земскую Думу? Какія права ей предоставить и какія обязанности на нее возложить? Какой кругъ дѣятельности ей очертить? Эти и другіе подобные вопросы — разрѣшить не трудно. Самое существенное — убѣдиться, что мы не можемъ долѣе оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ мы нынѣ находимся, что намъ необходимо изъ него выйти, и что единственный къ тому путь и способъ есть учрежденіе сказанной Думы. Если это убѣжденіе въ насъ утвердится; если имъ мы глубоко проникнемся и если достанетъ у насъ силы воли провести его въ исполненіе, то все остальное, намъ потребное, придетъ само собою. Главныя наши, по этому дѣлу, упованія мы возлагаемъ на Того, Кто такъ благовременно и премудро уже совершилъ великія преобразованія, имѣющія служить ступенями къ полному и окончательному возрожденію Россіи.

Прочитавши эту книжку, иные, пожалуй, найдутъ что положеніе наше представлено въ ней черезъ чуръ мрачнымъ; другіе, быть можетъ, упрекнутъ въ томъ, что мы недостаточно подкрѣпили наши заявленія и мнѣнія фактами и цифровыми

данными; окажутся вѣроятно и такіе читатели, которые, соглашаясь съ нами во многомъ, выскажутъ сожалѣніе, что мы, указавши вѣрно разные одержащіе насъ недуги, не предложили ряда мѣръ, къ ихъ уврачеванію.

Первымъ мы отвѣтимъ что, при поверхностномъ или одностороннемъ наблюденіи явленій нашего быта, можно признать, что такая или иная сторона нашего положенія не такъ бѣдственна, какъ нами она изображена; но мы убѣждены что, при болѣе внимательномъ, многостороннемъ и въ глубь обстоятельствъ вникающемъ расмотрѣніи и обсужденіи различныхъ видовъ нашего житья-бытья, должно скорѣе придти къ заключенію, что мы еще слабо изобразили бѣдственность нашего положенія, и что мы грѣшимъ не пессимизмомъ а даже оптимизмомъ. Нѣтъ! наше положеніе очень тяжко и опасно; переломъ къ выздоровленію и окрѣпленію или къ маразму — теперь долженъ, въ жизни Россіи, совершиться; чѣмъ скорѣе и глубже мы сознаемъ всю бѣдственность нашего положенія, тѣмъ болѣе вѣроятій, почти вѣрныхъ задатковъ или залоговъ къ благопріятному разрѣшенію одержащей насъ болѣзни. Неужель мы сами не въ состояніи прямо посмотрѣть въ глаза грозящимъ намъ опасностямъ и будемъ ожидать чтобы они надъ нами разразились? Не ужель не себѣ а врагимъ нашимъ, мы снова будемъ обязаны пробужденіемъ и оживленіемъ?

Вторымъ нашимъ обвинителямъ мы скажемъ, что дѣйствительно мы представили мало фактовъ и еще мѣнѣе цифръ, и что это произошло отъ малой

нашей вѣры въ силу доказательности какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Можно привести десятки фактовъ и еще болѣе цифровыхъ данныхъ въ подкрѣпленіе самаго ложнаго мнѣнія, а все таки правды тутъ не будетъ. Мы высказали въ этой книжкѣ то, что̀ считаемъ правдою. Если это такъ, то общее сочувствіе подкрѣпитъ и утвердитъ наши слова лучше всякихъ искусно собранныхъ и сопоставленныхъ фактическихъ доводовъ. Если этого сочувствія мы не встрѣтимъ, то утѣшимся мыслью что не скрывали того, что считали истиною. А потому пусть міръ будетъ нашимъ судьею.

Наконецъ послѣднимъ, т. е. нашимъ единомысленикамъ отъ части, мы не утаимъ, почему не предложили частныхъ мѣръ къ уврачеванію различныхъ недуговъ, отъ которыхъ мы страдаемъ. Мы убѣждены что, при нынѣшней правительственной обстановкѣ, никакія мѣры и никакіе законы не могутъ принести пользы. Самые мудрые законы и самыя благія мѣры, еслибы они были даже утверждены, окажутся безсильными въ рукахъ исполнителей, къ нимъ не расположенныхъ. Добавимъ къ этому еще слѣдующее: когда болѣзнью пораженъ организмъ, въ главныхъ его отправленіяхъ, тогда не лѣчутъ прыща на лицѣ или мозолей на ногахъ.

Приложеніе къ стр. 136.

Очеркъ

Современнаго женскаго института.

I.

Мысль о томъ, что закрытыя учебно-воспитательныя заведенія отрываютъ дѣтей отъ жизни, даютъ фальшивое направленіе ихъ мысли и чувству, дѣлаютъ изъ нихъ въ большинствѣ нравственныхъ уродовъ и такимъ образомъ представляютъ собою серьезное зло, что̀ въ настоящее время общеизвѣстно и общепринято въ кругу всѣхъ мыслящихъ и смыслящихъ людей; а между тѣмъ наши женскіе институты все еще стоятъ и крѣпко держатся на своемъ мѣстѣ, нисколько не измѣняясь въ своемъ существѣ, игнорируя требованія жизни и науки воспитанія. Отъ какихъ бы причинъ ни зависѣло осуждаемое жизнью и наукою существованіе институтовъ, — во всякомъ случаѣ этотъ анахронизмъ, эта педагогическая аномалія есть фактъ, и притомъ фактъ весьма грустный и тяжелый.

Я не рѣшилась бы публично и рѣшительно высказывать своего мнѣнія, еслибъ оно было построено только на моихъ умозрительныхъ выводахъ; но, какъ *одна изъ бывшихъ институтокъ*, я рѣшаюсь разсказать читателю все, что знаю изъ опыта объ умственной и нравственной сторонахъ институтскаго быта. Всѣ воспитывавшіяся въ институтахъ, всѣ коротко знакомыя съ нимъ подтвердятъ истину моихъ заявленій, положа руку на сердце; я не

хочу ни прибавлять, ни убавлять чего-нибудь къ тому, что есть; я хочу изобразить предметъ такъ, какъ онъ есть.

Я думала сначала написать для этой цѣли „воспоминанія“; но такъ какъ мелкія подробности институтской жизни, болѣе или менѣе извѣстныя, могли бы заслонить собой главныя мысли, то эти послѣднія я и излагаю въ предлагаемомъ очеркѣ.

Достоинство каждаго учрежденія оцѣнивается сообразно съ его современною реальною потребностью, цѣлью, отчасти средствами и, наконецъ, достиженіемъ самой цѣли. Посмотримъ же, что такое на самомъ дѣлѣ женскій институтъ. Что требуетъ въ данный моментъ наше истинно просвѣщенное общество, или лучше наша нравственная и умственная жизнь отъ института, какъ отъ женскаго учебнаго заведенія? Отвѣтъ ясенъ: образованныхъ и воспитанныхъ дѣвицъ, будущихъ полезныхъ членовъ семейства и общества.

Но, скажутъ намъ, это только прекрасная мечта немногихъ гуманныхъ, развитыхъ людей и только фразы многихъ полупросвѣщенныхъ, которыхъ хватаетъ на однѣ фразы.

Къ несчастію, должно сознаться, въ этомъ возраженіи много правды. На самомъ дѣлѣ, лица, помѣщающія въ институты своихъ дѣтей и родственницъ, требуютъ лишь такого образованія, какое привыкли разумѣть подъ этимъ словомъ въ обыденномъ смыслѣ, т. е. поверхностнаго знанія обще-принятыхъ наукъ, музыки, пѣнія, танцевъ, рисованія и рукодѣлія. Кромѣ того въ институтѣ, — что кажется положительно немыслимымъ, — обучаютъ и хозяйству.

Все это требуется потому, что вообще „такъ принято“, что въ высшемъ сословіи это нужно для того блестящаго образованія, какое требуется уровнемъ развитія этого общества; затѣмъ среднимъ сословіемъ средняго состоянія — для замужства, потому что если женихи и обращаютъ вниманіе прежде всего на приданое, то не всякій же возьметъ „такую дуру необразованную, съ которою стыдно въ люди показаться“, и, наконецъ, среднимъ сословіемъ бѣднаго состоянія — въ виду того, что

бѣдныя дѣвушки сами должны доставать себѣ насущный хлѣбъ, а для этого труда (большею частію гувернантства, должности классной дамы) ничего больше и не требуется, какъ поверхностное знакомство съ нѣкоторыми науками.

Итакъ, внѣшность, блескъ, пыль — вотъ главная суть института; программы, баллы, экзамены, акты, аттестаты, дипломы, медали, шифры — вотъ печальное, мишурное основаніе одного изъ главныхъ разсадниковъ образованія женщинъ, т. е. будущихъ женъ, матерей, воспитательницъ, которыя потомъ должны сами воспитывать юное поколѣніе по образу и подобію своему.

Посмотримъ, на сколько институтъ осуществляетъ даже эти узкія, ограниченныя цѣли, и могутъ ли достигаться въ немъ тѣ, которыя дѣйствительно необходимы для правильнаго развитія общества.

Высчитывая требованія особъ, помѣщающихъ въ институты дѣвицъ, я ни слова не сказала *о воспитаніи*. И это естественно потому, что воспитаніе, въ томъ смыслѣ, *какъ мы понимали его до сихъ поръ*, само собою разумѣется, извѣстное всѣмъ и каждому, существуетъ въ институтѣ, т. е. умѣнье присѣсть (поклониться), держаться прямо, не тяготиться своими собственными руками, зная, какъ и когда, должно складывать ихъ, и т. п., а такое воспитаніе, какое мы *начали понимать* подъ этимъ словомъ, требуется еще очень немногими развитыми людьми, которые не отдаютъ своихъ близкихъ въ институты, ибо хорошо понимаютъ, что тамъ его *не можетъ быть*, а отчего — посмотримъ.

Что такое воспитаніе, въ чемъ оно заключается и чѣмъ обусловливается, — всѣ эти, почти рѣшенные, вопросы въ наше время установились и опредѣлились въ педагогіи съ достаточною ясностью и полнотою, благодаря трудамъ Ушинскаго, Пирогова и другихъ нашихъ педагоговъ, не говоря уже объ иностранныхъ, — почему мы, оставляя теорію, обратимся къ фактамъ и разсмотримъ, какого рода вліяніе имѣетъ институтъ на своихъ воспитанницъ, какая среда окружаетъ ихъ, кто воспитываетъ ихъ.

II.

Начальницы, классныя дамы, учителя.

Посмотримъ, какое отношеніе другъ къ другу и къ воспитанницамъ имѣютъ всѣ эти люди.

Начальница — большею частію княгиня, графиня, по малой мѣрѣ, генеральша — есть, какъ и показываетъ самое слово, „начало“, власть, отъ которой зависятъ и дѣти, и классныя дамы, и учителя (хотя у послѣднихъ есть еще свое начальство, именно по учебной части). Поэтому начальницѣ все должно повиноваться, отъ личнаго ея взгляда и произвола зависятъ институтскія распоряженія, и всѣ эти г-да и г-жи обязаны угождать ей во всемъ, для своей же личной пользы, оставляя совершенно въ сторонѣ интересы воспитанницъ. Хотя воспитанницы называютъ свою начальницу *maman*, однако никогда не видятъ въ ней не только матери, но даже, большею частію, хотя нѣсколько расположеннаго къ нимъ чужаго человѣка. Между тѣмъ она могла бы быть для нихъ maman не по одному только форменному названію, потому что не та мать, которая родила, а та, которая воспитала. Но въ чинныхъ отношеніяхъ къ начальницѣ, къ которой даже матери и вообще родители институтокъ относятся съ такимъ подобострастіемъ*), такъ много и съ такимъ страхомъ говорятъ о власти ея „исключить изъ института“, „погубить на вѣкъ“, такъ убѣждаютъ въ необходимости первой практической добродѣтели послушанія, покорности начальницѣ, влекущихъ за собою, осязательныя выгоды, — затѣмъ, младшее непосредственное начальство — классныя дамы — такъ подобострастничаютъ предъ ней, такъ стараются скрыть отъ нея бу-

---

*) Какъ, напр., должна была смотрѣть на начальницу дѣвочка мать которой, прежде чѣмъ войдти въ ея комнагу, обратилась къ ней въ дверяхъ съ такимъ восклицаніемъ: „я — бѣдная дворянка, смѣю ли я къ вамъ приблизиться?!“

дничное жизни, или же иногда, наоборотъ, выставить его въ преувелнченномъ видѣ, для своихъ видовъ, самыя рутинныя отношенія ея къ нимъ такъ формальны, — что воспитанницы не могутъ видѣть въ ней ничего больше, какъ „начальницу“ въ полномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова, какъ видятъ солдаты начальника въ своемъ полковомъ командирѣ. Есть, конечно, очень добрыя женщины и между начальницами, но самыя отношенія ихъ, вслѣдствіе ихъ начальническаго поста, ихъ обязанность требовать субординаціи и дисциплины, неизбѣжныхъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, но ненавистныхъ дѣтямъ, самая природа которыхъ требуетъ возможно большей свободы, — все это, такъ-сказать, запираетъ ихъ сердца. Но извѣстно, что любовь основывается не на страхѣ; и понятно, какъ дѣти должны смотрѣть на власть, которая за малѣйшій проступокъ дѣвочки, за дерзость, сказанную ею въ минуту увлеченія дѣтскаго гнѣва (можетъ-быть возбужденнаго несправедливостью, что̀ случается нерѣдко), положимъ даже, дѣйствительно виновную, или, наоборотъ, совершенно невинную, по какимъ-нибудь постороннимъ соображеніямъ — можетъ выгнать ее изъ заведенія, дать дурной аттестатъ и такимъ образомъ испортить ей впослѣдствіи жизнь попреками родителей или родственниковъ, огорченіемъ ихъ и своимъ собственнымъ, невозможностью пріобрѣсть образованіе въ другомъ какомъ заведеніи, невозможностью достать кусокъ хлѣба, если она бѣдна, если содержалась на казенный счетъ и. т. п. — Понятно, что при такой власти и отсутствіи сердечной связи, дѣти, и еще болѣе родители ихъ, какъ люди практическіе, видятъ въ начальницѣ бога, предъ которымъ все должно покориться, умолкнуть, самоуничтожиться. Даже и къ „доброй“ maman дѣти не имѣютъ такого свободнаго доступа, какъ къ родной матери, чтобъ обращаться къ ней съ своими просьбами и нуждами, какъ бы онѣ дѣлали это въ своей семьѣ; еслибы даже этотъ образъ начальницы и не останавливалъ ихъ, между начальницей и дѣтьми всегда есть грозныя посредницы — классныя дамы, которыя не любятъ, чтобъ ихъ обходили въ этихъ случаяхъ; если же что-либо подобное и случается,

то это въ свою очередь подаетъ поводъ къ новымъ неудовольствіямъ; пожалуй, можно и на это жаловаться, да вѣдь на всякіи чихъ не наздравствуешься; притомъ тѣ, которыя жалуются, хотя бы и справедливо, все-таки пріобрѣтаютъ себѣ дурную репутацію.

III.

Классныя дамы, большею частію бѣдныя, идутъ служить за жалованье, имѣя въ далекой перспективѣ пенсію. Чтобы заслужить эту пенсію, классная дама поставляетъ себѣ единственною цѣлью — угодить начальству и больше всего начальницѣ, какъ власти, имѣющей силу отказать ей отъ мѣста, хотя бы вслѣдствіе каприза, минутнаго нерасположенія, несмотря даже на то, что она была полезна для воспитанія, но почему-либо не понравилась ей, и такимъ образомъ лишить ее куска хлѣба, возможности обезпечить его себѣ подъ старость. Извѣстно, своя рубашка къ тѣлу ближе и въ силу этого несомнѣннаго аргумента классная дама исполняетъ все то, и *только* то, что нравится начальницѣ, что можетъ хорошо выставить ее передъ начальствомъ*). Словомъ, классныя дамы подчиняются общему настроенію института — *внѣшности:* онѣ заботятся о внѣшности, также какъ и *учителя*, которые дѣлаютъ это отчасти вслѣдствіе тѣхъ же побужденій, отчасти вслѣдствіе программы, парализующей разумную дѣятельность, — дѣятельность, ставящую своею цѣлью поверхностность, — также какъ и каждое начальство передъ своимъ начальствомъ, доходя до самаго высшаго... Всѣ эти воспитатели и воспитанницы, каждый по своему характеру и способностямъ, употребляютъ тѣ или

*) Такъ, напримѣръ, носились слухи, что одинъ изъ попечительныхъ членовъ института очень любитъ *хорошенькихъ*, а по тому передъ пріѣздомъ его одна классная дама ставила всѣхъ хорошенькихъ своего класса на крайнія мѣста лавокъ, между которыми должно было проходить важное лицо, лакомое до *хорошенькихъ* лицъ, и когда воспитанницы замѣчали, что это не ихъ мѣста, она отвѣчала: „ничего, mes dames, только на время, пока князь пройдетъ, — онъ любитъ хорошенькихъ.“

другія способы, но всѣ стремятся къ одной фальшивой цѣли — *выставить дѣло лучше, нежели оно есть въ дѣйствительности.* И это не должно казаться страннымъ, потому что отъ этого зависитъ ихъ личное благосостояніе, не рѣдко даже благосостояніе ихъ семьи, ибо всѣ эти должности суть средства для жизни. Кому какое дѣло, что эта ложь, что это всевозможное, выражаясь вульгарно, надуваніе одной ступени іерархической лѣстницы другою, что эти переодѣванья въ новыя платья и передники въ ожиданіи важныхъ лицъ, которымъ хотятъ показать, что воспитанницы всегда такъ одѣты, — что эти экономы, показывающіе въ рапортичкахъ своихъ такія кушанья, которыхъ нѣтъ, — что эти публичные экзамены съ зазубренными отвѣтами, эта quasi-наука, quasi-нравственность, — что все это и многое другое подобное, взятое вмѣстѣ самое имѣетъ пагубное, растлѣвающее дѣйтвіе на воспитанницъ? Что за „фанаберія" заботиться о какой-то утопической нравственности, когда, у всякаго есть своя непосредственная, личная, практическая цѣль?... Такъ разсуждаютъ классныя дамы, и не знаютъ, и не стараются знать и удовлетворить желаніямъ и нуждамъ воспитанницъ, быть имъ полезными умственнымъ и нравственнымъ образомъ, да и вообще, какъ власть, стараются только вызвать слабыя стороны себѣ подвластвыхъ, чтобы воспользоваться ими или покарать ихъ. О любви тутъ нѣтъ и помина. Конечно, классныя дамы *привыкаютъ*, наконецъ, къ своимъ классамъ, потому что, узнавъ наклонности каждой дѣвочки, на слолько это нужно для благочиннаго управленія классомъ, онѣ управляютъ имъ съ большею свободой. Съ перваго взгляда можно принять за любовь и то чувство самолюбія, съ которымъ иная дама старается выставить и расхвалить свой классъ; но дѣти очень хорожо понимаютъ, что это за любовь. Наконецъ, подобострастіе ихъ къ богатству и знатности воспитанницъ даже тамъ, гдѣ повидимому всѣ должны быть равны, не можетъ возбуждать уваженія къ нимъ.

Какое же можетъ быть нравственное вліяніе всѣхъ этихъ людей на воспитанницъ? Какъ тѣ, такъ и другія знаютъ, что между ними нѣтъ никакой душевной связи, что придетъ время котда этой необходимости не будетъ,

и онѣ разстанутся совсѣмъ, чтобы не мѣшать, не надоѣдать другъ другу. Классныя дамы — это для воспитанницъ несносные шипы въ институтской жизни, крючки, ежеминутно цѣпляющіеся за каждую мелочь; для классныхъ дамъ дѣти — скучныя, надоѣдливыя, но неизбѣжныя средства для куска хлѣба, для пенсіи. Спросите по совѣсти каждую воспитанницу, любитъ ли она своихъ классныхъ дамъ. „Ненавижу!" (институтское выраженіе) отвѣтитъ она вамъ, да и не можетъ быть иначе, ибо классная дама — это гнетъ, это бичь дѣтской свободы, не по своему личному характеру (предположимъ даже, что у нихъ хорошіе характеры у всѣхъ), а по своему положенію, по своимъ обязанностямъ. Она надзираетъ за ними день и ночь, будни и праздники, круглые семь-восемь лѣтъ, и какъ надзираетъ! Заиграется ли воспитанница и закричитъ громко, классная дама тотчасъ останавливаетъ ее и парализуетъ веселіе дѣтей своими строгими замѣчаніями, а пожалуй или запрещеніемъ играть совсѣмъ, или же *приказаніемъ играть* въ иную игру, а не въ эту. Кончитъ ли воспитанница свои уроки въ приготовительные для уроковъ часы и возьметъ что-нибудь прочесть, классная дама говорить, что она не должна читать въ приготовительные часы для уроковъ. „Да я ихъ приготовила, спросите меня, я ихъ знаю!" — „Все равно, учите." — „Да вѣдь я ихъ знаю." — „Учите еще; это не порядокъ. Вы должны сидѣть въ классѣ приготовительные часы и учиться, а не читать." — Заинтересуется ли воспитанница какимъ урокомъ или чтеніемъ, досадное восклицаніе: „Otez vos coudes", „tenez vous comme il faut", нарушаетъ чтеніе на интересномъ мѣстѣ, прерывая теченіе мысли; если же при этомъ невольно выразится неудовольствіе на лицѣ воспитанницы, тогда еще хуже: „A! Vous me faites des grimaces! Laissez votre livre et allez vous mettre au coin; или извольте сейчасъ же положить эту книгу, возьмите другую, гадкая, непослушная дѣвчонка; она еще не довольна, когда ее останавливаютъ!"*)

---

*) Не вывелась еще манера дѣйствовать слѣдующимъ безцеремоннымъ образомъ: классная дама, не говоря ни слова, иногда подкравшись на цыпочкахъ, ударитъ виновные локти линейкой

И долго еще волнуетъ и мучитъ классную даму мысль о неблагодарности рода человѣческаго въ лицѣ воспитанницъ, опять прорываясь наружу рѣзкими, недовольными замѣчаніями воспитанницамъ.

Нѣсколько часовъ сряду сидѣли воспитанницы въ классѣ, имъ хочется походить, не мѣшая конечно этимъ другимъ, — нѣтъ, не порядокъ, еще черезъ часъ только можно будетъ пройтись по классу, — „сидите, я не позволяю", говоритъ дама. Лѣтомъ, напримѣръ, манкируетъ какой нибудь учитель, попросятся дѣти провети этотъ часъ въ саду, съ уроками, конечно, — нѣтъ, нельзя: по росписанію положено быть въ комнатѣ. Вздумается классной дамѣ велѣть снять перелинки, въ классѣ холодно, просятъ воспитанницы позволенія не снимать, — „нѣтъ снять, я *приказываю*." То „платье длинно подшейте"; то „платье коротко, — отпустите"; то „зачѣмъ зачесали волосы кверху, — maman не позволила", а то „косы низко положили" и нескончаемое число такихъ замѣчаній *). А ужь переписываніе тетрадокъ безконечныхъ — чисто-инквизиціонная пытка!

Часто классныя дамы не только необразованы, но и невѣжественны; довольно быть француженкой или нѣмкой, чтобы получить это мѣсто. О нравственности классной дамы въ обширномъ смыслѣ слова, объ ея пріемахъ въ воспитаніи — никто никогда и не думаетъ; было бы въ классѣ тихо, чинно, присѣдали бы ровно и низко при

или своею рукой, радуясь, если ей удается это. Если же дѣвочку предупредитъ кто, или она сама замѣтитъ опасность и сниметъ руки, ей велятъ положить ихъ на столъ снова и подвергнутъ наказанію.

*) Эта мелкая, назойливая придиричвость классныхъ дамъ не рѣдко возбуждаетъ въ дѣтяхъ положительную ненависть къ нимъ. Случалось этой ненависти дѣтей простираться до ожесточенія ихъ молодыхъ и сострадательныхъ сердецъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ классѣ дѣти, желая чѣмъ-нибудь сорвать накопившуюся злобу противъ своей придирчивой и мстительной классной дамы, два-три раза клали ей въ сливки мелко наскобленнаго мыла, и хотя въ первый разъ это произвело рвоту, но воспитанницы не сжалились и поступили такъ же и во второй разъ, кажется, даже и въ третій.

появленіи сильныхъ міра сего, съумѣли бы прибавить къ отвѣтамъ на предложенные вопросы Votre Excellence и т. п. — и классъ считался благовоспитаннымъ. А что сдѣлало на самомъ дѣлѣ это *благое воспитаніе* съ сердцами и умами дѣтей, вѣдь этого не видно, да и стóитъ ли объ этомъ заботиться: выйдутъ онѣ по окончаніи курса, и не увидишь и не услышишь о нихъ ничего весь вѣкъ. Богъ съ ними: какъ онѣ тамъ расправляются съ жизнію, это ихъ дѣло, онѣ здѣсь всѣмъ чужія, временныя посѣтительницы, — живи, какъ знаешь; срокъ кончится, аттестаты подписаны, и слава Богу, — съ шеи долой.

Очень мало такихъ достойныхъ дамъ, которыя съ любовью посвящаютъ себя дѣтямъ, которыя выбрали эту должность не по невоможности имѣть другое занятіе а по призванію, но и тѣ не въ состояніи выносить душной атмосферы внѣшнихъ, мелочныхъ требованій, порождающихъ естественно ненависть воспитанницъ къ нимъ, — но требованій обязательныхъ для нихъ самихъ, фальши, произвола, рутины. Да такихъ классныхъ дамъ, которыя имѣютъ самостоятельный взглядъ на вещи, которыя видятъ въ дѣтяхъ не бездушныхъ куколъ, обязанныхъ двигаться, говорить, чувствовать по ихъ приказанію и исполнять то, что отъ нихъ требуется, въ ту же секунду, — такихъ классныхъ дамъ очень мало и онѣ притомъ считаются чуть ли не революціонерками. Поэтому классныхъ дамъ, разумѣющихъ подъ словомъ воспитаніе не одну дрессировку, начальство, привыкшее видѣть въ подвластныхъ себѣ безусловную покорность, не терпитъ въ институтахъ. „Молчать, не разсуждать!“ — вотъ что требуется начальствомъ отъ классныхъ дамъ, которыя въ свою очередь требуютъ того же отъ дѣтей.

IV.

Не мало дѣтей поступаютъ въ институтъ съ большою охотой, и я была изъ числа такихъ. Мнѣ до того надоѣли домашнія гувернантки, къ несчастію такія, которыя на всѣ вопросы и просьбы объяснить, разсказать что-нибудь, отвѣчали: „учите безъ разговоровъ то, что вамъ задано“,

и которыя при этомъ съ такимъ восторгомъ сами вспоминали объ институтахъ и пенсіонахъ, что я только и мечтала о нихъ. Притомъ братьевъ тоже роздали учиться, мнѣ было скучно одной; такъ много счастія и радостей ждала я отъ сообщества подругъ, такъ много отъ участія классныхъ дамъ, которыя представлялись мнѣ чѣмъ то въ родѣ добрыхъ тетокъ, и, Боже мой, какъ скоро я разочаровалась во всемъ этомъ! Вспоминаю объ этомъ не потому, что это лично касается меня, но этотъ примѣръ можетъ дать общее понятіе о впечатлѣніи, которое производитъ заведеніе на своихъ членовъ и какъ впослѣдствіи растетъ и укрѣпляется оно всѣмъ, что ожидаетъ дѣтей въ институтѣ, или, что еще хуже, какъ онѣ привыкаютъ ко всему, что дурно подѣйствовало на ихъ свѣжія, неиспорченныя чувства, и не замѣчаютъ уже ничего такого въ окружающей ихъ обстановкѣ, что могло бы дурно дѣйствовать на нихъ и чего слѣдуетъ избѣгать.

Та классная дама, въ дежурство которой я поступила, взяла меня подъ свое покровителство, а другая за это самое (какъ я узнала послѣ) преслѣдовала меня и всячески притѣсняла — по счастію не долго — до тѣхъ поръ, пока однажды нашъ инспекторъ, взошедъ нечаянно въ классъ и увидавъ меня на колѣняхъ, *будто бы* за урокъ классной дамы (это было на вакаціи), спросилъ у меня его и, видя, что я знаю его какъ нельзя лучше, велѣлъ мнѣ встать, а ей, по всей вѣроятности, сдѣлалъ выговоръ, потому что съ тѣхъ поръ она перестала преслѣдовать меня, а онъ началъ наблюдать за нею. Съ этихъ поръ я очень полюбила добраго, но вмѣстѣ строгаго инспектора, и какъ, къ моему счастію, я училась и вела себя хорошо, то и онъ не имѣлъ причины быть недовольнымъ мною. Съ удовольствіемъ вспоминаю это обстоятельство, потому что оно очень мирило меня съ всеобщею холодностью воспитателей. Къ несчастію, онъ былъ у насъ не долго.

Далѣе: насмѣшки и обманы воспитанницъ, которыя, „*обобравъ новенькихъ*“ (тожо институтскій терминъ), т. е. попросивъ на время ножницы, ножичекъ, бумаги и проч., отказывались вовсе отдавать ихъ и даже осыпали ихъ

насмѣшками и презрѣніемъ; затѣмъ ссоры ихъ между собою, вражда одного класса съ дригимъ, напримѣръ, за предпочтеніе, оказываемое начальницей, зависть, поклоненіе *царькамъ*, т. е. дерзкимъ и деспотичнымъ дѣвочкамъ, которыхъ всѣ боялись и которымъ угождали даже классныя дамы, — обманы воспитапницами сихъ послѣднихъ, обманы классными дамами начальницы, вражда классныхъ дамъ между собою, формальоыя, безучастныя отношенія ихъ и учителей къ воспитанницамъ, подобострастіе къ начальницѣ и начальству, желаніе выставиться лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, маленькія подлости дѣвочекъ для снисканія любви ихъ, неуваженіе, отвращеніе отъ науки — все это дѣйствуетъ чрезвычайно возмутительно, пока новенькія не привыкнутъ къ этому подобно другимъ, хотя не всѣ могутъ помириться совершенно со всѣмъ этимъ.

V.

Обманы начальницы классными дамами! . . . Какіе же это? — Да очень невинеые, конечно, но тѣмъ не менѣе обманы, которые поселяютъ неуваженіе къ класснымъ дамамъ и даютъ право обманывать ихъ самихъ безъ зазрѣнія совѣсти. Такъ, напримѣръ: дѣти исключительно въ меньшихъ классахъ, приготовивъ поскорѣе уроки, чтобъ отдохнуть нѣсколько отъ занятій, соберутся по двѣ, по три, и сидятъ, разговаривая между собою, или тихонько читая что-нибуть, чтобы не мѣшать друтимъ (иная классная дама по добротѣ своей позволяетъ это); вдругъ возгласъ: maman! maman (начальница)! Класная дама бѣгаетъ, суетится, кричитъ: „по мѣстамъ, занимайтесь чѣмъ-нибудь и, главное, молчать“! Сначаиа безъ привычки это лицемѣріе дѣйствуетъ ужасно непріятно; чувствуешь, что происходитъ что-то дурное. Или въ свободные часы въ будни, или въ праздникъ, классная дама побѣжитъ на полчаса, или даже на десять, на пятнадцать минутъ къ себѣ домой, или зайдетъ въ другой классъ поболтать съ классною дамой, — кажется, что тутъ преступнаго? Нѣтъ, что-бы быть совершенно

исправной, она не хочетъ, чтобы начальница узнала это и на случай ея внезапнаго прихода ставитъ на-сторожѣ воспитанницу, которая, завидя maman, стремглавъ летитъ увѣдомить ее объ этомъ. Бѣда, если она прозѣваетъ ее! Та, возвратившись на свой постъ, водворяетъ тишину и спокойствіе въ классѣ, за что и получаетъ похвалы. И тысячи тому подобныхъ вещей. — Тишина, молчаніе — вотъ заслуга классной дамы, вотъ достоинство класса, ставящееся превыше другихъ душевныхъ качествъ, — тишина въ классѣ, въ свободные отъ занятій съ учителями часы, въ столовой, на прогулкѣ въ саду, въ рекреаціи, вездѣ, повсюду! Въ рѣдкія минуты позволяется разговаривать, но всегда смотрится на это непріязненно. За то ужь въ эти рѣдкія минуты дѣти вознаграждаютъ себя вполнѣ: вмѣсто расговора подымается шумъ и крикъ.

Итакъ, хотя институтки и называются *воспитанницами*, учителя — *воспитателями*, класныя дамы *воспитательницами*, но о воспитаніи, какъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи, въ истинномъ смыслѣ этого слова, и нѣтъ рѣчи. Конечно, здѣсь нѣтъ недостатка въ наставленіяхъ, напр., такого рода, что послушаніе есть первая добродѣтель, тихость скромность (въ переводѣ съ нотаціоннаго языка — полнѣйшее и безусловнѣйшее самоуничтоженіе) — первое основаніе всякаго благонравія. На тебя взводятъ небылицу, обвиняютъ въ чужой винѣ, — молчи, иначе тебя сочтутъ дерзкой; тебя не такъ поняли, — не смѣй и пикнуть, иначе поступишь въ разрядъ mauvais sujets и bêtes noires. Поэтому воспитанницы постоянно смотрятъ, да и не могутъ иначе смотрѣть на своихъ воспитательницъ soi-disant, какъ на власть, которая можетъ карать, гнать и отравлять каждую минуту жизни. Поэтому бѣднымъ дѣтямъ, подъ гнетомъ этой деморализующей власти, предстоитъ мучительная, неестественная, но роковая, неизбѣжная дилемма — или совершенно обезличиться, самоуничтожиться, льстить и подличать всячески, или вести непосильную, неравную, невозможную борьбу. Результатомъ перваго — потеря индивидуальности, уничтоженіе сознанія собственнаго достоинства, подличаніе, лицемѣріе, низкопоклонство: результа-

томъ втораго — озлобленіе, ненависть, презрѣніе къ руководящимъ, иногда дерзкій протестъ, какъ единственное средство излить систематически накопившуюся злобу. Какъ то, такъ и другое невыносимо-грустно и тяжело испытывать и видѣть въ дѣтяхъ, особенно если взять во вниманіе, что все это развивается и крѣпнетъ въ нихъ въ продолженіи семи, восьми, десяти лѣтъ.... Итакъ, о нравственныхъ, сердечныхъ отношеніяхъ между этими лицами, т. е. между воспитанницами и ихъ казенными руководительницами, нечего не только думать, но и мечтать: такія отношенія здѣсь невозможны, немыслимы. Одна сторона — начальствующая, другая — подчиненная; одна — давитъ, гнететъ, насилуетъ человѣческую природу; другая — выноститъ этотъ гнетъ и давленіе и деморализуется, — вотъ обрисовка отношеній.

VI.

Ближайшее начальство не имѣетъ, не должно имѣть самостоятельнаго взгляда на вещи, потому что оно, по мнѣнію высшей въ институтѣ власти, есть только *полицейская, исполнительная власть* — не больше, и чѣмъ уже, чѣмъ ограниченнѣе будутъ права воспитанницъ, тѣмъ легче ей будетъ исполнять свою задачу, выставить передъ начальствомъ мнимыя достоинства, свое умѣнье вести дѣтей, воспитывать, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ все это умѣнье заключено только въ *силѣ власти*, въ грозныхъ аттрибутахъ балловъ, лишеніи обѣдовъ, въ отказѣ родителямъ въ свиданіи съ ихъ дѣтьми въ пріемные дни (варварское наказаніе) и т. д. Наконецъ, причина антипатіи со стороны воспитанницъ къ воспитательницамъ заключается еще и въ томъ, что эти госпожи, по самой обязанности своей, суть *надзоръ полицейскій*. Слѣдовательно, у воспитанницъ тотъ же, въ сущности, мотивъ, въ силу котораго общество относится весьма не симпатично къ становымъ, исправникамъ, квартальнымъ и прочимъ членамъ и чинамъ полиціи, хотя по идеѣ общество должно бы всѣхъ этихъ господъ на рукахъ носить за

сохраненіе его интересовъ. Бѣда опять, если классная дама замѣтитъ, что ея сослуживицу (обыкновенно въ каждомъ классѣ классныя двѣ дамы) дѣти за что-нибудь предпстаютъ ей. Тогда начиняется недостойное, унижающее ихъ въ глазахъ воспитанницъ сеперничество, при которомъ одна старается превзойдти другую въ расположеніи къ ней дѣтей, думая достичь его, унижая, осмѣивая и охуждая заочно распоряженія своей соперницы. Все это, само собою очевидно, чрезвычайно дурно вліяетъ на дѣтей и порождаетъ между ними шпіонство, месть, стараніе поддѣлываться къ каждой изъ дамъ. Очень часто случается, что кого изъ дѣтей отличитъ одна классная дама, ту возненавидитъ другая и третируетъ ее какъ нельзя хуже. Не взлюбивъ какую-нибудь дѣвочку (что случается очень часто изъ совершенно личныхъ побужденій), классная дама имѣетъ полную возможность гнать и преслѣдовать ее до послѣдней степени, безпрестанно жалуясь на нее начальницѣ, передъ которой выставляетъ ее чуть не чудовищемъ, — рекомендуетъ ее за самый ужасный „individu" учителямъ, безо всякаго повода къ такому заявленію со стороны учителя, желая лишь предубѣдить его въ дурную о дѣвочкѣ сторону и т. п. Естественно, что такая возмутительная несправедливость вызываетъ въ дѣтяхъ ужасное ожесточеніе и сильнѣе всего остальнаго закрѣпляетъ ненависть дѣтей къ такимъ воспитательницамъ.

VII.

Къ этимъ, такъ-сказать, вопіющимъ безобразіямъ институтской педагогіи надо присоединить еще массу мелочей, въ которыхъ постоянно выражается самодурство воспитательницъ и полное съ ихъ стороны пренебреженіе къ личности дѣтей. Мы говоримъ „мелочей" только сравнительно, на самомъ же дѣлѣ въ воспитаніи нѣтъ мелочей, да изъ этихъ, повидимому, мелочей, слагается школьная жизнь дѣтей; таковы: гулянье, ученье, покупки, прически, сегодня дозволенныя, а завтра отмѣненныя, безъ всякой видимой или извѣстной имъ причины, потомъ опять допуска-

емыя, даже обязательно и т. д. Это самодурство и деспотическій произволъ служатъ причинами постояннаго недовольства. Вслѣдствіе явнаго неуваженія къ личности воспитанницъ со стороны руководителей, не признающихъ самодѣятельности дѣтей даже въ незначительныхъ дѣйствіяхъ и заботящихся объ уничтоженіи въ дѣтяхъ-дѣвочкахъ всякаго проявленія воли, какъ будто бы онѣ въ самомъ дѣлѣ куклы, которымъ ничего не объясняется, у которыхъ ничего не спрашивается, — вслѣдствіе этого и со стороны дѣтей возникаетъ пренебреженіе и неуваженіе къ приказаніямъ начальства, такъ какъ эти приказанія не имѣютъ въ большинствѣ разумныхъ основаній, какъ, по крайней мѣрѣ, кажется дѣвочкамъ, которымъ никогда не считаютъ нужнымъ объяснять причины этихъ ordres и contre-ordres. Бѣднымъ дѣвочкамъ часто вмѣняется въ обязанность повиноваться даже такимъ требованіямъ, которыя противорѣчатъ убѣжденіямъ ихъ еще чистой совѣсти, напр., просить прощенія за не совершенный поступокъ; насилуютъ эту совѣсть и возмущаютъ чувство справедливости, возвышая и отличая недостойныхъ, но обладающихъ способностью притворяться и подличать, надъ истинно-достойными и т. п., — все это имѣетъ результатомъ глубокое, сильное и нерѣдко навсегда укореняющееся предпочтеніе внѣшности предъ внутреннимъ, формы предъ содержаніемъ, отсутствіе самообладанія, непривычка къ самодѣятельности въ мысли и въ жизни. А уничтоженіе самостоятельности мнѣній и взглядовъ (хотя бы въ такъ-называемыхъ „мелочахъ“), подведеніе ихъ подъ одинъ общій уровень — лишаетъ дѣвочекъ малѣйшей, впослѣдствіи, возможности усвоить себѣ руководящіе принципы, развить энергію, силу воли и ума. Между тѣмъ безъ этого женщина не имѣетъ средствъ противиться вреднымъ вліяніямъ и обстоятельствамъ жизни, хотя бы, такъ-сказать, *инстинктивно* и чувствовалось ей, что эти вліянія и условія дурны, порочны, безнравственны; она не въ силахъ вести въ жизни, разумную и твердую борьбу со зломъ, слѣдуя ясному сознанію своего долга. Сущность, характеръ и условія институтскаго воспитанія не дали ей, да и не могли дать, никакихъ

прочныхъ опоръ для разумно-нравственной жизни и дѣятельности и, въ концѣ концовъ, или совершенно обезличиваютъ дѣвушку, дѣлуютъ ее вялой и апатичной ко всему, или даютъ, въ результатѣ, постоянное недовольство въ глубинѣ души, которое также портитъ характеръ, дѣлая его крайне раздражительнымъ и озлобленнымъ, — портятъ жизнь и даютъ пустоцвѣтъ человѣческой дѣятельности, форму безъ содершанія, куклу, самку. Таковы блага, которыми одѣляютъ своихъ воспитанницъ институты, замѣняя имъ собою родитилей, семью и общество.

VIII.

Но, такъ-сказать въ извиненіе институту, мы должны замѣтить, что и въ самомъ лучшемъ, образцовомъ закрытомъ учебно-воспитательномъ заведеніи и не можетъ быть иначе до тѣхъ поръ, пока оно не измѣнится въ корнѣ, въ существѣ своемъ. Для этого нужно прежде всего изъ закрытаго сдѣлать ei о открытымъ и слить съ дѣйствительною жизнію. Необходимость этой реформы доказывается уже и тѣмъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стали отпускать дѣтей домой на вакаціи, спертый воздухъ нистатута все-таки освѣжился значительно, въ сравненіи съ прежнимъ. Но, скажутъ намъ, если институтъ и сдѣлается открытымъ изъ приходящихъ дѣтей, то какъ же быть съ тѣми дѣтьми, которыя или не могутъ быть воспитываеми въ семействахъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, или же и вовсс не имѣютъ семейства и должны жить до окончанія курса въ учебномъ заведеніи? Въ такомъ случай, для такихъ дѣтей необходимо устроить дѣйствительно *воспитательное* заведеніе, положивъ въ основу его *семейный*, а не казарменный характеръ, такъ вредно вліяющій на индивидуальность человѣка*). „Чѣмъ болѣе

---

*) То, что говоритъ Дольфусъ съ своемъ сочиненіи „Liberté et civilisation“ про французкія мужскія заведенія, можетъ быть безъ искаженія истины отнесено и къ русскимъ, не только мужскимъ

школа походитъ на семью, тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ она на развитіе ребенка“ говоритъ Ушинскій. Отрадное

но и женскимъ заведеніямъ. „Въ самомъ дѣлѣ, нельзя ни учить, ни вообще воспитывать, насилуя природныя человѣческія свойства, а насиліе неизбѣжно тамъ, гдѣ въ основаніе воспитанія не положено *уваженія къ личности.* Отсутствіе этого уваженія понижаетъ умственный и нравственный уровень, ослабляетъ характеры и умы, ибо тамъ нѣтъ силы, гдѣ нѣтъ личности; ибо та система, которая стираетъ личности и уравниваетъ различіе природныхъ способностей и качествъ, если и успѣетъ иногда искусственно выростить нѣсколько скороспѣлокъ, то большею частію наводитъ только внѣшній лоскъ, а внутренно сушитъ источникъ разумнаго и правильнаго развитія.“ Далѣе: „Въ заведеніяхъ все напоминаетъ военную мундштровку, пріемы и дисциплину, разсчитанность движеній и математическую точность занятій. Къ несчастію, здѣсь дѣло идетъ не о военномъ строѣ, который развивается отъ подобныхъ упражненій, а объ умахъ, которые погибаютъ отъ нихъ.“ Далѣе: „Нужно ли упорствовать въ значеніи этой системы, губительной огранизаціи, и для умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка. Каждый видитъ вокругъ себя ея плоды и на самомъ себѣ испыталъ ея вліяніе. Централизація обученія не признаетъ тѣсной связи, существующей между нашими физическими и нравственными силами, и поражаетъ наши способности двойнымъ ударомъ: вредитъ и прямо, непосредственно, затуманивая голову множествомъ предметовъ, несвязно втиснутыхъ въ память, и косвенно, долгими годами тяжелыхъ занятій изнуряя тѣло, лишая его всѣхъ необходимыхъ для развитія элементовъ. Вмѣсто любви къ труду, вмѣсто подпоры и ободренія, ужасъ царствуетъ въ школахъ: средствомъ вызвать успѣхи незамѣтнаго большинства служитъ горячка безпрерывно возбуждаемаго самолюбія, а порывы большинства задерживаются уныніемъ и утомленіамъ. И тѣхъ и другихъ гонятъ безъ разбора впередъ, все впередъ, не давая времени ни осмотрѣться, ни перевести духъ, и не зная, куда мчатся дѣти, словно стадо барановъ подъ криками пастуха и лаемъ собакъ. Чей гласъ можетъ услѣдить за каждымъ ребенкомъ этого стада? Кто въ состояніи дождаться каждаго и каждому дать направленіе, не сворачивая въ сторону съ общей дороги? При централизаціонныхъ условіяхъ, подобный подвитъ не подъ силу и тому, кто былъ бы особенно способенъ къ нему при дурной обстановкѣ. Здѣсь обозначенъ путь, указана точка отправленія и конечная цѣль, показаны привалы и время чтобы дойдти отъ одного къ другому; программа, дисциплина и система назначены разъ навсегда: никто не можетъ передѣлать механизмъ, каждый играетъ въ немъ роль не разумнаго дѣятеля, а винта, колеса. Ничьи усилія не могутъ вырваться за роковую черту, которою стѣснена свобода начинаній и воспитателя

явленіе представятъ въ наше время тѣ учебно-воспитательныя заведенія, которыя будутъ основаны на этой истинѣ. Такое благодѣтельное преобразованіе предстоитъ и московскому малолѣтнему отдѣленію воспитательнаго дома (такъ-наз. Разумовскому), гдѣ дѣти имѣютъ быть ввѣрены по группамъ воспитательницамъ, которыя будутъ не классными дамами только, не учительницами, а́ будутъ исполнять относительно ихъ всѣ обязанности матери-воспитательницы, пребывая съ ними почти неразлучно, уча ихъ занятіями, играми, отношеніями къ окружающимъ, слѣд. воспитывая, развивая и обучая ихъ. И дай Богъ, чтобы нѣжное названіе „мамы", которое, какъ мы слышали, даютъ маленькія дѣти, большею частію сиротки, своимъ новымъ учительницамъ (которыя по окончательномъ устройствѣ и будутъ ихъ воспитательницами), было основано не на рутинной привычкѣ только, а на истинной привязанности къ

и питомца, и за которой всѣ радіусы ведутъ къ одному управляющему центру. Въ состояніи ли наставники, лишонные инициативы, вдохнуть ее въ питомцевъ? Конечно, въ началѣ своей карьеры, иной наставникъ, не утратившій юныя мечты свои, попробуетъ жить и оживлять, но скоро опытъ проучитъ его, и т. д. Затѣмъ, приладившись самъ къ цинизму, а не передѣлавъ его, и онъ, чтобы двинуть впередъ ввѣренное ему стадо ребятишекъ, прибѣгнетъ къ помощи боязни, памяти и тщеславія, особенно памяти, которая раньше является у ребенка и скорѣе ведетъ къ такъ-называемымъ „успѣхамъ". Результаты понятны: отъ преждевременныхъ успѣховъ онъ не развивается; умъ, наполненный отрывочными свѣдѣніями, не созрѣваетъ; способности, пущенныя вскачь, хотя и достигаютъ цѣли, но притупляются. И за стѣнами школы, въ борьбѣ съ жизнію, требующей дѣйствительной энергіи ума и воли, оказывается, что нѣтъ никакихъ силъ подъ блестящей оболочкой; гибнутъ въ лѣни, распадаются въ прахъ и ничтожество эти скороспѣлки, честь гимназій, ихъ вывѣска". „Конечно, говоритъ Дольфусъ, во Франціи есть энергическіе, развитые люди, — но развѣ школы ихъ сформировали? Развѣ они существуютъ *не вопреки* школамъ, устоявъ, силою качествъ своихъ, противъ ихъ сокрушительнаго вліянія? По выпускѣ изъ школъ, не перевоспитали ли, не преобразовали ли они себя, чтобъ укрѣпить и поддержат разслабленныя и развращенныя свойства? И всѣмъ ли удастся исправить свою обезображенную натуру? Слѣды школьной порчи вполнѣ не изглаживаются: умы и характеры, которыхъ она коснулась, останутся уродами на всю жизнь".

своимъ воспитательницамъ, которыя въ свою очередь обязаны замѣнить имъ мать.

Далѣе, для раціональнаго улучшенія института, необходимо измѣнить цѣль его, а слѣдовательно и средства, ибо наружное благоустройство, внѣшній порядокъ, дисциплина, бездушный формализмъ, обезличеніе, — словомъ, все, противное развитію индивидуальности, суть почти неизбѣжныя и необходимыя условія существованія не храма науки и развитія, а женскихъ казармъ съ ученьемъ.

IX.

Прибавьте къ всему сказанному раздражающее и вмѣстѣ мертвящее однообразіе, страшно рутинную жизнь, отсутствіе всякихъ развлеченій, запрещеніе, въ большей части институтовъ, читать хотя изрѣдка, въ праздники, книги, романы и повѣсти хотя бы достойныхъ уваженія писателей и путешествія. Библіотека существуетъ рѣшительно для вида, книгъ не даютъ читать, боясь, что онѣ будутъ изорваны, — находя, что это совсѣмъ лишнее, что это будетъ отрывать отъ занятій; даже выписываемыхъ научныхъ журналовъ не даютъ. Спрашивается: для чего же они выписываются, какъ не для вида? Не позволяютъ читать даже въ среднихъ и старшихъ классахъ, между тѣмъ какъ при этой мертвящей жизни и сухой методѣ преподаванія, постороннія, не классныя книги, — конечно, при *разумномъ выборѣ*, — чрезвычайно освѣжительно могли бы дѣйствовать на душу, возбуждать потребность заглянуть въ свою собственную душу, провѣрить свои мысли, вникнуть въ свой внутренній міръ, — могли бы привести къ самосознанію, къ критическому разбору своихъ побужденій, дѣйствій, — могли бы знакомить воспитанницъ съ великими идеями и стремленіями человѣчества, со способами проведенія ихъ въ жизнь, съ препятствіями, которыя онѣ могутъ встрѣтить, и съ возникающею, вслѣдствіе этого, борьбою въ жизни, — словомъ, чтеніе книгъ могло бы развить въ будущихъ женахъ и матеряхъ самостоятельную, умственную и душевную дѣятельность, расширить умственный кругозоръ и, при реальномъ на-

правленіи, принятомъ въ настоящее время литературой, знакомить ихъ съ дѣйствительною жизнію, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ это замкнутое, неестественное институтское существованіе. А сколько есть хорошихъ книгъ изъ жизни природы, способныхъ возбудить и укрѣпить великій интересъ къ наукѣ! Чтеніе произведеній иностранныхъ литературъ въ подлинникѣ могли бы давать и практическій навыкъ въ языкахъ, и знакомство съ исторіей литературы, а чрезъ нее и съ жизнію и особенностями разныхъ націй. Затѣмъ, высказывая учителямъ свои мнѣнія о прочитанномъ большею частію письменно, воспитанницы привыкали бы владѣть языкомъ, выражать свои мысли, анализировать чужія, — словомъ, привыкать къ самостоятельному труду, единственно полезному для душевныхъ и умственныхъ способностей.

Конечно, и теперь воспитанницы дѣлаютъ сочиненія или, точнѣе, *сочиняютъ* ихъ, но при настоящемъ положеніи дѣла въ институтѣ, это разумное занятіе идетъ чрезвычайно тупо и съ большимъ трудомъ, ибо непривычка къ анализу внутренней жизни имѣетъ слѣдствіемъ то странное явленіе, что воспитанницамъ *стыдно* дѣлать сочиненія, показывать ихъ учителямъ и давать такимъ образомъ возможность заглянуть въ свою душу. Этотъ, повидимому, ложный стыдъ оправдывается неразвитостью, смутнымъ сознаніемъ бѣдности и ограниченности идей, безсиліемъ умственныхъ способностей, неумѣньемъ выражаться. Этотъ фактъ можетъ показаться страннымъ для не посвященныхъ въ схоластическую, обрядовую, внѣшнюю жизнь института, но онъ очень знакомъ и понятенъ учителямъ, которые, къ несчастію, сами состоятъ въ такихъ же формальныхъ отношеніяхъ къ воспитанницамъ, не имѣя на нихъ ни малѣйшаго вліянія (за однимъ исключеніемъ, о которомъ буду говорить ниже), которое, между тѣмъ, такъ необходимо воспитателю, ибо безъ него невозможно благотворное развитіе молодой души, какъ невозможно расцвѣтаніе цвѣтка безъ теплаго дыханія весны. Дѣти, или вообще молодые люди, инстинктивно, чутьемъ сердца, если можно такъ выразиться, чуютъ наставника, который самъ относится къ нимъ симпатично, не съ сухимъ, хотя

и добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга за деньги, но съ истинною любовью къ своему званію, съ сочувствіемъ къ нимъ самимъ, а этого нѣтъ и быть неможетъ въ настоящемъ институтѣ.

Учителя, какъ сказано выше, тоже много зависятъ отъ начальства, а потому, отчасти отъ этого, отчасти же вслѣдствіе програмны и даже предписанныхъ учебниковъ, лишаются права дѣйствовать самостоятельно; а безъ самостоятельной дѣятельности учителя и ученицъ не можетъ быть ни малѣйшей пользы При такихъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ возможности выказаться нравственной личности воспитателя, тамъ остается одна говорящая машина, заводимая въ извѣстные дни и часы, чтобъ *учить* дѣтей. Такъ вѣдь и надобно: институтъ существуетъ для ученья, и хотя на каждомъ шагу встрѣчаются печальныя доказательства того, что такъ-называемыя „образованныя дѣвушки“ оказываются безнравственными, въ обширномъ смыслѣ слова, членами общества, не имѣющими никакой нравственной дѣятельности, но все-таки до института это какъ будто и не касается.

X.

Ученье! Но скажите, наконецъ, *естественно ли, разумно ли* требовать отъ ребенка 8—12-лѣтняго возраста чего-нибудь исключительнаго, а тѣмъ болѣе *исключительнаго посвященія себя наукѣ,* какъ бы она тамъ ни преподавалась, или пожалуй *ученію?* Положимъ, что бываютъ для дѣтей небольшіе роздыхи, но самая та мысль, что она, дѣвочка, живетъ въ институтѣ только для того, чтобъ *учиться,* омрачаетъ эту жизнь, ибо въ дѣйствительности этого быть не можетъ, такъ самой подвижной природѣ ребенка несвойственно что-либо исключительное, и въ лѣта ребячества ребенокъ, инстинктивно покоряясь потребностямъ своего возраста, усерднѣе всего старается о томъ, чтобъ *учиться какъ можно меньше;* а такъ какъ это не проходитъ для него даромъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ у него является желаніе *получить балловъ какъ можно больше.* Результатъ этотъ достигается двоякими средствами, одина-

ково вредиыми: прежде всего ребенокъ, одаренный бо̀льшими способностями, чѣмъ его сверстники, употребляетъ ихъ на то, *чтобы какъ можно скорѣе* выучить урокъ, сначала не имѣя охоты, а потомъ — привычки и времени размышлять о немъ, вдумываться въ его содержаніе, и привыкая такимъ образомъ развивать одну память въ ущербъ всѣмъ другимъ способностямъ души. Привычка эта сильно укореняется къ тому времени, когда умственныя и нравственныя свойства начинаютъ развиваться серьезнѣе и сильнѣе. И если прибавить къ этому методу преподаванія, машинальныя, буквально, отношенія окружающихъ людей къ ребенку, которыя ни мало не дѣйствуютъ благотворно на развитіе души, то мы получимъ очень печальные результаты такой узкой и вредной цѣли, достигаемой не менѣе вредными средствами. Другой способъ у неспособныхъ или лѣнивыхъ дѣтей достигнуть тогоже (т. е. учиться какъ можно меньше, а получать балловъ какъ можно больше) — учиться или на живую нитку, съ пятаго на десятое, или же безъ толку, безъ смысла *зазубривать въ долбяшку*, или, наконецъ, совсѣмъ не учиться ничему. И слава Богу, если еще этимъ и окончится все, если ребенокъ, по инстинктивному чувству сасамосохраненія, защищаясь отъ посягательства на его права дѣтской свободы, не возненавидитъ ненавистнаго ученія, а вмѣстѣ съ ученіемъ и самого заведенія, учителей и классныхъ дамъ, какъ гонителей, тирановъ, похитителей всего, что есть святаго и дорогаго у ребенка — семьи, дома, свободы.... А бывали и такіе примѣры передъ моими глазами, во время пребыванія моего въ институтѣ, и будутъ они, вѣроятно, въ немъ еще долго, долго. Помню, какимъ ужасомъ сжималось мое сердце при видѣ этого страшнаго озлобленія, переходившаго границы институтской жизни и институтскаго общества въ нѣкоторыхъ дѣвушкахъ....

Многія дѣти поступали восьми-девяти лѣтъ, не подготовленными, не развитыми, совершенно дикими; и сначала страхъ чужаго, неизвѣстнаго, а потомъ насмѣшки надъ „*новенькой*“ и преслѣдованія со стороны подругъ, насмѣшки и гоненія классныхъ дамъ за манеры и дикость, наконецъ,

холодныя отношенія учителей къ дѣвочкамъ не столько неспособнымъ, сколько загнаннымъ и не сообщительнымъ, — мало-по-малу, систематически заглушили въ нихъ всякое чувство добра и правды, и развивали одну только страсть, которая ничѣмъ уже не была преодолѣна (впрочемъ, никто объ этомъ и не заботился), — *ненависть* къ ученью, къ заведенію и даже не къ одному институтскому люду. А между тѣмъ у дѣтей было доброе сердце, но до такой степени забитое и ложно направленное, что они стыдились всякаго добраго порыва: наприм., нѣкоторыя изъ нихъ, всегда получавшія плохіе баллы, до того привыкали къ тому взгляду, который вслѣдствіе этого, устанавливался на нихъ, что даже *стыдились* приготовить урокъ хоть мало-мальски сносно.

XI.

Но отчего же учителя, между которыми естъ много развитыхъ и добрыхъ людей, не могли сами внести долю сочувствія въ свои занятія, въ свои отношенія къ бѣднымъ дѣтямъ? Отчего?.... А полицейскій надзоръ? А это жалкое, низкое, недостойное недовѣріе къ учителямъ, какъ къ мужчинамъ? О, эти бѣдныя полицейскія госпожи и не воображаютъ, что своими узкими, неразвитыми, недостойными взглядами онѣ только искажаютъ простыя, естесвенныя отношенія воспитанницъ къ воспитателямъ и тѣмъ самымъ порождаютъ такія преувеличенныя, безобразныя, смѣшныя проявленія чувства, какъ *обожаніе* (о чемъ я буду говорить послѣ), которое въ свою очередь заставляетъ учителей благоразумно отдаляться отъ воспитанницъ, чтобы не подвергать себя и ихъ отвѣтственности передъ начальствомъ. Притомъ же, обязательная программа преподаванія тѣснитъ учителя со всѣхъ сторонъ, не давая ему даже физической возможности, за неимѣніемъ времени, задаваться внутреннимъ содержаніемъ предмета, пояснять его, вдаваться въ подробности, конечно, придающія болѣе интереса, говорящія больше чувству, воспріимчивости и воображенію, въ особенности женской натуры, но не прописанныя въ программѣ и от-

далющія учителя и учащихся отъ этой конечной цѣли, къ которой неудержимо должны стремиться они, чтобъ ссполнить свою обязанность, наложенную на нихъ сущноитью института. Вслѣдствіе отсутствія конкретности въ ученіи и отвлеченности преподованія, дѣло идетъ скучно, вяло, безжизненно, безполезно, губя напрасно лучшіе годы для развитія способности и любознательности у дѣтей. Но такъ требуется программой! И вотъ, чтобы достигнуть блаженной обѣтованной земли, конца программы, воспитателю придаются грозныя аттрибуты „полицейскаго"; у него есть разныя орудія, чтобы подгонять путешественницъ, лѣниво переступающихъ съ ноги на ногу: нули, единицы, жалобы, слѣдствіемъ которыхъ обыкновенно бываетъ цѣлая пестрая вереница наказаній, о которыхъ мы уже упоминали и къ которымъ можно прибавить въ младшихъ классахъ — дурацкіе колпаки, билетики съ надписью евангельскими буквами „Paresseuse" и т. п., колѣни, углы, наконецъ, для большихъ и маленькихъ — презрѣніе и выговоры начальницы классныхъ дамъ, снятіе передника*) и множество другаго.

---

*) Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ; оставя въ сторонѣ педагогическій вопросъ о пользѣ наказанія и о томъ, достигаетъ ли оно вообще своей *исправительной* цѣли, — я потому говорю исправительной, что, вѣроятно, всѣ указали бы на эту цѣль наказанія, такъ какъ она благовиднѣе, чѣмъ просто „срываніе сердца", — я спрашиваю; какая прямая, непосредственная цѣль именно „снятія передника"? Верхняя одежда воспитанницъ состоитъ изъ платья, передника и перелинки; воспитанницы такъ привыкаютъ къ ней, что надѣть платье безъ передника имъ *стыдно и неловко*, какъ неловко всякой женщинѣ быть въ одной юбкѣ передъ посторонними. И что-жъ? За незнаніе урока или за что-нибудь въ родѣ этого, съ воспитанницы снимаютъ передникъ, т. е. *лишаютъ ее части одежды въ наказаніе, и зная, что ей стыдно показаться такимъ образомъ передъ посторонними, передъ учителемъ, ее нарочно не прощаютъ* предъ класснымъ урокомъ, конечно, съ благою цѣлью, по ихъ мнѣнію, желая сдѣлать наказаніе чувствительнымъ и полезнымъ для дѣвочки. Кто не знаетъ институтскаго быта, тотъ, можетъ-быть, посмѣется надъ этимъ, не находя здѣсь ничего особеннаго; но тотъ, кому извѣстенъ этотъ бытъ, кто хорошо знаетъ нравы воспитанницъ, — тотъ хорошо, пойметъ, въ какое, въ высшей степени неловкое, положеніе ставитъ это взысканіе, какъ оскорбляетъ деликатность и стыдливость дѣвушки.

XII.

При сухости, отвлеченности, бездушности преподаванія, при отсуствіи нравственной связи съ ученицами, при натянутыхъ холодныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, — ко всему этому присоединяется еще зло — малое по виду, но серьезное по послѣдствіямъ — это вѣчная ожесточенная борьба за баллы: съ одной стороны желаніе поразить непріятеля тамъ, гдѣ всего менѣе ожидаютъ нападенія; съ другой — скрыть всѣ слабыя мѣста и пробѣлъ въ знаніяхъ. Въ виду важной роли балловъ въ институтской жизни, я остановилась на нихъ подолѣе: предметъ этотъ заслуживаетъ по своему вреду полнаго и серьезнаго вниманія. Что такое *баллъ*? Почему онъ играетъ такую важную роль въ общественномъ образованіи, и почему учащееся поколѣніе такъ жадно стремится получить

Безнравственность этого наказанія говоритъ сама за себя. Къ чести и такту учителей должно сказать, что они всегда дѣлаютъ видъ, будто не замѣчаютъ этого, бросающагося въ глаза, недостатка незатѣйливой и несложной одежды институтки, понимая неловкость положенія бѣдной наказанной, которая отъ стыда часто не можетъ отвѣчать урока. Одна несчастная, озлобленная дѣвочка очень часто терпѣла это наказаніе и (также какъ и всѣ часто подвергавшіяся ему) сильно чувствовала его, пока не привыкла, наконецъ, къ нему; но чтобы въ отмщеніе доказать покаравшимъ ее, что это ей ни по чемъ, она нарочно старалась показаться учителю безъ передника, и если случалось ему вызывать ее на средину класса, чтобы спросить урокъ, она вылетала съ такимъ нахальнымъ видомъ, что не только мы всѣ, но и учитель краснѣлъ за нее, и однажды одинъ изъ нихъ, чтобы пристыдить ее, спросилъ: „А гдѣ же вашъ передникъ?“ — „А вамъ какое дѣло?“ отвѣчала она ему дерзко. Съ точки зрѣнія наказующихъ, наказаніе производило свое дѣйствіе, потому что приводило въ стыдъ. Но *дѣйствительно* ли это средство въ состояніи развивать и направлять женскую стыдливость, деликатность и чувство собственнаго достоинства, которыя такъ желательны въ женщинахъ, или такого рода взысканіе, наоборотъ, способно систематически убивать всѣ эти качества, оскорбляя и нарушая самыя естественныя условія женской скромности? Мнѣ кажется, именно послѣднее должно быть неизбѣжнымъ и ужаснымъ слѣдствіемъ подобной мѣры; доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ тѣ, которыя бываютъ чаще наказаны, совершенно теряютъ способность чувствовать наказаніе и поучаться имъ.

хорошіе баллы, въ ущербъ *дѣльности образованія*, въ ущербъ *знанію, развитію,* достиженіе которыхъ совершенно парализуется системою балловъ? Да какъ же и не стремиться учащемуся поколѣнію къ болѣе близкой цѣли, когда она тотчасъ же, непосредственно, приноситъ такіе богатые результаты?! Хорошій баллъ на экзаменѣ даетъ хорошій аттестатъ, хорошее мѣсто, хорошее жалованье, хорошее положеніе въ обществѣ и т. д. И наоборотъ, дурной экзаменъ, дурной аттестатъ — дурное мѣсто и т. д. Казалось бы, все это логично и справедливо. Разумѣется, *еслибъ* истинное знаніе давало всѣ эти клады, а не просто баллы и экзамены, которые часто идутъ, въ разрѣзъ съ ними и даютъ похвальный листъ и одобреніе только тупоумію и безсмысленной, говоря школьнымъ техническимъ терминомъ, *зубрячкѣ.* Кажется, немного осталось воспитателей (особенно при современной разработкѣ педагогичнихъ вопросовъ), которые были бы убѣждены въ необходимости и пользѣ болѣе, чѣмъ въ безполезности и вредѣ балльной системы. Наконецъ, еслибъ она даже имѣла и свою хорошую сторону, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ положить на вѣсы pro и contra и посмотрѣть, что перетянетъ.

Баллъ самъ по себѣ, какъ *отмѣтка,* для памяти, *оцѣнки знанія,* казалось, имѣлъ бы полное право гражданства. Но вотъ хорошая и дурная его стороны, на сколько онѣ поддаются изслѣдованію:

Съ одной стороны, балъ а) награждаетъ добродѣтель и наказываетъ порокъ; б) возбуждая еще болѣе прилежаніе прилежныхъ и пристыжая лѣнь лѣнивыхъ, онъ возбуждаетъ соревнованіе къ ученію и хорошему поведенію; наконецъ, в) какъ я уже сказала, онъ есть отмѣтка для памяти, которою, вмѣстѣ съ экзаменомъ, руководится начальство для *оцѣнки знанія* учащагося.

Но, съ другой стороны, а) врядъ ли баллъ есть дѣйствительно *награда* прилежному и дѣятельному ученику, ибо, *сознавая,* что онъ *заслужилъ* его, онъ принимаетъ его не какъ *награду,* а как *должное*; если же принимаетъ и цѣнитъ какъ награду, то тѣмъ хуже; кажется, уже сознана фальшь этой идеи, также какъ, напр., любви къ добру — не за добро, а за то, что за него воздается

сторицею. Надо стараться всѣми силами изгнать изъ учащагося міра самую мысль потѣхи своего самолюбія этими внѣшними отличіями, а напротивъ стараться укоренять и развивать мысль, что лучшая награда езть *самое пріобрѣтеніе знанія и собственное сознаніе исполненнаго долга.* Удовольствіе, которое чувствуетъ человѣлъ, пріобрѣтая познанія, высоко и благородно: оно возвышаетъ душу и порождаетъ самоуваженіе. Эта мысль, войдя и осуществившись въ теоріи воспитанія, пріучитъ человѣка уважать свое достоинство и довольствоваться этою высокой нравственною наградой, а не руководиться въ жизни пріобрѣтеніемъ знаковъ отличія, ради которыхъ такъ часто жертвуютъ честью, долгомъ, убѣжденіями, можетъ-быть, усвоивъ себѣ эту привычку еще на школьной скамьѣ, въ погонѣ за баллами и т. п. наградами.

б) Опытъ многихъ лѣтъ, кажется, ясно доказалъ, что на лѣнивыхъ такъ же дѣйствуютъ дурныя отмѣтки, какъ на прилежныхъ хорошія. Лѣнтяй очень скоро привыкаетъ къ нулямъ и единицамъ и смотритъ на нихъ какъ на мелкія непріятности жизни, безъ которыхъ нельзя обойдтись. Предположимъ, что система балловъ совсѣмъ уничтожена: развѣ дѣльные ученики станутъ отъ этого лѣнтяями, а лѣнивые — прилежными? Кажется, это болѣе чѣмъ сомнително, также какъ и вообще польза возбужденія соревнованія, что̀ также доказано опытомъ. Не будетъ ли, наоборотъ, оно болѣе возбуждено при отмѣнѣ балловъ хотя и другимъ образомъ? Тогда, не зная, какое учитель составилъ себѣ мнѣніе объ ученикѣ, каждый будетъ старатсья заслужить хорошее, а то часто одинъ не выученный урокъ, вслѣдствіе какихъ-либо извиняющихъ въ сущности обстоятельствъ, одинъ плохой баллъ убиваетъ энергію, самоувѣренность; и ученикъ, сѣвшій на послѣднее мѣсто, и не старается пробиться на первыя скамьи, увѣренный, что это ему не удастся, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые учителя, — что̀ весьма грустно, но и весьма вѣрно, — имѣютъ привычку ставить баллы, говоря по-школьному, по *мѣсту*, т. е. если ученикъ съ послѣдней скамьи и знаетъ какимъ-либо чудомъ свой урокъ, то ему никогда не поставятъ отличнаго балла, вѣроятно,

видя въ этомъ знанiи одну ненадежную случайность; можетъ-быть, это имѣетъ свое основанiе, но, ставя за всякiй отвѣтъ баллъ, уже несправедливо руководиться какимъ-нибудь другимъ соображенiемъ, кромѣ даннаго урока.

Наконецъ, в) баллъ не только не *есть всегда*, но и не можетъ быть дѣйствительнымъ представленiемъ *оцѣнки знанiя и развитiя* — по самой своей эластичности и неопредѣленности: напр., въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведенiяхъ высшiй баллъ 12 и даже 12 +, а въ другихъ 5 и 5 +, — стало-быть, въ какихъ-нибудь изъ принятыхъ балловъ или слишкомъ много оттѣнковъ, или слишкомъ мало. Потомъ, *чѣмъ* руководится учитель, когда ставитъ баллъ? Что можно найдти разницу между 0 и 11 и 4 и между 1 и 12 или 5, это понятно: но какъ опредѣлить ее, ставя 2, 3, 4, или 5, 6, 7 и т. д.? — Значитъ ли это, что при отвѣтѣ сдѣлана одна ошибка, или нѣсколько?... И какого рода эта ошибка: отъ того ли, что языкъ не такъ повернулся, заболтался, или ошибка произошла отъ незнанiя; между тѣмъ и другимъ есть большая разница. Наконецъ, между ошибками отъ незнанiя есть опять громадная разница: можно, при полномъ знанiи и пониманiи предмета, не знать какихъ-нибудь второстепенныхъ подробностей, и, на оборотъ, зная множество второстепенныхъ подробностей, не имѣть полнаго и яснаго представленiя о предметѣ, которое и есть собственно знанiе.

Да и самъ учитель не можетъ сказать, какой онъ поставитъ, въ слѣдующiй разъ, баллъ за такой же приблизительно отвѣтъ, какъ сегодня, ибо невозможно уловить эту приблизительность. Положа руку на сердце, каждый добросовѣстный воспитатель долженъ будетъ сознаться, что, не имѣя возможности составить себѣ *точное, опредѣленное понятiе о баллѣ*, которымъ могъ бы руководиться разъ навсегда, онъ ставитъ его *случайно* (разумѣется, соображаясъ всякiй разъ, на сколько возможно, съ отвѣтомъ урока, но это чрезвычайно гибкая почва), и ни одна цифра отъ 1 до 5 и отъ 1 до 12 не имѣетъ *опредѣленнаго мѣста*. А чтобы быть справедливымъ, онъ долженъ ставить баллы крайне осторожно; но и эта осторожность часто не можетъ

спасти его отъ нареканій въ несправедливости, недоброжелательствѣ, пристрастіи и произволѣ. А положеніе учителя, къ несчастію, всегда таково, что даже, желая разубѣдить въ этомъ своихъ учениковъ (такъ какъ подобное убѣжденіе крайне вредно для благотворнаго вліянія воспитателя на воспитанниковъ, ибо оно имѣетъ своимъ первымъ источникомъ взаимное недовѣріе), онъ не можетъ этого сдѣлать, за не имѣніемъ, такъ-сказать, законныхъ, осязательныхъ доказательствъ. При томъ же ту степень знанія, которую одинъ учитель цѣнитъ въ 5, другой цѣнитъ въ 4 и 7-мь. Вращаясь въ школьномъ мірѣ, или принадлежа къ нему, вы безпрестанно будете слышать разговоры о томъ, что такой-то отвѣчалъ урокъ также хорошо (или дурно), какъ другой, а ему поставили худшій (или лучшій) баллъ; что послѣ этого не *стóитъ* заниматься; что такимъ образомъ послѣдніе перейдутъ на первыя лавки; что такой-то учитель былъ сначала въ духѣ и всѣмъ ставилъ щедрые баллы, а потомъ разсердился на того-то и сталъ ставить дурные; что такому-то учителю надо *приготовлять* урокъ, такъ какъ онъ *спроситъ* въ этотъ разъ, и т. д. Собственно *о знаніи* никогда почти нѣтъ рѣчи, а все вниманіе, все стараніе, все соревнованіе обращено на баллы. Положимъ, что даже всѣ эти нареканія и жалобы неправильны; но, тѣмъ не менѣе, самая *возмозность* ихъ крайне вредно дѣйствуетъ на отношеніе двухъ тѣсно связанныхъ между собою элементовъ учащагося міра. Отсюда — непріязнь къ учителямъ и между собою, *обманъ* учителей воспитанницами, *недобросовѣстность* въ занятіяхъ, *раздраженіе самолюбія,* которое постоянно находится въ напряженномъ состояніи, „охотясь“ за баллами, — а все это, понятно, имѣетъ очень серьезное вліяніе на развитіе ума, на складъ характера и слѣд. на всю жизнь ученика. Замѣтьте еще, что учитель, очень хорошо понимающій, что часто урокъ, заученный чуть не слово въ слово, не есть доказательство твердо усвоеннаго, осмысленнаго знанія, а просто тупоумія съ хорошею памятью, или зубрячки, не можетъ поставить за него дурнаго балла, такъ какъ онъ самъ стѣсненъ программой (и часто весьма узкой), а если ученикъ испол-

няетъ въ точности эту программу (хотя также очень узко), то какое учитель имѣетъ право наказывать его за это дурными баллами? Наконецъ, какъ можетъ учитель всегда опредѣлить всю степень знанія, развитія, прилежанія и способности учащагося, когда онъ за *всякій* урокъ долженъ тотчасъ же ставить баллъ? Напр., естъ ученики и ученицы, которые, не обладая хорошими способностями, или же и обладая ими, но, по лѣности, учатъ уроки *только тогда,* когда ожидаютъ, что учитель ихъ спроситъ, и, спрошенные въ эти разы, разумѣется, отвѣчаюъ хорошо, получаютъ хорошія отмѣтки и занимаютъ мѣста не *по достоинству знанія*, прилеженія, развитія, — развѣ такой баллъ есть правдивый указатель этихъ качествъ ученика? А если учитель и желаетъ сдѣлать его точнымъ представителемъ ихъ, то на это просто нѣтъ физической возможности, при требованіи — ставить баллъ послѣ каждаго урока и при недостаткѣ времени, чтобъ узнать, *такъ ли* понятъ, усвоенъ, осмысленъ урокъ отвѣчающимъ ученикомъ и всѣмъ классомъ. Онъ долженъ *бесѣдовать* съ ними, спрашивать факты, предлагать вопросы, отвѣты на которые доказывали бы степень ученія и усвоенія предмета, но на это, повторяю, нужно время, а его нѣтъ: какъ, напр., въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ урокъ продолжается $1^1/_2$ часа, а въ иныхъ 1 часъ; на приходъ учителя въ классъ, на затишье неизбѣжной при этой маленькой тревогѣ, на вызыванье учениковъ, ставку имъ балловъ и т. п. пройдетъ минутъ 20-ть, если не больше; стало-быть, собственно на выслушиваніе уроковъ и на объясненіе слѣдующаго, остается въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ 1 ч. 10 минутъ, а въ другихъ 40 минутъ, и то, если учитель придетъ минута въ минуту. Этого времени едва достаетъ на выслушиваніе одного или 2-хъ уроковъ, безъ всякихъ бесѣдъ, если урокъ длиненъ какъ, напр., уроки исторіи и литературы и т. п. Конечно, часто было бы полезнѣе спросить одинъ урокъ и по поводу его бесѣдовать со всѣми, какъ сказано выше; но тогда придется поставить одинъ баллъ, а этого весьма мало: вѣдь противъ каждаго имени требуется отмѣтка къ концу мѣсяца, такъ,

напр., мѣсячные баллы, которые служатъ въ теченіи полугодія или 3-хъ-мѣсячія основаніями пересадки, смотря потому, какъ часто принято ее дѣлать. А если есть такіе учителя, которые не за всякій отвѣтъ ставятъ баллы, то къ концу этого періода они должны переслушать всѣхъ, чтобы поставить отмѣтки и тогда учащееся поколѣніе прямо говоритъ: „ну, теперь будутъ спрашивать *для балловъ*, надо приготовиться", зная очень хорошо, что не последовательное ученіе, не постепенное развитіе, не осмысленный трудъ даютъ право на хорошую отмѣтку, а твердо отвѣченный урокъ. Часто многіе ученики, не понявъ чего-либо изъ урока, не просятъ объясненія у учителя, опасаясь, что эта просьба покажетъ ихъ незнаніе и послужитъ къ уменьшенію балла.

Но вѣдь *необходимо* же, скажутъ многіе, для какихъ бы тамъ ни было цѣлей, знать и отмѣчать баллами способныхъ, выдающихся, талантливыхъ личностей отъ другихъ — вялыхъ и непосредственныхъ. Но, *во-первыхъ*, такія личности окажутся сами собой, — и надо замѣтить, что въ общемъ пониманіи достоинствъ сходятся всѣ ученики, тогда какъ за каждый почти баллъ въ отдѣльности рождаются несогласія; *во-вторыхъ*, чтобы воспитатель, съ интересомъ слѣдящій за ихъ развитіемъ, могъ покороче узнать ихъ, дайте ему сначала возможность и время на это, не требуйте, чтобы послѣ перваго урока онъ давалъ хорошіе или дурные знаки отличія совершенно чуждымъ ему дѣтямъ. Дайте ему ознакомиться со свойствами души и ума ребенка или юноши, чтобъ опредѣлить, что̀ онъ такое. Узнавши способности, развитіе и знаніе (которое должно быть пробнымъ камнемъ перваго въ школьномъ мірѣ) каждаго ребенка, хорошій воспитатель почти безошибочно, на основаніи этихъ разумныхъ дѣльныхъ и достойныхъ данныхъ, можетъ опредѣлить мѣсто подобающее ученику по заслугѣ и свойствамъ; трехъ мѣсяцевъ, приблизительно, было бы достаточно на такое знакомство, и только послѣ этого времени учитель могъ бы дать настоящій отзывъ о своемъ классѣ начальству не безцѣльно и не для возбужденія въ дѣтяхъ страстей всякаго рода, а для того, чтобы пріискать средства помочь слабымъ, не

развитымъ, усилить ихъ знаніе и сравнять классъ. Начальству и не слѣдовало бы говорить дѣтямъ прямо, кто лучше, кто хуже изъ нихъ, *во-первыхъ*, потому, что, какъ я сказала, истина скажется сама *собой*; во-*вторыхъ*, для пощады самолюбія, вообще весьма щекотливой струны, въ какомъ тонѣ вы ее ни возьмите; *въ-третьихъ*, для того, чтобы доказать дѣтамъ не фразами только, что дѣло не въ баллахъ, а на *самомъ дѣлѣ*. Переставъ устремлять все вниманіе на внѣшность своего воспитанія, дѣти поневолѣ обратятся къ внутреннему содержанію ученія. Теперь же нетолько дѣти, но большею частію и родители придаютъ больше значенія отмѣткамъ и экзаменамъ, чѣмъ самому дѣлу. А разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія, что, отдавая своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, они предпочли бы для нихъ послѣднее первому; но рутина дѣлаетъ свое дѣло, увлекая за собой все имѣющее въ ней какое-либо соотношеніе.

Что касается до экзаменовъ, то такъ какъ, при теперешней системѣ, важенъ не собственно экзаменъ, а результатъ его, т. е. тотъ же баллъ, то къ сказанному можно прибавить только слѣдующее:

Экзаменъ самъ по себѣ можетъ бытъ очень полезнымъ, какъ общій взглядъ на цѣлое, пройденное по частямъ, какъ освѣженіе въ памяти фактовъ, на которыхъ будетъ основываться и утверждаться послѣдующее ученье. Все идти, бѣжать, летѣть впередъ, не оглядываясь, не вспоминая и не обобщая пройденнаго, есть вѣрнѣйшее средство учиться *чему-нибудь* и *какъ-нибудь*, а напослѣдокъ *не знать ничего*, между тѣмъ какъ repetitio, говорятъ, est mater studiorum. Но для этого у экзамена надо отнять фальшивую постановку, мишурную обстановку и ненужную торжественность. Когда экзаменъ, въ глазахъ учителей и учащихся, сдѣлается средствомъ повторить пройденное, обобщить разрозненное, уяснить темное или плохо понятое, помочь слабымъ и неуспѣвшимъ, — въ такомъ случаѣ, экзаменъ будетъ для дѣтей не страшилищемъ, а желаннымъ, дорогимъ временемъ ихъ жизни; онъ будетъ тогда не casus belli учителей и ученниковъ, а casus pacis, concordiae...

XIII.

Обманъ, ложь, лукавство — изъ личныхъ выгодъ, практикуемые всѣми въ институтѣ — и начальствомъ и дѣтьми; хитрость (и опять — ложь, лукавство) вслѣдствіе запрещенія мелочныхъ, но совершенно не вредныхъ желаній, наприм. купить чего-нибудь, даже полезныхъ: прочесть что-нибудь или идти учить урокъ музыки въ часы приготовленія очередныхъ уроковъ, когда приготовишь ихъ, но когда классная дама, по своей близорукости или капризу, не позволяетъ этого; ненависть за непрерывныя, мелочныя не только требованія, но очень часто просто придирки; поверхностность и узкость, вслѣдствіе поверхностности и узкости научныхъ требованій и самаго ученія; гордость и ненависть, вслѣдствіе несправедливыхъ и часто встрѣчающихся преслѣдованій въ институтѣ исключительно отъ классныхъ дамъ; каррикатурныя понятія долга, чести, назначенія человѣка (напримѣръ: „вы обязаны слушаться, а не разсуждать"; „вы должны молчать, а не отвѣчать"; „мой долгъ наблюдать за вашею tenue" и т. п.), — дальше этого понятія въ институтѣ не идутъ. И это повторяется каждый день въ продолженіи 7—8 лѣтъ. Неуваженіе къ наукѣ, вслѣдствіе яснаго сознанія безполезности ея (вспомните, какъ она преподается и какъ вся сосредоточивается на баллахъ) и въ теоріи и въ приложеніи къ жизни, полное отсутствіе убѣжденій, полное равнодушіе къ возвышеннымъ, гуманнымъ и научнымъ стремленіямъ общества, о которомъ и не знаешь ничего, легкомысліе, безличіе, полное отсутствіе энергіи ума и воли, для которой не было пищи, — вотъ что кроется въ этихъ робкихъ, миловидныхъ созданіяхъ, вступившихъ въ свѣтъ изъ-подъ ферулы попечительнаго института, — много отрицательныхъ и почти полное отсутствіе качествъ положительныхъ.

Если нѣкоторыя изъ институтокъ сохраняются отъ этого нравственнаго растлѣнія, то это возможно только вслѣдствіе какихъ-нибудь исключительныхъ, постороннихъ обстоятельствъ, или вслѣдствіе особыхъ природныхъ душевныхъ способностей и ихъ энергіи, но отнюдь не отъ института.

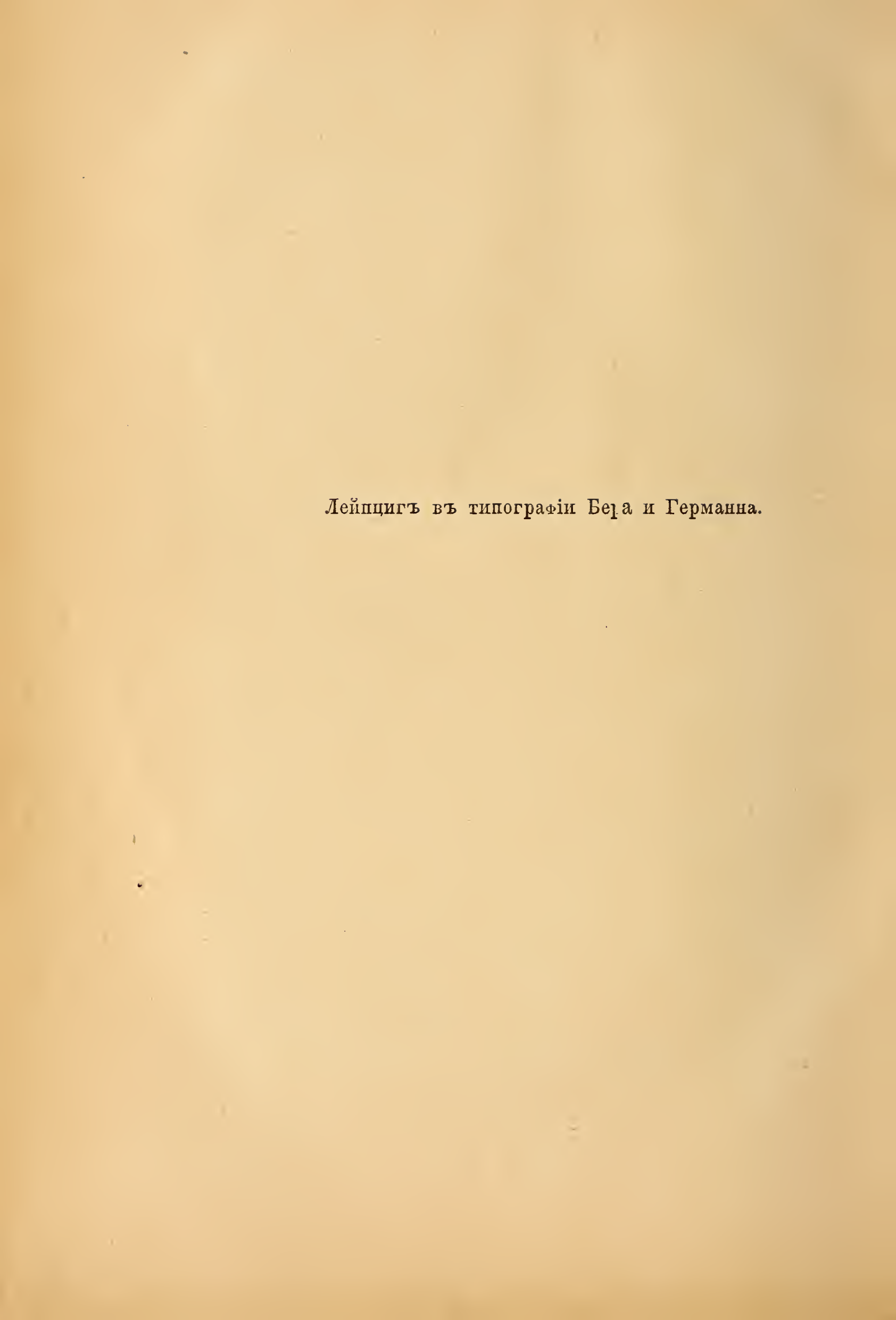
Но, Боже, какое поразительное сборище всевозможныхъ недостатковъ и пороковъ! — скажетъ какой-либо несвѣдущій въ дѣлѣ читатель, — какое безобразное преувеличеніе, какая гнусная клевета!

Нѣтъ, читатель, вы очень ошибетесь, если подумаете, что это — преувеличеніе; къ несчастію, это горькая истина, которую надо объявлять во всеуслышаніе, *именно* потому, что она горька и всѣмъ вредна; но я и не хочу представить институтку представительницей всѣхъ этихъ нравственныхъ мерзостей. Съ перемѣной обстановки, почвы, способствующей развитію въ юныхъ сердцахъ благовидной, но систематической, всесторонней безнравственности, исчезнутъ сами собой вредныя и возмутительныя проявленія ихъ, — для нихъ не будетъ ни мѣста, ни пищи.

Но кто можетъ ручаться, что каждый изъ прививаемыхъ институтомъ пороковъ, практикованный нѣсколько лѣтъ, хотя и въ незамѣтномъ видѣ, во время подготовки къ жизни, не оставитъ своего разъѣдающаго сѣмени въ сердцахъ дѣтей, которое, при первыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, можетъ принести не только пышный цвѣтъ, но ядовитый, умерщвляющій плодъ? И кто не знаетъ, что единственная, общая всѣмъ институткамъ черта, — кромѣ странности пріемовъ и выраженій, которые очень скоро сглаживаются и о которыхъ не стòитъ говорить, — есть безличіе, безхарактерность, — словомъ, величайшая посредствснность. Придется ей попасться въ хорошія руки, зажить разумною, осмысленною жизнію, — изъ нея можетъ выйдти сносная женщина; подпадетъ она подъ дурное вліяніе, — она сдѣлается безнравсвенною женщиной; а если не случится ни того, ни другаго, — она никогда не выбьется собственными силами изъ колеи посредственности, такъ и заглохнетъ въ ней на вѣки. Повторяю, въ ней ничего нѣтъ самостоятельнаго: самая полнѣйшая неразвитость душевныхъ способностей, отсутствіе индивидуальности — основныя черты институтки.

Одна изъ институтокъ.

(Окончаніе было обѣщано, но, за сожженіемъ первой части, авторъ принужденъ былъ смолкнуть.)

Лейпцигъ въ типографіи Бера и Германна.

Важнѣйшія опечатки:

				НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАТЬ:
Стр.	18,	строка сверху	14:	ихъ, лѣни	ихъ лѣни,
„	35	„ снизу	9:	но	не
„	38	„ „	1:	только что нами	нами
„	42	„ сверху	4:	необходимостью, уже	необходимостью и уже
„	48	„ снизу	1:	и	а
„	50	„ „	5:	не почемъ	нипочемъ
„	53	„ сверху	8:	на по чемъ	нипочемъ
„	55	„ „	7:	и особенности	и въ особенности
„	59	„ „	13:	разъѣздные стражи	разъѣздныхъ стражей
„	78	„ снизу	9:	а частными и	и частными а
„	93	„ „	7:	на	не
„	96	„ „	6:	не сдвинуто	не было сдвинуто
„	—	„ „	5:	Издано было	Издано
„	104	„ „	15:	несотвятственности	несоотвѣтственности
„	116	„ „	2:	умомъ.	умомъ!
„	117	„ „	3:	власть.	власть?
„	129	„ сверху	1:	животворнымъ духомъ	животворнаго духа.
„	138	„ „	17:	ни	на

Въ прочихъ, довольно многочисленныхъ опечаткахъ, не измѣняющихъ смысла рѣчи, просимъ извиненія у читателя, въ уваженія того, что книжка печаталась спѣшно и что коректуры присылались изъ Лейпцига въ Емсъ.

Лейпцигъ, въ типографіи Бера и Германна.

